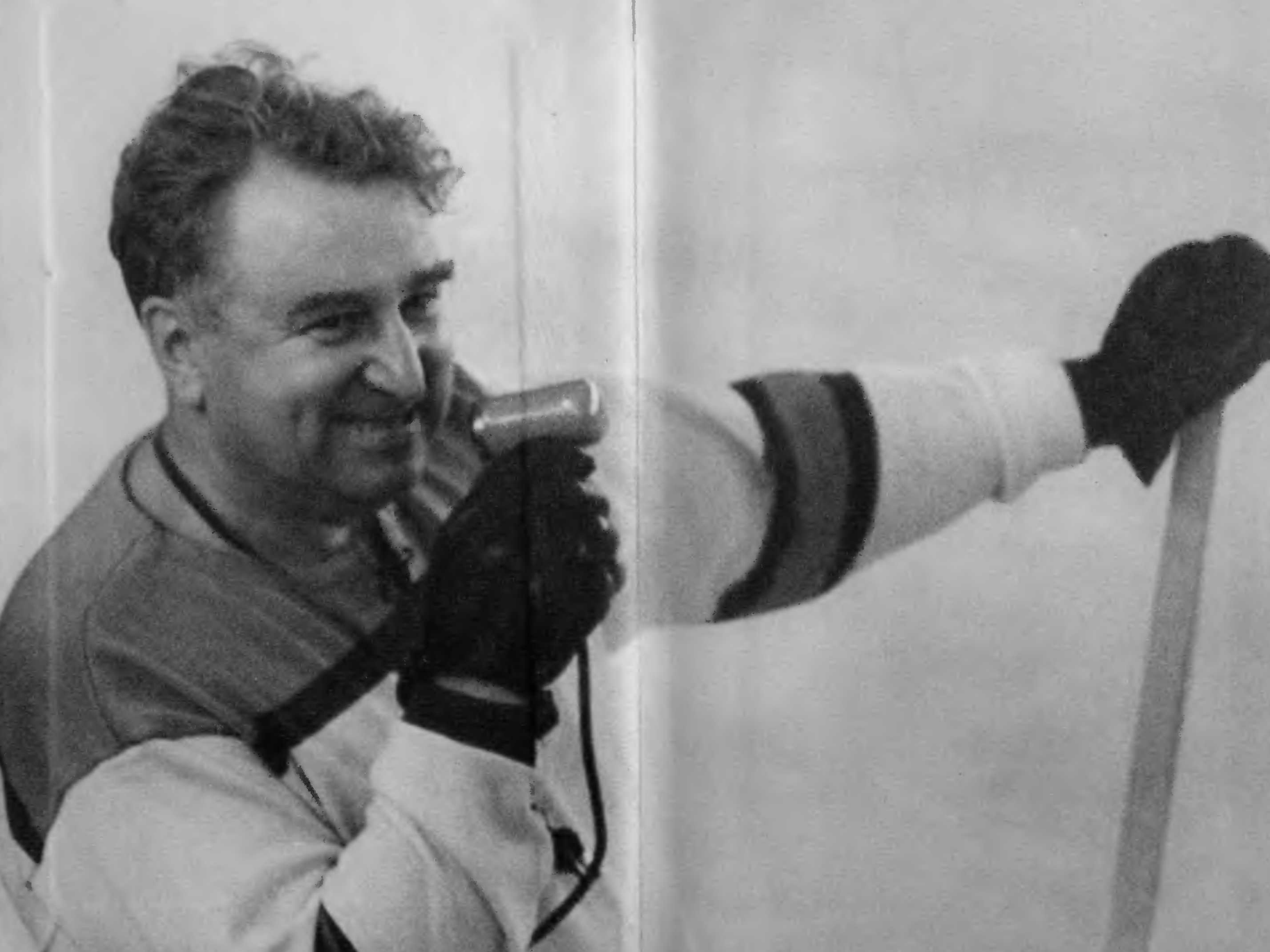

Владимир Акопян

ТРЕНЕР

Анатолий Владимирович
Тарасов

Владимир Акопян

ТРЕНЕР

Анатолий Владимирович

Тарасов

РУТЕНА

Москва 2001

УДК 796.966.071.4(47+57)(092)+929 Тарасов
ББК 75.579
А40

В.С. АКОПЯН
ТРЕНЕР
Анатолий Владимирович Тарасов

Ответственный редактор *Ольга Туркестанова*
Художник *Марина Орлова*
Редактирование и корректура *Павел Волков и Лидия Голубенкова*
Макет и верстка *Марина Орлова*

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой её части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.

ББК 75.579

ISBN 5-8261-0009-5

© В.С. АКОПЯН, 2000
© ООО «РУТЕНА», 2000

3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга эта сдавалась в издательство в середине декабря 1999 года. Все периодические печатные издания к тому моменту пестрели разнообразными публикациями по истории XX века. В них детально были отражены главные вехи уходящего столетия, рассматривалось и пересматривалось *прошлое*, «чтобы понять, простить и отпустить». И, осмыслив все, отправиться дальше свободными.

Видимо, данная книга не является исключением в огромном потоке печатной продукции, завершающей год и столетие. Она всего лишь маленькое и скромное, очень субъективное дополнение к описанию того многообразия явлений и событий, которыми был наполнен уходящий XX век. Ведь история любого столетия — это, прежде всего, сумма историй жизни выдающихся личностей и деятелей, определявших его течение. Сумма их судеб, формирующая судьбу самого века.

Ниже я попытаюсь по-своему рассказать о роли спорта в жизни людей, населяющих нашу планету во второй половине двадцатого столетия. Одним из доказательств огромного социального значения спорта для современного человека является тот ажиотаж, который происходил в заключительные два месяца 1999 года. Самые крупные мировые информационные агентства, международные федерации различных видов спорта, общественные фонды и ассоциации определяли лучших спортсменов уходящего столетия. И всюду повторялись хорошо знакомые имена — Пеле, Надя Комзечи, Майкл

Джордан, Алэн Прост, Эдди Меркс, Бьорн Борг, Марк Спитц, Карл Льюис, Уэйн Гретцки. Все эти люди завершили свою спортивную карьеру, многие уже давно. Но без них самые зрелищные виды спорта никогда не стали бы такими притягательными, какими они нам явились к концу XX столетия.

Неудивительно, что для многих в спорте на первом плане не мысль, а чувство, эмоции, порождаемые наблюдением спортивной борьбы, соревнованием людей. Поэтому среди великих деятелей спорта уходящего столетия нет даже в помине тренеров, только спортсмены. И в этом факте я усматриваю явную легкомысленность и поверхностность затеянного определения «лучших из лучших», чуть ли не предвзятость. Тренер такой же спортсмен, что и тот, кто действует на арене. С той лишь разницей, что именно он несет основную интеллектуальную и созидательную функцию в спорте. Есть одна надежда, что эта вопиющая несправедливость может быть исправлена в течение ближайшего года. Мы ведь знаем, что новое тысячелетие начнется в 2001 году. А сейчас в безудержной эйфории человечество просто отмечает окончание жизни под цифрами 19.. и начало жизни под цифрами 20..

Для кого эта книга? Ответить нетрудно, определив верным детским способом единомышленников среди возможных читателей. Вы любите спорт? А хоккей с шайбой? А тот хоккей, которым восторгалась вся наша страна в 60 — 80-х? Третьяка, Якушева, Мальцева, Харламова любите? А потом Фетисова, Макарова, Крутова, Федорова, Буре? А их отца и праотца А.В.Тарасова? Значит, нам есть что сообща делать и ценить в XXI веке, когда бы он ни наступил.

СПОРТ XX ВЕКА

Сегодня стало модным упоминать, что человечество особенно остро ощущает неудержимый отсчет последних дней и часов XX столетия. Создается впечатление неожиданно возникшего обостренного восприятия уходящего времени. И невольно человек как бы перелистывает самые яркие страницы той части жизни и истории двадцатого века, свидетелем и участником которой он был сам. Невольно вспоминаются наиболее значительные события, их творцы и участники, порой из самых разнообразных сфер человеческой жизни. Конец уходящего столетия ознаменован всепроникающей гегемонией средств массовой информации, которые уже самостоятельно формируют общественное сознание, массовые увлечения и пристрастия. Наиболее важные публичные явления современной жизни служат постоянным лакомством, которым потчуют нас масс-медиа: политика, бизнес, включая экономику и финансы, наука, искусство и спорт.

Не боясь ошибиться, смею утверждать, что из всего перечисленного, спорт к концу века сделался предметом самого пристального интереса большей части населения земного шара. Почему? Как ни странно, на это есть два взаимоисключающих ответа.

Спорт многолик и многообразен. Индивидуальный и командный, он насчитывает сегодня десятки разновидностей, вовлекая в свой круговорот сотни

миллионов людей с самыми разнообразными интересами и вкусами. Вместе с тем, несмотря на многообразие и массовость, спорт в то же время удивительно однороден, потому что он всегда и всюду есть сила в движении. Устремленное и быстрое, изящное и пластичное, всегда силовое самовыражение спортсмена, особенно в момент достижения желанной цели (гол, рекорд, превосходство в единоборстве, опережение), составляют главную притягательность, самый смысл зрелищности и эстетики спорта. Победа невозможна без мобилизации воли. Любое спортивное противостояние есть сшибка характеров и волевых зарядов. Созерцание и ощущение этой грани состязаний порождает лавину несравненных эмоций, ради которых многие тысячи людей приходят на стадионы и замирают у телеэкранов. Поэтому не удивительно, что спорт к концу XX столетия превратился в один из важнейших факторов полноценной жизни цивилизованного общества.

Говоря о силе в движении, нельзя не сознавать, что у человеческого организма всегда есть определенный предел физических возможностей. Хотя и бесспорно, что спортивные достижения и рекорды с годами неуклонно растут, следует признать, что у этого роста появляется все больше и больше внешних стимулов. Фиберглассовые шесты и физиологическая обувь у легкоатлетов, аэродинамические костюмы и толчковые лезвия у конькобежцев, совершенная смазка и коньковый ход у лыжников, гнутые крюки хоккейных клюшек, облегченные, но усиленные конструкции велосипедов и теннисных ракеток, пружинящая обувь баскетболистов и, на-

конец, биофармацевтические стимуляторы или допинг всех видов. Все чаще в последние годы меняются правила игр и условия проведения соревнований с целью повышения их результативности, а значит, и зрелищности. Уровень физической готовности лучших современных спортсменов достиг небывалых высот, но вместе с тем заметно выровнялся. Цена победы или рекорда сегодня исчисляется сотыми долями секунды (вспомните драматическое поражение шведского лыжника Гунде Сва-на — величиной в 1/100 секунды на одной из Олимпиад), сантиметрами, граммами. Поэтому рекорды становятся все большей редкостью. Вследствие этого зрелищность некоторых индивидуальных видов спорта медленно выхолащивается, посещаемость соревнований постепенно падает. Появляются новые, довольно экзотические на первый взгляд виды спорта. Но традиционные, особенно игровые, командные виды спорта сохраняют прежнюю привлекательность. Почему? Думаю, что по одной главной причине. В любом коллективе исполнителей и тружеников всегда есть один или несколько лидеров, выражающих собой превосходство над остальными спортсменами (как соперниками, так и партнерами) в большинстве соревновательных ситуаций, блистательно воплощающих усилия всего коллектива, благодаря ярким зрелищным достижениям (голы, очки, сэйвы). Такие лидеры воспринимаются зрителем как истинное сокровище, красочная драгоценность в добротном командном обрамлении. И это непреходящее ожидание нового и неповторимого блеска влечет и влечет публику на

стадионы. Присутствие таких личностей возвышает команду, за которую они выступают. В ожидании ее игр и побед, которые всегда есть неповторимое действие, всегда загадочный и увлекательный сюжет, зритель дарит такую команду своим постоянным вниманием и верной привязанностью. Красота и стабильность выступлений и командных действий таких коллективов, несомненно, пробуждают в каждом любителе спорта гордое чувство сопричастности к их достижениям. А порой и необъяснимой ответственности за их неудачи и в целом за их судьбу. На основе эстетического и интуитивного восприятия спортивного зрелища происходит и воображаемое самоутверждение человека в рамках столь заметной грани его личной жизни. Так рождаются истинные болельщики спортивных игр. И любимая команда, стремясь одерживать и одерживая победы, щедро платит своим поклонникам за их привязанность и преданность. Обратная связь, существующая в звеньях «команда — болельщик», есть духовная основа общественного интереса к спорту. Но кирпичиком в спортивном мироздании все равно остается спортивная «звезда», от которой тянутся невидимые нити к каждому из многочисленных болельщиков. Поклонение «звезде», интерес к ней, олицетворяют восприятие спорта на уровне ощущения. Оно свойственно подавляющему большинству болельщиков, так называемым фанатам, и фактически определяет массовость увлечения спортом в человеческом обществе. Ведь спортивные иконы ближе и понятнее другим — ученых, писателей, артистов, политиков. Чемпионы делают то

же, что умеет каждый из нас, но просто гораздо лучше. Получается, что «звезда» превращается в тот недостижимый пример для подражания (даже воображаемого), к которому мысленно стремится каждый, кому безразличен спорт. И прелесть такой недостижимости состоит в том, что она определяет бесконечность этого стремления, ибо достижение цели есть ее уничтожение.

Поделившись своим очень субъективным видением некоторых аспектов жизни спорта и механизмов его проникновения в сознание людей, современного состояния спортивных игр, не могу не задаться вполне естественным вопросом: как возникает игровое спортивное действие, до какой степени оно стихийно, насколько подчинено человеческим сознанию и воле? Способны ли спортсмены, группа людей, объединенных сводом правил игры, но при постоянном сопротивлении себе подобных, организовать свои действия так, чтобы превзойти соперника? До какой степени коллективный разум в состоянии быть основой организованных и, что гораздо важнее для зрителя, привлекательных действий игроков?

Игровой спорт в современном виде невозможен без каркаса в виде тренерской концепции, идеи, конкретной мысли, наконец. Диапазон возможностей влияния тренера на игру команды очень обширен — от стратегии команды на сезон, тактики игры на турнире или в отдельном матче, до решения локальной задачи в конкретном игровом эпизоде. Но это лишь сфера соревновательной деятельности тренера, а в его ведении еще и воспита-

тельная работа, подготовка исполнителей, способных добротнo воплотить его устремления. Бесспорно, наиболее гармоничен тот тренер, который сочетает все названные составляющие тренерского навыка. Но только единицы способны к концептуальному восприятию и воплощению игры. В последние полвека подобного тренерского самовыражения в спортивных играх смогли, на мой взгляд, добиться лишь единицы. Например, это Р.Михелс и В.Лобановский в футболе, Е.Карполь в женском волейболе. Наконец, Анатолий Тарасов в хоккее с шайбой.

Тренер, в отличие от спортсмена, не может быть столь близок чувству и пониманию массы болельщиков. Потому что на его стороне не просто глубокое, порой *доскональное* знание игры, недоступное рядовому любителю спорта. Иногда тренер является носителем очень самобытного, отличного от общепринятого, видения игры. Тогда он становится истинным творцом. Если его концепция жизненна и воплотима, рождается новая, неведомая ранее и победная игра. Игра будущего.

ХОККЕЙ — МОЯ ЛЮБОВЬ

Хоккей с шайбой с полным основанием называют самой быстрой игрой XX столетия. Очевидно, что скорость движения на коньках выше скорости естественного, физиологического бега. Приведу наглядный пример. Многие (не только лучшие) конькобежцы мира, стартуя в забегах на 500-метровой (самой короткой конькобежной) дистанции, первые 100 метров пробегают всегда быстрее 9 секунд, — а впереди еще 400 метров более быстрого бега. Мировой же рекорд легкоатлетов в спринте (100 м) — около 9,8 секунды. Добавьте к этому скорость перемещения упругой каучуковой шайбы (от 100 до 190 км/час), и вы получите очень большую «сумму скоростей».

Хоккейный матч проходит в ураганном темпе еще и потому, что игроки в среднем за матч проводят на льду не более 15 — 20 минут чистого времени. Это позволяет им сполна выкладывать физическую энергию за короткий отрезок (не более 1 минуты) времени. Высокий темп игры в хоккее поддерживается за счет смены составов. В современном хоккее большинство команд играет четырьмя пятерками.

Хоккей не похож ни на одну из спортивных игр. По сложности, интенсивности и разнообразию двигательной нагрузки спортсменов в поле, смею утверждать, что это самая трудная игра. Обязательность гармоничного сочетания одновременного и разнообразного действия рук и ног, к тому же «вооружен-

ных» клюшкой и коньками, делает двигательный навык высококлассного хоккеиста самым сложным среди всех игровых видов спорта (только ватерполисты в сложности движений не уступают хоккеистам). А скорость передвижений спортсменов в хоккее столь высока, что за ней порой даже не поспевает мысль игроков. Поэтому им чаще приходится действовать на интуитивно-рефлекторном уровне. Такой вид спортивной игры не может не импонировать всем истинным любителям спорта. А порой и далеких от спорта людей не оставляет равнодушными. А.В.Тарасов с удовольствием рассказывал мне в 1965 году, как Михаил Шолохов впервые в своей жизни был на хоккее, посетил один из матчей сборной СССР на чемпионате мира в Финляндии. В перерыве между периодами Тарасов «на ходу» спросил у Нобелевского лауреата:

— Ну, каково впечатление? Как, нравится игра?

— Трудно объяснить, — ответил живой классик, — только вот ладони постоянно потеют!

С детства мне нравилось «комментировать» спортивные соревнования, главным образом футбол. Мысли о том, чтобы писать о спорте, у меня в том возрасте возникнуть не могло. Как большинство московских дворовых мальчишек 50—60-х, читать я не любил: то ли родители к этому не подтолкнули (много позднее было очень тяжело наверстывать упущенное), то ли физическое развитие, вследствие занятий спортом, опережало интеллектуальное. Мальчишкой я любил имитировать спортивных радиокомментаторов В.Синявского (больше) и Н.Озерова.

В их ярком, взволнованном, синхронном пересказе спортивных эпизодов было что-то завораживающее. Понимание природы этого очарования пришло позднее, когда любители спорта получили возможность видеть соревнования по телевизору. А тогда, в эпоху преобладания радио, каждый слушатель, особенно болельщик, воображал описываемое словами посвоему. И рисовал своих кумиров только ему самому желанными красками. Когда же в наши дома ворвались телерепортажи о спорте (первые хоккейные, если не ошибаюсь, транслировались с московского чемпионата мира 1957 года), комментаторам, на мой сегодняшний взгляд, стало менее уютно. У зрителей (конечно, мыслящих и понимающих спорт) появилась возможность оценить качество репортажа и его профессионализм. Именно в 1959 году я, 12-летний школьник, отправил в редакцию любимого мной журнала «Спортивные игры» письмо, содержание которого и ответ на него, привожу ниже.

Как стать радиокомментатором?

Дорогая редакция! Посоветуйте, как стать спортивным радиокомментатором. Мне это очень нравится.

В.Акопян,
ученик V класса

Чтобы стать спортивным радиокомментатором, надо хорошо разбираться в спорте, знать его историю, обладать грамотной речью, хорошей дикцией. Может быть, у тебя и есть способности, но

для комментатора самое главное — быть хорошо образованным человеком. Мой совет: всерьез о радиорепортаже подумать после школы. А сейчас — надо хорошо учиться! Это самая верная дорога к микрофону.

Н. Озеров,
заслуженный мастер спорта,
радиокомментатор

Не могу понять почему, но возможность доносить до слушателя или зрителя существо происходящего на спортивной площадке мне представлялась очень заманчивой. Естественно, в том возрасте я, как и большинство сверстников, поигрывал (правда, слабенко) в футбол, но больше мне нравился и у меня «получался» баскетбол, а зимой — хоккей с шайбой.

Очень скоро хоккей захватил мое воображение целиком. Я читал все, что писалось об игре — в газетах (и не только «Советском спорте»), журналах («Спортивные игры», «Физкультура и спорт», «Спортивная жизнь России», «Спорт в СССР» и др.) и многочисленных брошюрах. Отец мой, полковник медицинской службы, спорт любил и всегда брал меня с собой на интересные соревнования. Поняв, что хоккей влечет меня сильнее, он, как офицер, быстро взрастил во мне привязанность к команде ЦСКА.

Помните два гениальных документальных телефильма перестроечного периода — «Кино нашего детства» и «Футбол нашего детства»? В этих лентах очень красочно, талантливо и взволнованно показана ранняя послевоенная пора нашей жизни,

главным образом московской. Рассказ в фильмах ведется о тех духовных ценностях, которые стихийно культивировало после тяжких испытаний войны тогдашнее поколение советских людей. Для юношей тех лет эти два социальных явления — кино и футбол — сделались не просто увлечением или времяпрепровождением, но для многих — образом жизни. По моему глубокому, хотя и очень субъективному убеждению, хоккей с шайбой сыграл такую же роль в жизни и сознании советских людей, но с двумя оговорками. Во-первых, тяга и страсть к хоккею, а потом и народная любовь к нему возникли лет на десять позже. Потому что в первое послевоенное десятилетие в хоккей с шайбой играли те же спортсмены, что были национальными героями футбола. Во-вторых, к 1957 году наши хоккеисты одержали две очень яркие победы на мировых чемпионатах, один из которых был и Олимпийскими играми. После Олимпиады 1956 года в Кортина д'Ампеццо (Италия) хоккей встал вровень с отечественным футболом. И по праву претендовал на не меньшую привязанность к себе.

Я считаю, что хоккей периода «оттепели» 1956 — 1964 годов был для советских людей той же отдушиной, тем же духовным образцом и идеалом, что и кинематограф с футболом в послевоенное десятилетие. В те, уже очень далекие 50-е годы дворовым мальчишкам («пионерским блатным», как метко определил всех нас легендарный Алексей Козлов) играть в хоккей с диковинной шайбой было почти нигде. На общественных катках, где по кругу, часто парами, катались любители конькобежного отдыха

всех возрастов (помните восхитительный фильм М. Козакова «Покровские ворота?»), появляться с клюшками запрещалось. Специальные хоккейные «коробки» были тогда еще редкостью. Возводились они только на стадионах районного масштаба. Поэтому стихийная потребность подростков «погонять шайбу» реализовывалась в каждом дворе предельно просто. Любая асфальтированная площадка (будь то проезжая часть двора или что иное), покрытая утрамбованным снегом, была подходящей для скольжения шайбы (да и для ботинок или валенок тоже). Коньки были не нужны. Вооруженные «канадскими» клюшками, мальчишки разбивались на «команды» (по 3-4 человека). Воротами (вратарей не было) служили деревянные (позднее — металлические) ящики из-под стеклотары — многие дворы той поры содержали задворки продуктового магазина. В такой игре можно было воплотить и дриблинг, и острый пас, и кинжальный бросок. Украшением тех баталий были силовые приемы. Хоккей был единственной игрой, где разрешалось оттолкнуть противника. Играли вечерами, при ярком свете уличных фонарей, под которым эффектно сверкал белый утопанный снег. Влетающая в ящик каучуковая шайба издавала характерный «деревянный» треск, напоминавший звук ударов шайбы о борт на стадионах. Такая атмосфера зимнего вечернего двора нравилась его обитателям — мальчишки были при деле. Взрослые часто наблюдали за такими играми.

А уж погонять шайбу на коньках было просто событием в жизни каждого. По счастью, на окраине

Октябрьского поля (где мои родители жили с 1954 года), кишевшего «почтовыми ящиками» и режимными предприятиями (достаточно упомянуть один Институт атомной энергии имени И. В. Курчатова), располагалось спортивное ядро. Оно примыкало к госпиталю МВД, который и по сей день находится там же (а вот стадиона уже нет!), и находилось на границе с возводимым районом Хорошево — Мневники. Футбольное поле, вытянутое вдоль железнодорожной узкоколейки, зимой заливали, превращая его в «поляну» для хоккея с мячом. А покрытые льдом баскетбольную и волейбольную площадки предназначали для хоккея с шайбой. Правда, у тех площадок не было бортов. Зато ближайшая хоккейная «коробка» была тоже недалеко, в Щукине, на стадионе «Октябрь», что над Москвой-рекой. Но там могли играть только избранные, кто умел по-настоящему. На этих же стадионах мы могли наблюдать игры команд тех самых предприятий, находившихся поблизости (соревнования трудовых коллективов). И в хоккей с мячом, и в хоккей с шайбой. Помнится, за один такой «почтовый ящик» выступал даже будущий заслуженный мастер спорта по хоккею с мячом, динамовец Евгений Папугин. Мальчишки старательно перенимали многое из того, что демонстрировали в игре взрослые. Но особенно плодотворной школой для нас было посещение матчей чемпионата СССР. Поначалу в сопровождении родителей, а затем и без них ездили на «Динамо» (Восточная трибуна), в «Сокольники» (когда в конце 80-х услышал песню М. Боярского «Пойдем гулять в Сокольники!», сразу живо вспомнил хоккейное

детство) или Лужники. Жадно ловили любые перипетии борьбы. Многие из сверстников читали спортивную прессу, с особенным интересом отчеты о виденных матчах.

Вехой в нашем стихийном знакомстве с хоккеем и его постижении был первый приезд (конец 1958 года) в Москву канадской команды. Это был клуб «Келовна Пеккерз», финалист Кубка Аллана, который был высшим призом любительского хоккея Канады. «Келовна» сыграла по одному разу с лучшими клубами страны («Крылья Советов», «Динамо», ЦСК МО). Но победить канадцев смогли только армейцы. Почему-то мне в память врезалось заявление одного из канадских хоккеистов, делившегося своими неспортивными впечатлениями от первого визита в СССР. Он заявил, что больше всего ему понравилось жигулевское пиво, которое он постоянно в Москве употребляет, и при этом сожалел, что много его в Канаду увезти не удастся. Такая откровенность казалась неправдоподобной. В наше подростковое сознание уже было неистребимо внедрено убеждение, что спортсмен не имеет права ни курить, ни употреблять любые спиртные напитки. Второе неспортивное впечатление было связано с удивительным для меня фактом присутствия в канадской команде ряда игроков с откровенно украинскими фамилиями.

Но осеннему визиту «Келовны Пеккерз» в Москву предшествовало более важное событие весны 1958 года. На чемпионат мира по хоккею в Осло сборная СССР отправилась во главе с Анатолием Тарасовым (предыдущие годы команду возглавлял

А. Чернышев). А этот турнир предварил первый официальный визит сборной СССР в Канаду в декабре 1957 — январе 1958 года под руководством того же Тарасова. Так получилось, что это турне стало историческим, и мы в этой книге не раз будем возвращаться к разговору о нем. Чемпионат же мира 1958 года был ознаменован тем, что с него впервые велись радиорепортажи на Советский Союз. Очень хорошо помню свое ночное волнение около радиоприемника, особенно когда в матче с канадской командой наша сборная повела в счете — 1 : 0! Надежда на первый успех команды Тарасова сменилась в третьем периоде матча горечью разочарования. Клуб «Уитби Данлопс» нанес нашей сборной поражение со счетом 4 : 2. Любопытно заметить, что за тот канадский клуб играл и стал чемпионом мира защитник Гэрри Синден, впоследствии генеральный менеджер «Бостон Брюинз» (с Бобби Орром и Филом Эспозито) и канадской сборной НХЛ в исторической серии матчей 1972 года со сборной СССР.

Хоккей все глубже проникал в мой досуг. Меня интересовали любые подробности и атрибуты этой игры. Уже тогда мы, подростки, становились разборчивыми при покупке клюшек, обращая внимание на их качество, — старались, чтобы клюшка сочетала прочность и легкость. По примеру хоккейных мастеров мы обматывали крюк черной изоляционной лентой. Такая лента во дворе была у каждого, а меня не покидало желание чем-то выделиться. И я попросил мать принести из больницы лейкопластырь. А он был белого цвета и поэтому та-

кой клюшки, как у меня, ни у кого во дворе не было. Шайба, как известно, снаряд тяжелый, 150 — 170 граммов, и жесткий. Даже при несильном броске ее попадание в незащищенную голень — удар по берцовой кости — вызывает острую боль. А поврежденная при этом надкостница деформируется, становясь бугристой. Быстро поняв опасность такого травматизма, мы изобретали для себя защитное снаряжение. Для этого использовали легко доступные в продаже футбольные щитки. Защитные наколенники каждый мастерил себе сам из любых материалов. Качество и надежность наколенников всецело зависели от нашей изобретательности.

Очередной чемпионат мира по хоккею (1959 г.) проходил в Праге, Братиславе, Остраве и других городах Чехословакии. Анатолий Тарасов снова, как и в 1958 году, обновил состав команды на треть. Снова решающим матчем кругового турнира в борьбе за звание чемпиона мира оказалась встреча сборной СССР с канадской командой. Но игра эта по расписанию выпала на середину турнира и, проиграв ее со счетом 1 : 3, наша команда уже не имела шансов на победу. Даже набрав с канадцами равное число очков, советские хоккеисты стали только вице-чемпионами. Равенство очков у нас с Канадой возникло потому, что сборная Чехословакии победила канадцев на родном льду. Этого болельщикам было более чем достаточно. Не требовалось даже чемпионского звания. В том же году, осенью мои родители отдыхали в Карловых Варах. В память о минувшем чемпионате по хоккею мне привезли фото-

графию сборной Чехословакии с автографами всех игроков. Она по сей день хранится в нашем семейном фотоальбоме.

Лучшим вратарем этого чемпионата был признан советский голкипер Николай Пучков. Это было большим событием для нашего хоккея. Считалось, что лучшими вратарями могут быть только канадцы. Решение жюри было справедливым. Наш голкипер явно выделялся нестандартной, очень элегантной и бесстрашной игрой. Движения Пучкова были красивы и рациональны. Быстрота его реакции на броски по воротам поражала. Он безупречно передвигался на коньках, его ноги были быстрыми и «ловкими». Да что ноги, все его тело отличалось пружинящей ловкостью. Наблюдая за блестящей игрой Пучкова, я почувствовал, что роль вратаря в хоккее — удел избранных, если, конечно, речь идет о высшем мастерстве. Во внешнем облике Пучкова, который, естественно, дополнялся специальной вратарской амуницией, было много нестандартного. Наш вратарь специально укорачивал сверху высокие щитки, чтобы они не «наползали» на нижнюю треть бедра. Благодаря этому движения ног — шпагаты, растяжки — становились более проворными. Клюшку Пучков держал в левой руке (большинство вратарей держит в правой), «ловчей» рукой у него была правая.

А. В. Тарасов, отдавая должное его одержимому упорству в тренировках, уверенно считал Пучкова первым советским вратарем международного класса. Тренеру одновременно и импонировало, и не нравилось, что вратарь имел всегда свое мнение по

любому профессиональному вопросу. Тарасову было нелегко с Пучковым — тот имел самостоятельный план и схему тренировочных занятий, собственный взгляд на методы подготовки к сезону и соревнованиям. Они нередко входили в противоречие с тренерскими. В тот период Тарасов, еще формируясь как большой тренер и находясь на стадии саморазвития, именуемой тренерским деспотизмом, не приветствовал такой «независимости» своего подопечного. Зато чисто внешне, обывательскому взору, вратарь Пучков, бесспорно, нравился. Мое мальчишеское воображение поразила способность вратаря ловить быстро летящую шайбу. Свободная от клюшки рука, снаряженная специальной ловушкой, стремительно и гибко перемещалась, напоминая взмах хлыста. В специальных спортивных журналах объяснялось, что лучший способ развития реакции и ловкости при ловле шайбы — это тренировка (в том числе и самотренировка) с теннисным мячом. Находясь в 2 — 5 метрах от стенки и сильно направляя в нее теннисной ракеткой (которая одновременно имитирует вратарскую клюшку) мяч, «вратарь» свободной рукой ловит отскочивший мяч. Самостоятельно и сознательно меня направления отскока, тренирующийся может разнообразить сложность упражнения. Я начал имитировать работу вратаря с отскоком мяча. Когда появилась непринужденность и ловились практически все мячи, я усложнил тренировки: добавил работу ногами. Почти увенчались успехом непрерывные попытки делать шпегат. Но, играя и во дворе, и на соседнем стадионе, я, к сожалению, не имел никакой вратар-

ской амуниции и проверить свою тренированность под грузом хоккейных доспехов вратаря не мог. Поэтому играл «в поле» обычным игроком — вратарей в дворовом хоккее по-прежнему не было.

Случай представился неожиданно, но был поистине редкостным. В зимние каникулы (то был январь 1960 года) в Москве всегда проводились школьные районные соревнования по зимним видам спорта. Чемпионат по хоккею с шайбой среди школ района (это был Ленинградский район) проводился на площадках стадиона ЦСКА на Ленинградском проспекте. И вот там-то детская спортшкола выдавала участникам какую-то подержанную амуницию — краги, ловушки, щитки, вратарские клюшки. Я впервые смог во все это облачиться. И впервые ощутил за спиной «рамку» настоящих ворот. Настоящей ловушкой я с удовольствием намертво ловил летящие шайбы. В один день соревнований мы (команда нашей школы) провели два матча, оба выиграли и вышли в следующий круг. После чего тут же собрали «балду» (так называли стихийно собравшихся поиграть на досуге спортсменов) и провели еще одну встречу. Играли без усталости около часа. Вот за этой-то игрой и наблюдали не без интереса невесты откуда взявшиеся Григорий Мкртчян и Андрей Старовойтов — тогда руководители детской хоккейной спортшколы ЦСКА. Мои невольные смотрины удались, я неплохо «отбивался», смело бросался в ноги нападающим, даже что-то делал технично. После игры в раздевалке я получил приглашение на хоккейные занятия в детскую команду ЦСКА.

Окрыленный, в тот же вечер рассказал о своей удаче родителям, которые хорошо знали о моей привязанности к хоккею. Мама, по профессии офтальмолог (глазной врач), на семейном совете решительно возражала. Главным доводом против моих занятий в ЦСКА была опасность получить травму глаза — шайбой, клюшкой, чем угодно. Ответом мне было категорическое «нет!» с множеством эмоциональных комментариев. Отец же хранил достойное офицерское молчание. Он как бы соблюдал дипломатический нейтралитет.

Через день после семейного фиаско я снова был на стадионе ЦСКА, где очередную встречу с какой-то из школ мы уже проиграли. Старовойтов и Мкртчян поинтересовались моими намерениями, и я рассказал о возникших внутрисемейных разногласиях. Старовойтов, узнав мой домашний адрес, полусерьезно посоветовал Мкртчяну посетить моих родителей с полным «иконостасом» его спортивных наград, чтобы добиться согласия неуступчивой мамы-доктора. Добиться ее благословения на хоккейно-вратарскую карьеру сына. Я понимал, что заниматься хоккеем в тайне от родителей невозможно. Некоторое время прошло в колебаниях, и решение пришло само собой. Точнее сказать, верх взяла подростковая нерешительность. Заниматься хоккеем в ЦСКА, чтобы учиться на вратаря, я так и не стал. Думаю, верх тогда взяло мое познавательное-потребительское, в сущности, эгоистическое отношение к хоккею.

Мой отец, как я уже упоминал, военный медик, был одним из руководителей Главного военного гос-

питала имени Н.Н.Бурденко, что по сей день стоит и функционирует (еще со времен Петра Великого) на реке Яузе в Лефортове. В советские годы это было крупнейшее многопрофильное медицинское учреждение с очень квалифицированным персоналом. Его услугами, понятно, пользовались исключительно военные. Одними из самых желанных гостей госпиталя, если так распоряжалась судьба, были армейские спортсмены. С отцом как административным руководителем учреждения были знакомы многие руководители спортивных клубов армии. В их числе и ветераны армейского спорта. Отец хорошо знал Б.Афанасьева и А.Виноградова — вратаря и защитника из славных хоккейных первопроходцев команды ЦДКА, чемпиона страны 1948 года. Как-то в январе 1960 года Афанасьев пригласил отца на контрольный матч первого и второго составов сборной СССР, готовившейся к Олимпийским играм в Скво-Вэлли. Игра проходила на открытом катке Малой спортивной арены Лужников. С помощью Афанасьева, к моему восторгу, отец и я сели в непосредственной близости от скамейки игроков. Мне удалось впервые увидеть вблизи и услышать (!) великих Сологубова, Сидоренкова, Кучевского, Локтева, Александрова, юного Альметова и самого Тарасова. Тарасов тогда, помнится, произвел очень эффектное впечатление на мое детское воображение, но не более. Его реплики и замечания игрокам мне были непонятны. Но дух игры, которая кипит рядом, атмосфера на скамейке и всеобщая собранность произвели на меня очень сильное впечатление. С этой игры я возвращался домой в пол-

ной уверенности, что на Олимпиаде у нашей сборной самые большие шансы на выигрыш. До грандиозного спортивного форума оставались 2—3 недели. «По счастью» я вскоре заболел пневмонией и к своему удовольствию, находясь дома в течение двух недель, с утра и до вечера неотрывно следил за ходом олимпийских соревнований. Помню еще, что в период Олимпиады был поражен тем фактом, что впервые газета «Советский спорт» вышла дважды в понедельник, чего ранее никогда не случалось. Поскольку Олимпиада проходила на другом полушарии, прямых радиорепортажей с мест спортивных событий в Москву не транслировали. Но каждый выпуск радио- и теленовостей содержал последние сведения об Олимпиаде.

Итог выступлений сборной СССР на Олимпийских играх 1960 года был самым неудачным за все годы нашего членства в Международной лиге хоккея на льду — третье место. В нашей стране хоккейный сезон 1960 года завершился привычной победой команды ЦСКА. Но, несмотря на закономерный успех, в самом стане армейцев творилось что-то неладное. В «датском королевстве» было явно неспокойно. Все выглядело так, что Тарасов сам покинул победную команду и занял пост главного тренера Вооруженных сил. Весь следующий чемпионат СССР (1960 — 1961 гг.) прошел как бы без Тарасова. Он оставил и сборную страны и по всем признакам ушел на отдых. Сделал паузу (вот, правда, «Твикса» тогда не было). Я люблю называть такое состояние «сидеть на крыльце и ждать, пока...» Вторая часть этой формулы созна-

тельно опускается, так как не характерна для героя нашего повествования.

Итак, Тарасов «сидел на крыльце», а хоккейная жизнь шла своим чередом. В начале 1961 года Москву посетил уже чемпион Канады (уважение к советскому хоккею росло!), обладатель Кубка Аллана команда «Трейл Смоук Итерс». Ей предстояло участвовать в весеннем чемпионате мира 1961 года. Канадцы показали очень качественную и солидную игру, действовали с явным запасом сил и класса. Полным откровением для многих (а для меня особенно) было явление канадского вратаря Сэта Мартина. Такой техники и тактики игры хоккейного голкипера мы ранее не видели никогда. Его поза («посадка»), расположение в створе ворот, принцип и техника «защиты-закрытия» нижних углов ворот щитками при падении на колени, игра на выходах, работа клюшкой были совершенно новыми. Наконец, защитная маска на лице довершала образ вратаря нового типа. Я бы сказал, вратаря будущего. Мартин играл классно, уверенно и красиво. В его внешности все было эталонным, и движения, и амуниция, и габариты. Глядя на его игру, я впервые реально ощутил, почему трудно побеждать канадцев.

Сборную СССР для подготовки к чемпионату мира в Швейцарии снова возглавил Аркадий Иванович Чернышев. Ему помогали Александр Виноградов и Анатолий Кострюков. Национальная команда была кардинально обновлена: появились новые вратари, звенья нападающих формировались целиком по клубному принципу, ветераны-защитники были усилены молодыми игроками. И снова нашу команду постиг-

ла неудача, она опять заняла третье место. А победу в Женеве одержала та самая «Трейл Смоук Итерс» и лучшим вратарем, конечно, был признан С. Мартин. Первенство страны в 1961 году выиграли армейцы под руководством А. Виноградова.

Свои летние каникулы 1961 года я впервые проводил в Крыму. Базой моего отдыха оказался пионерский лагерь Академии бронетанковых войск в городе Алуште. Как в самом городе, так и на пляже, пионерлагерь вплотную соседствовал с санаторием Министерства обороны. И вскоре после первых посещений пляжа мы узнали, что в санатории отдыхает сам Тарасов. Его видели на пляже в подчеркнутom одиночестве. Он много и долго плавал, удаляясь от берега на почтительное расстояние (мы, догоняя его вдаль от берега, кружили поблизости). В послеобеденное время, когда истекал «тихий час», его первым находили на теннисном корте, где он играл артистично и по-спортивно убедительно, почти не имея себе равных. Ежедневно в эти теннисные и околотеннисные предвечерние часы он становился средоточием всеобщего внимания. А затем исчезал — до утреннего посещения пляжа на следующий день*.

Понятно, что армейский пионерский лагерь пригласил тренера многократного чемпиона СССР на встречу с детьми, и тот охотно откликнулся на приглашение. Он рассказал нам что-то о хоккее, деталей его выступления я не помню. Зато помню свой вопрос и ответ на него. Мое обращение было преиспол-

* Уже спустя много лет я узнал, что именно летом 1961 года Тарасов писал свою эпохальную «Тактику хоккея».

нено неуклюжей мальчишеской лести и бесцеремонной демонстрации «знания и понимания» хоккея.

«Почему, — вопрошал я, — Советский Союз, имея такого безусловного лидера как ЦСКА, не посылает на чемпионаты мира, подобно канадцам, своего чемпиона? Ведь сыгранность хоккеистов и их взаимодействие внутри клуба гораздо выше, чем в сборной СССР, составленной из спортсменов разных команд».

Тарасов ответил мне просто и убедительно, но без какой-либо снисходительности. «Далеко не все сильнейшие хоккеисты страны собраны в команде ЦСКА. В других клубах есть спортсмены, не меньше чем армейцы заслуживающие право носить форму сборной СССР. А на чемпионат мира должны отправляться только лучшие из лучших. Так что делегирование на мировое первенство сборной команды страны — самая правильная и оптимальная позиция, уже традиция. Считаю, что отступать от нее нельзя».

В следующий хоккейный сезон (1961 — 1962 гг.) команда ЦСКА вступила уже под тренерским руководством заслуженного мастера спорта Евгения Бабича. Дебют этого чемпионата армейцы провели откровенно слабо, потеряв семь очков к середине декабря, всего за два месяца. И к Новому году старшим тренером команды снова был назначен Тарасов. В январские (1962 г.) школьные каникулы мы с родителями провели неделю в подмосковном санатории (опять Министерства обороны) «Архангельское», что на территории бывшей усадьбы графа Юсупова. Разместили нас в корпусе № 6 и я тут же с восторгом узнал, что в том же корпусе была расквартирована

хоккейная команда ЦСКА. Несколько дней, затаив дыхание, я наблюдал ранние утренние пробежки и зарядку команды во главе с Тарасовым. А вечерами мог подглядывать за индивидуальными занятиями тренера с отдельными игроками на специально отведенном для спортсменов катке. Однажды вечером я обнаружил, что команда в полном составе не вернулась на базу. Она отбыла из Москвы на серию выездных календарных игр. Через день завершились столь долгожданные и скоротечные каникулы. Возобновилась учеба в школе. Предстояло окончание 8-летки (тогда такие школы были выделены) и переход в 11-летку. Хоккей до весны отошел в тень. Еще во многом и потому, что сборная СССР не принимала участия в очередном чемпионате мира. Власти США (а именно там проходил чемпионат) отказали в выдаче въездных виз хоккеистам ГДР, и наша команда «в знак протеста и солидарности» бойкотировала (вместе со сборной ЧССР) этот турнир. Поэтому сообщений с чемпионата, за исключением скупых цифр результатов матчей, в прессе не было.

Зато к апрелю борьба в чемпионате СССР накалилась до небывалого предела. Сразу несколько московских команд подошли к решающим встречам между собой «ноздря в ноздю». Армейцы проиграли «Динамо» — 2 : 4, и решающей игрой за чемпионский титул стала встреча «Спартак» — ЦСКА. Армейцам нужна была только победа. Ничья оставляла «Спартаку» шанс на чемпионский титул. И эта молодая команда добилась своего. Победа (первая!) спартаковцев в чемпионате СССР была как бы еще одним проявлением «демилитаризации

страны», активно проводимой Н.С.Хрущевым. Гражданская общественность с восторгом восприняла столь редкую (до этого лишь однажды, в 1957 году) победу невоенной команды. Мне в «Спартаке» нравилась лихая игра нападающих Б. и Е. Майоровых с В. Старшиновым. Они действовали на поле неакадемично, с большой долей импровизации, фантазии и даже авантюризма. Возраст, любовь к игре и страсть дебютантов были на их стороне, давали им заметное преимущество перед своими соперниками. И втроем, при добросовестной поддержке партнеров, они несли на себе львиную долю командной нагрузки.

Команда Тарасова не могла выиграть тот чемпионат. Тренерская чехарда последних лет (Тарасов — Виноградов — Бабич — снова Тарасов), возрастная груз ветеранов и даже внутренняя переоценка ценностей самим Тарасовым (как мне стало известно много позже) не могли способствовать победе. Команда была весьма далека от чемпионских кондиций.

Следующее лето я снова проводил в Алуште, в том же лагере для пионеров, почти в том же окружении. На этот раз отдых помог мне еще больше приблизиться к армейскому хоккею с закулисной стороны. В военных санаториях всегда существовала хорошая традиция — проводить между собой соревнования по теннису и волейболу. Наиболее спортивные из отдыхающих формировали соответствующие команды и пара ближайших санаториев (Алушта — Гурзуф или Сухуми — Батуми, например) обменивалась визитами своих спортсменов.

Для поддержания высокого спортивного уровня алуштинского санатория, пионерлагерь бронетанковой академии делегировал в его команду физкультурного руководителя пионеров. Это был преподаватель кафедры физвоспитания академии Владимир Иванович Гребенщиков, по-своему легендарная личность, о которой следует хотя бы коротко рассказать. Тогда ему было около 50 лет. Мастер спорта по теннису, баскетболу, волейболу и гандболу, и все это еще с довоенных лет. Владимир Иванович участвовал в Великой Отечественной войне и после нее возобновил спортивные выступления. Коренной армеец, с Тарасовым он был хорошо знаком многие годы. Человек удивительного обаяния, по-спортивному сложенный, поджарый и бронзово-загорелый, Гребенщиков обладал искрометным остроумием. Его волевое, в мелких морщинках лицо редко, но всегда удивительно красиво озарялось беззубой улыбкой. Он был необычайно компанейским человеком, а в теннис играл лучше других. В команде Алушты был безусловным лидером и в теннисе, и в волейболе.

Тарасов тем летом отдыхал в Гурзуфе. Жил скромно в любимом Морском корпусе. В том же военном санатории и в то же время отдыхали мои родители. А поскольку круг отдыхающих в санаториях очень узок, отец довольно быстро познакомился с Анатолием Владимировичем.

Спортсмены Алушты первыми посетили своих соперников в Гурзуфе. В эту поездку В.И. Гребенщиков захватил меня с Алексеем Шмелевым, моим двоюродным братом. Тогда-то и состоялось мое знаком-

«...смотрит на дорогу с волнением
гордых, юных дум.»

Босоное
младенчество
Анатолия
Тарасова

У мамы росли
два сына
с хорошим
аппетитом

«Ах, время, как
махорочка!»

Спортивная юность была связана
с русским хоккеем

А первые тренерские шаги были
сделаны в футболе
(играющий тренер).

Молодожены Анатолий Тарасов и Нина Забелина

С младшим и «более даровитым»
братом Юрием

Самый результативный нападающий
первого Чемпионата страны

Одна из игр первого Чемпионата СССР по хоккею

Исторический матч с командой ЛТЦ
из Чехословакии (1948 г.)

Учитель на всю жизнь — профессор М.Д.Товаровский

Тарасов и Бобров
в хоккей играли в одном звене
нападающих...

Сплав опыта и молодости

Хоккейная команда ЦСКА 1958 г., с которой начался
победный этап развития отечественного хоккея.

Техника броска шайбы в исполнении А.Тарасова

Tarasov made his first visit to Canada in 1957, his team playing a series of games against Canadian amateur teams. He had his chance, finally, to see his mythical NHL teams play.

"It had been my dream to see professional players. You came to my practices and I went to yours, but there was a difference. You watched for five minutes, and laughed at me and my players. I sat through your practices bewitched. I've never written so much so fast. It pleased me that you laughed at us. Either you were too smug and didn't care, or you didn't understand what kind of hockey we were playing."

Anatoli Tarasov

ANATOLI TARASOV

© 1991 Patheo French Experiences Ltd

Printed in Canada

«Анатолий Тарасов. Патриарх.»

Так в 1972 г. в Канаде воспринимали нашего тренера.

THE PATRIARCH

ство с А.В.Тарасовым. В дежурном обмене вопросах и ответами Тарасов поинтересовался моим отношением к хоккею. Я ответил (явно привирая), что мечтаю стать вратарем. Во всяком случае, уточнил я, мне больше всего нравится это хоккейное амплуа.

«Умный человек в ворота не встанет! — отрубил Тарасов, щедро при этом рассмеявшись. — Только сумасшедший может добровольно подставлять себя под град камней. А если серьезно, приходи в августе на мои тренировки, и ты увидишь, что такое каторжный труд вратаря». Сказав это вполне серьезно, Тарасов отправился на теннисный корт, чтобы в паре с Евгением Бабичем играть против Гребенщикова с партнером. Рассказывать о том, как Тарасов играл в теннис (особенно в паре) надо отдельно. Отмечу лишь, что это всегда было яркое «театральное» зрелище, а многочисленная публика наблюдала его с нескрываемым восторгом. С конкретным спаррингом (Гребенщиков) игра украшалась эффектной перепалкой двух острословов, и получался завораживающий маленький спектакль, оторваться от которого не было сил.

Каждая подобная встреча завершалась эффектным и типичным санаторно-армейским застольем в «люксе» кого-то из отдыхающих генералов. Брать на такие мероприятия детей, даже юношей, считалось дурным тоном. Мы с братом Алексеем ждали, когда Гребенщиков, кстати, очень умелый и признанный мастер выпить, закончит этот заключительный «сет». Чтобы вместе «морским трамваем», огибая гору-Медведь, возвращаться в свою Алушту.

Спустя неделю или две происходил ответный визит гурзуфских спортсменов-отдыхающих в Алушту.

ту. Все повторялось по тому же сценарию и, когда вечерело, мы большой компанией провожали гостей-соперников до морского вокзала. Это превращалось в шумную процессию. По пути к морскому пирсу было много шуток, хохота, изысканных приставаний к санаторским дамам. Тарасова узнавали, шушукались ему вслед. Словом, радостно умели отдыхать военные спортсмены.

Когда в конце августа я приехал на Ленинградский проспект, хоккеисты ЦСКА проводили тренировку «на земле». Среди спортсменов я обнаружил много новых лиц. Именно в тот день тренировку хоккеистов посетил начальник ЦСКА полковник Новгородов. Дав беговое и акробатическое задание игрокам, Тарасов оставил их временно на своего заместителя Б.Кулагина. Прогуливаясь по футбольному газону с руководителем клуба, он рассказывал ему о новобранцах команды. Давая при этом каждому исчерпывающую, но лаконичную характеристику. Получался внушительный список. В него входили В.Толмачев, братья А. и М.Рагулины, Э.Иванов, О.Зайцев, Н.Дроздов, А.Ионов, И.Ромишевский. Ранее, в сезоне 1961 — 1962 годов, в команду влился еще и спартаковец А.Фирсов. Получалось, что команда была готова обновиться почти наполовину.

Поинтересовавшись графиком тренировок, я понял, что «льда» не увижу дней десять. Тарасов почувствовал мое нескрываемое разочарование и саркастически заметил, что происходящее «на земле» это 50% того успеха, который ждет команду на льду. Игроки носились по футбольному полю, бегали

стометровку на время, кувыркались на зеленом газоне, занимались верховой ездой (друг на друге), играя в мяч и применяя силовые приемы, которые позволялись только «наездникам». Потом спортсмены менялись местами и борьба продолжалась. Впервые увиденная тренировка Тарасова породила у меня двойственное чувство. Я понимал, что это занятия по «атлетизму» (термин, введенный Тарасовым в наш спортивный лексикон навечно) и они необходимы всем и каждому. Но в этой «кузнице силы, быстроты и ловкости» совсем не было хоккея. Наблюдать все это мне, 15-летнему мальчишке, жаждавшему «хруста льда», было скучно. Но я крепился, не мог уйти и вызвать недовольство председателя всего этого процесса и дотерпел тренировку до конца.

Первые ледовые, почти всегда утренние занятия команды ЦСКА я смог увидеть только в начале сентября. Учебный год (1962 — 1963) я начал в новой, для меня школе, куда перевелся для завершения 11-летнего образования. Как я часто в связи с этим сегодня подчеркиваю, эксперименты Хрушева отняли у меня два года: я поступил в начальную школу только в 1954 году, почти восьмилетним (шестилеток не брали в школы категорически), а 11-летку закончил летом 1965 года в 18 лет, когда по Конституции СССР уже два месяца должен был служить в армии. Моя новая школа находилась почти в том же районе — на границе Октябрьского поля и Щукина, вблизи от площади Курчатова. Она была подшефной Институту атомной энергии, и имела уклон радиотехнический.

Вообще о районе Москвы, где прошли почти все мое детство и юность, хочется рассказать особо. Называли его «район Сокола», так как конечной была станция метро «Сокол». Название это возникло, я думаю, в честь сталинских соколов, доблестных советских летчиков и авиаторов. Неподалеку находился бывший аэродром на Ходынке. Предыдущая станция метро на той же линии — «Аэропорт». Там же располагался целый ряд военно-промышленных и военных учреждений и объектов — космические КБ, штаб ВВС МВО и Академия имени Жуковского, стадионы ЦСКА и ВВС на Ленинградском проспекте, «Школа танцев» (так загадочно называли, если не ошибаюсь, школу ГРУ МО) и Военный институт экспериментальной медицины на Октябрьском поле. В районе Сокола в элитных по тем временам домах жили очень многие военачальники, а также знаменитые армейские спортсмены — Бобров, Федотов, Куц, Тарасов и др. Район этот был для всех его обитателей и посетителей подчеркнuto военным, там царил дух уважения к представителям военной профессии.

Итак, для посещения ледовых тренировок ЦСКА, а шел уже сентябрь, приходилось прогуливать занятия в школе. Но увиденное на уроках Тарасова стоило того. Все ледовое время тренер был на коньках, на площадке со своей командой, с клюшкой в руках, со свистком. За бортом у средней линии поля находился микрофон, и Анатолий Владимирович часто прикладывался к нему — усиленные динамики разносили по всему стадиону его категоричные, краткие, но доходчивые команды. Действия игроков, их по-

пытки выполнить поставленную в упражнениях задачу, громогласно комментировались тренером, очень придирчиво и беспощадно. К моему удивлению наказывались не только неисполнительность, но и формализм, вялость, безразличие. Видимо, Тарасов разделял мнение о том, что действенность наказания заключается в его незамедлительности. Игрокам приходилось совершать кувырки на льду, неоднократные перескоки со льда за борт и назад. Поразила меня активность и, так сказать, *вездесущность* Тарасова. Он успевал всюду, катался по льду активно, клюшкой подгонял, поторапливал игроков. Иногда перехватывал у играющих шайбу, вмешивался в игровой эпизод, резко меняя смысл задания, и смотрел, насколько живо и адекватно реагируют на это спортсмены. Нередко внезапным восклицанием останавливал занятых на площадке игроков и начинал объяснять всем присутствующим суть только что совершенной ошибки и ее последствия. Одна подобная сцена, виденная много позже моих дебютных посещений тарасовских уроков, до сих пор живо стоит перед глазами.

Я специально пришел на ту утреннюю тренировку ЦСКА, потому что на другой день армейцам предстояла игра с традиционно «неудобным» «Спартак»». На тренировке звену Ионов — Мишаков — Моисеев было поручено имитировать игру старшиновского звена, которое было наиболее опасным. Тарасов требовал, чтобы любой контратакующий маневр форвардов (особенно Б.Майорова) ближе всего находящиеся к ним оппоненты душили в самом зародыше. Когда крайний форвард противника

(с шайбой или без нее) разгоняется из своей зоны и движется по флангу в чужую, его оппонент, тоже, как правило, крайний форвард, плотно опекая, сопровождая и всячески замедляя нападающего, должен передать его своему откатывающемуся защитнику на границе зоны. Принимающий защитник должен подстроиться под его скорость и ритм. Только в таком случае обороняющийся имеет возможность остановить нападающего, лишить шайбы и сорвать быстрый проход атакующих в свою зону.

Молодой В. Лутченко не улавливал нужного момента, не попадал в такт с движением Ю. Моисеева в роли Бориса Майорова. Когда в очередной раз Лутченко «не совпал» с Моисеевым, раздалась пронзительная и повелительная трель свистка. «Все! — закричал на весь стадион Тарасов, кидаясь к остановившимся как вкопанные игрокам. — Проиграли! Матч проиграли и будем проигрывать всегда!!! Пока не научишься в нужный момент «ловить» Майорова и вязать его по рукам и ногам, будем проигрывать всегда! Следи за его передвижениями загодя и подстраивай свой темп катания под него!»

Такая постановка задачи заставляла игрока думать, творчески искать пути устранения своих промахов. Уже к концу занятия Лутченко увереннее реагировал на маневры «Моисеева — Майорова». Тарасов был (и всегда оставался) скуп на похвалу, но выглядел явно удовлетворенным. «Спартак» на следующий день одержал победу, но звено Старшинова не забило ни одной шайбы.

Первые впечатления от занятий, проводимых Тарасовым на льду, были очень разбросанными, хао-

тичными, полиморфными. Мне казалось, что в течение часа «ледового» времени команда не может успеть проработать все составные части игры. Только после знакомства с несколькими тренировками я понял, что прорабатываемые на разных занятиях отдельные компоненты игры, тактики, технико-тактические элементы со временем суммируются у игроков и команды в целом в комплексный игровой навык и опыт. Все новые и новые занятия этот опыт обогащают и приумножают. Но это понимание предназначения тренировочного процесса пришло ко мне много позже.

Только юношескими эгоцентризмом и максимализмом, своей безотчетной любовью к хоккею могу я сегодня объяснить недопустимую бесцеремонность в отношениях с А. В. Тарасовым в те годы. О своих встречах с ним, о содержании наших бесед я почему-то с родителями не делился. Возможно, знай они о моих бестактных притязаниях, меня бы предостерегли от поступков, за которые потом, по мере взросления, я испытывал чувство неловкости и стыда. А начиналось все с малого.

В школе (ее номер был 722) я быстро приобрел товарищей, ровесников столь же одержимых хоккеем. Двое таких парней, друживших до этого много лет, Саша Шокин и Борис Растрепав (ему шла кличка «Боб»), очень здорово играли в хоккей. Выяснилось, что Сашка ходил в ДСШ ЦСКА и почти прошел отбор, но на какой-то «ерунде» (с его слов, конечно) сорвался и не был принят. Я хвастливо заявил моим друзьям, что, зная самого Тарасова, возможно, помогу решить эту проблему. Действитель-

но, после разговора с внимательно выслушавшим меня Анатолием Владимировичем, я получил заверения, что Саша Шокин будет тренироваться в ЦСКА (нам тогда было по 15 — 16 лет). И вскоре мы убедились, что слово Тарасова — закон. Шокин походил в ЦСКА месяца 2 — 3, пока шла зима, и как-то безболезненно расстался с хоккеем. А вот ставший моим другом Борис хоккей любил больше, чем себя. На ЦСКА он не претендовал, но на упомянутом «Октябре» (Октябрьском поле) тренировался яростно и играл все сильнее и взрослее. Мы с Бобом много ходили вместе на хоккей, я познакомил его однажды с Анатолием Владимировичем, и он воспринимал нас как неразлучных друзей. Борис болел за «Спартак», но болел не фанатично, а с пониманием предмета и сути игры. Анатолий Владимирович как-то, ничего не спрашивая, сказал в шутку: «Борьк, и не стыдно тебе!? Ходишь на матчи с помощью ЦСКА (нас впускали с подачи Тарасова по бесплатным пропускам), а болеешь за «Спартак»!» И заразительно расхохотался.

Забегая вперед, скажу еще, что для Бориса, а фактически для меня, Тарасов-сделал позднее гораздо большее и неоценимое. Спустя несколько лет (я уже учился в медицинском институте), после моей очередной бесцеремонной просьбы он как бы играючи устроил Боба на вечерний факультет (отделение футбола — хоккея) Института физкультуры.

Чемпионат СССР по хоккею 1962 — 1963 года начался, и страна узнала, что тренерами сборной команды назначены всем хорошо известные А. Чернышев и А. Тарасов, ранее никогда не работавшие вместе.

«...Я уже вспоминал добрым словом руководителя спорта нашей страны в послевоенные годы Николая Николаевича Романова. Это ему в свое время принадлежала идея поставить нас с Аркадием Чернышевым в одну упряжку — во главе сборной команды СССР по хоккею, дав нам равную власть и права. Пригласив нас в кабинет, и даже не позволив сесть, а это на моей памяти был единственный такой случай, он с ходу заявил: «С сего дня вы оба — старшие тренеры сборной. Идите и работайте!» И мы, слегка оробев и онемев от неожиданности, молча покинули кабинет, хотя нам, было что сказать руководителю нашего спорта» (А. Тарасов. *The Father of Russian Hockey*. Glendale, CA., Griffin Publishing, 1997)*.

Снова было новогоднее турне сборной СССР в Канаду, спустя пять лет после исторического первого. Комплектование команды шло на традиционной клубно-звеньевой основе, благо в 1961 году звенья нападающих уже проявили себя неплохо. Предстоял чемпионат мира в Стокгольме, столице страны, команда которой за год до этого выиграла в США чемпионат мира, победив и канадцев, и американцев. Хозяева предвкушали очередную победу в родных стенах. Шведская национальная сборная в тот период была очень сильна. В ней органично слились поколения опытных ветеранов, зрелых игроков и талантливой молодежи.

* Изданная в США после смерти А. В. Тарасова его книга получила довольно странное название, присвоенное ей издательством — «Отец русского хоккея». Понятно, что сам Анатолий Владимирович собственную книгу никогда бы так не озаглавил. В дальнейшем после каждой цитаты из этой книги указано: (А. Тарасов).

В период подготовительных сборов нашей команды через тренерское сито просеялось немало новичков. Однако кардинальное обновление произошло в рядах обороны, где к ветерану Сологубову и имевшему опыт чемпионата мира 1961 года А. Рагулину присоединились дебютанты Э.Иванов, В.Давыдов и В.Кузькин. В нападении к спартаковскому и армейскому трио нападающих (В.Старшинова и А.Альметова) добавилась динамовская тройка С.Петухов — В.Юрзинов — Ю.Волков. Константин Локтев по настоянию Тарасова был отлучен от сборной за «нарушение спортивного режима». На вакантное место правого крайнего нападающего в это звено был введен Виктор Якушев, в качестве альтернативного кандидата туда же пробовался новичок Юрий Парамошкин из Электростали.

Как я понял спустя много лет, период подготовки к чемпионату 1963 года был для Тарасова во многом переломным. Конечно, за предшествовавшие 15 лет он уже состоялся как самобытный тренер. Но как тренер, нацеленный на высшие мировые достижения, Анатолий Владимирович только начинал работать и надлежащим опытом не располагал. Поэтому вопросы формирования «победного» состава команды он, наверное, вынужден был решать впервые. А это требовало немалой внутренней борьбы. Например, очень болезненно решался вопрос с вратарем сборной. Николай Пучков на тот момент был самым опытным в международном плане вратарем. Он знал индивидуальный почерк многих зарубежных нападающих, специально изучал его многие годы. Однако наряду с этим достоинством у Пучкова, по убеждению Та-

расова, был куда более весомый минус. Пучков переоценивал силу, а следовательно, непобедимость хоккея Канады. А новый основной вратарь сборной СССР, горьковчанин Виктор Коноваленко, защищал ворота так, что «рядом с ним не могло быть паники». Вторая «боль» Тарасова была связана с именем великого Н.Сологубова. Михалычу (как называли его все) было почти 39 лет. Он утратил скорость катания и способность выполнять большой объем работы. Но как символ непробиваемости обороны, как игрок с несравненным опытом он был необходим молодым защитникам, и его включили в состав. Неудивительно, что на чемпионате он провел всего одну встречу, основную тяжесть борьбы вынесли на себе молодые. Наконец, Тарасову очень хотелось взять на чемпионат мира Анатолия Фирсова. Но большая часть этого формирующегося «айсберга» оставалась «под водой» и никому, кроме Тарасова, не была пока видна. Поэтому и здесь пришлось говорить себе: «Нет, потерпи до лучших времен!» Конечно, с Пучковым, Локтевым и подающим надежды Фирсовым положение тренера могло казаться более надежным, по крайней мере, более привычным. Но, видно, подошла пора больших перемен. Время переоценки ценностей.

Чемпионат мира по хоккею 1963 года был выигран нами в очень трудной и драматичной борьбе. Об этом написано немало разных воспоминаний. Он явился вехой для любителей этого вида спорта в нашей стране еще и потому, что впервые транслировался по телевидению. Все матчи сборной СССР от начала и до конца были показаны советским поклон-

никам хоккея. Тем приятнее было получить от нашей национальной команды такой наглядный подарок. Никогда ранее не видели мы, как организовано хоккейное «представление» на Западе. Впервые довелось нам посмотреть и церемонию награждения победителей чемпионата мира. Никогда до этого я не видел, как качают тренеров. А здесь Чернышев и Тарасов взлетали в воздух как мячики! Думаю, это была первая большая международная спортивная победа «оттепели», особенно после дискриминационного чемпионата мира 1962 года в США и Карибского кризиса.

Чемпионат СССР выиграла команда ЦСКА, взяв реванш за прошлогоднее поражение от «Спартак». Но лидеры советского хоккея — от тренеров и до игроков — уже мыслями находились в новом сезоне, предвидя борьбу за возвращение звания олимпийских чемпионов.

Уже в июле 1963 года началась подготовка сборной команды СССР к олимпийскому сезону. Летний сбор было решено провести в Алуште, на спортивной базе общества «Спартак». Поначалу с командой в тот крымский городок в качестве «дядьки-надсмотрщика» был делегирован Владимир Кузьмич Егоров — «вечно второй» тренер и у Чернышева, и у Тарасова. А.И. Чернышев в июле взял отпуск, А.В. Тарасов мог прибыть к тренировочному сбору на 7 — 10 дней позже. Так что «на хозяйстве» первое время оставался Егоров.

«Кузьмич», как ласково его называли все до единого, был человеком либеральных взглядов, более склонным к прощению, чем к наказанию. При та-

ком снисходительном начальнике сбора, спортсмены, особенно новоиспеченные чемпионы мира, не хотели вот так, с места в карьер отказывать себе в соблазнах и удовольствиях курортного Крыма. Находясь в то время в упомянутом пионерлагере, но уже в качестве помощников пионервожатых, Алексей и я могли наблюдать метаморфозы и обратную сторону спортивной жизни.

Алушта, как и любой приморский городок, имела свой центр, через который постоянно и неизбежно протекали потоки отдыхающих и вообще всех его обитателей. Этот центр назывался «дно» с явным горьковским подтекстом, но главным образом потому, что это была самая нижняя по отношению к уровню моря часть города. К «дну» примыкал традиционный курзал, по периметру «дна» располагались павильоны, где в разлив продавались все шедевры крымского виноделия. Мы с братом, хоть и редко, но позволяли себе умеренные дегустации, ощущая себя при этом вполне взрослыми. Во время одного из таких вечерних мероприятий, когда уже стемнело и городок утопал в свете уличных фонарей, мы потягивали массандровские вина, заедая свою скромную суточную дозу шоколадной конфеткой. И вдруг я увидел следующую картину: три человека, держась за плечи друг друга, медленно, на ощупь двигались шеренгой, с трудом сохраняя устойчивость и неразрывность цепи. Средний из них был самым крепким, и на нем фактически висели остальные, значительно превосходящие его по габаритам и весу. Он из последних сил удерживал их от падения. Присмотревшись, я с изумлением обнаружил, что «корен-

ным» в этой тройке был Владимир Иванович Гребенщиков, а «флангами» два армейских нападающих А.Альметов и К.Локтев. Путаная и сбивчивая речь последних позволяла понять, что они отказываются ночевать в «каком-то» пионерском лагере, потому что давно вышли не только из пионерского, но и из комсомольского возраста. И требуют вернуть их на спортбазу, так как на следующее утро предстоит серьезная тренировка. Эти препирательства сопровождались непрерывным перенахлбучиванием пляжной панамы с одной головы на другую. К счастью, вскоре рядом появился другой физрук пионерлагеря Геннадий Галковский и помог Гребенщикову обуздать неуступчивых чемпионов. Убеждения, как и нарастающее опьянение возымели действие, и процессия медленно начала удаляться вверх по склону в сторону пионерского лагеря.

Тарасов появился в Алуште через неделю. До него дошли, правда, неподтвержденные сведения о нарушениях игроками режима. Но попытки выявить провинившихся спортсменов успеха не имели, хотя здорово досталось врачу команды за недосмотр и предполагаемое укрывательство. Начались изнуряющие тренировки под знойными лучами крымского солнца. А вскоре вся команда в одно из утренних посещений пляжа прибыла к пионерам в гости. Тарасов увлеченно рассказывал «пионерской братве» о канадском хоккее. А чемпионы мира купались, загоракали и балагурили с немногочисленными, но отзвучившими пионервожатыми.

В других главах этой книги рассказано об отдельных событиях сезона 1963 — 64 годов, о подготов-

ке сборной СССР к Олимпиаде-64, об историческом значении победы в Иннсбруке. Надо сказать, в ходе той Олимпиады я впервые «кожей» ощутил, как полюбился хоккеем с шайбой народу, как волновала почти всех судьба сборной команды страны.

Московский метрополитен всегда был и останется зеркалом души города, отражением пульса жизни столицы. По атмосфере в нашем метро можно судить о том, что происходит в городе, какая фаза суточного цикла городской активности имеет место. В часы пик, даже в 60-х, пассажиров на некоторых станциях (как в Японии) утрамбовывали при посадке в вагоны. Волна вечернего пика, начинавшаяся с 18.00, медленно стихала к 21 часу. Однажды, провожая свою девушку домой, я извлекся, понимая, что опаздываю к началу репортажа о матче СССР — Швеция с олимпийского турнира. Потеряв всякую надежду застать хотя бы окончание первого периода игры, я обреченно ехал в метро к станции «Сокол». Когда часы показывали 19.30, я с изумлением обнаружил, что мой вагон почти пуст. Столь же немногочисленным был и соседний вагон. На перроне, всегда многолюдном, особенно зимой, также практически не было ни души. Страна смотрела хоккей, страна болела за свою сборную.

Наши хоккеисты вернулись с Олимпиады триумфаторами. Победой в последний день соревнований они завоевали самую эффектную и желанную, десятую золотую медаль для команды СССР — новый рекорд мира по сумме золотых наград за всю историю Зимних Олимпийских игр.

Анатолий Владимирович был всегда, даже в годы всенародного признания, лишен чванливого чувства барского превосходства над окружающими. При всей его непомерной занятости, он никогда не опускался до использования «услуг секретаря или референта» («как Вас представить?», «оставьте, пожалуйста, Ваш контактный телефон, мы Вам перезвоним», «А.В. еще не появлялся, могу я узнать, кто его просит?» — в большинстве своем лживые уловки, ограждающие шефа от домогающихся). Поэтому, когда я на второй день после возвращения олимпийцев позвонил ему домой, он сам ответил по телефону (Тарасов предпочитал ранние — в 6.00 — 6.30 — телефонные разговоры). Поблагодарив меня за поздравление, спросил, когда бы мы могли встретиться. Тогда я набрался смелости и на собственный страх и риск попросил его выступить в моей школе с рассказом об Олимпиаде. Согласие было дано немедленно, столь же быстро была определена и дата. Я летел в школу на крыльях и, ворвавшись в кабинет заведующего учебной частью, гордо заявил о предстоящей встрече. И завуч, поощрявший увлечение спортом, поскольку сам был одержимым болельщиком, и физруки были вне себя от счастья. Через день к вечеру Тарасова ждал в школе переполненный актовый зал.

Анатолий Владимирович приехал строго в условленное время — он не умел опаздывать, просто не признавал существования такого понятия как опоздание. Он вышел на сцену один, на лацкане пиджака красовался значок Заслуженного мастера спорта СССР. Зал, в котором преобладали ребята 12 — 16 лет, разразился долгой овацией. Тарасов, подняв

руку, быстро остановил этот поток эмоций. Шум умолк, и он сказал: «Когда видишь, как люди ценят нашу победу, как она им дорога, понимаешь, что годы труда прошли не даром, и хочется работать лучше и лучше!» Выступление гостя было эмоциональным, содержательным, интригующим и очень умным. Меня поразила искренняя заинтересованность Тарасова в передаче своих знаний, чувств и убеждений собравшейся молодежи — поколению, идущему на смену. Сообщая о перипетиях борьбы в Иннсбруке, Анатолий Владимирович совершенно неожиданно коснулся вопроса неприкосновенности человеческого и национального достоинства. Рассказав аудитории о том, как некоторые канадские или американские хоккеисты во время игры прибегали к методам открытого физического устрашения, он сказал: «Мы, тренеры, внушили нашим хоккеистам, что никому не позволено поднимать руку на советского человека! Любая такая попытка должна быть встречена надлежащим образом и получить отпор. Чтобы впредь у соперника даже мысли о подобном не могло возникнуть! Достоинство личности унижать непозволительно!» Наши школьные педагоги были просто потрясены. «Коллективизм, — продолжал увлеченный Тарасов, — есть основа, залог общественного, да и любого другого прогресса в нашей стране. В сознание спортсменов нам удалось внедрить понимание того, что если каждый член коллектива готов, простите за такое слово, горбатиться на другого, то от этого выиграет только коллектив. Это залог побед не только в коллективных видах спорта, но и в общественных процессах в целом».

Патриотизм Анатолия Владимировича был действительно особенного, крутого замеса. Откровенно рассказав в книге «Совершеннолетие» о своем трудном детстве, когда овдовевшей матери «было нелегко с двумя сыновьями с хорошим аппетитом», Тарасов подчеркивал, что страна создала уникальные условия для воспитания молодых спортсменов. Мальчишки из необеспеченных семей имели возможность, благодаря спорту, облегчить свое нелегкое детство. А потом на всю оставшуюся жизнь сохраняли чувство безмерной благодарности своему государству за заботу о детях.

«Мы в «Юном динамовце» получали талоны на питание; на один талон можно было купить пять пирожных — эклер! — для мамы», вспоминаю я монолог Тарасова из теледокументального фильма «Хоккей Анатолия Тарасова». Как можно было дать в обиду свою, такую страну?! Особенно на международной арене. Как можно было допустить, чтобы кто-то осмелился замахнуться, даже в спортивной схватке, на советского человека, на гражданина страны-победительницы?

Помните, как в одной из военных песен В.Высоцкого очень точно сказано:

Для меня не загадка — их печальный вопрос,

Мне ведь тоже не сладко, что у них не сбылось,

Мне ответ подвернулся: «Извините, что цел.

Я случайно вернулся, ну а он не сумел».

Тарасов не раз говорил мне: «Я чудом не попал на фронт, хотя сам стремился туда и прибыл на мобилизационный пункт с другими спортсменами без распоряжения начальства. Ведь, наверняка, кто-то

погиб *вместо меня* в той войне. Как много наших людей в ней погибло! Так какое имею я право позволить кому-то ударить советского человека, спортсмена, хоккеиста?! Подлый удар в спорте сегодня равносителен агрессии и убийству во время войны!»

Не помню точно в каком году (шла вторая половина 60-х) это было, но в провинциальном шведском городке (то ли Вестерос, то ли Евле) состоялась товарищеская встреча сборных СССР и Швеции. Первый матч был сыгран за двое суток до этого в столице Швеции. А вот в провинции церемония открытия второй встречи не заладилась. На спортивной арене, да и во всем городе не оказалось звукозаписи Гимна Советского Союза. Прозвучали гимны Швеции и ЧССР (встречу обслуживали чехословацкие судьи) и команда Швеции кинулась разминаться. Нацы стояли как вкопанные на синей линии. Телевидение немедленно выхватило сцену у борта. В центре эпизода был, конечно же, разгневанный Тарасов. Угрожающе жестикулируя, он через женщину-переводчика что-то яростно объяснял солидному джентльмену, видимо, администратору матча. Через минуту сборная СССР уже сидела на скамейке. А наприжатность рядом с ледовой ареной нарастала. Тарасов удалился под трибуну, через несколько минут вернулся к команде и уселся на свой «тарасовский» стул. Почти тут же зазвучал наш гимн. Его транслировали из Стокгольма. Разминавшиеся на льду шведы немедленно выстроились в ряд, судьи застыли у борта. Все уладилось, игра состоялась. Сборная СССР одержала убедительную победу (со счетом 7 : 1, или 8 : 2). Думаю, более подробного

описания этого эпизода и не требуется. Кто смотрел трансляцию по телевидению, наверняка помнит необычную «прелюдию» этого матча. Ну, скажите, кто из тренеров мирового масштаба, кроме Тарасова, мог выйти из подобной ситуации столь достойно и победно-убедительно?

Рассказывая в феврале 1964 года ученикам московской школы №722 о патриотизме, Анатолий Тарасов, не ведая того, «сеял разумное, доброе, вечное», ибо семена падали на благодатную почву. Всю следующую неделю школьные преподаватели наперебой высказывали мне свои восторги по поводу выступления Тарасова; на уроках, независимо от предмета, школьники вместе с учителями еще долго обменивались воспоминаниями о встрече с этим незаурядным человеком.

Победа наших хоккеистов в Иннсбруке была самой яркой в олимпийском триумфе всего зимнего спорта Советского Союза завоевавшего 10 золотых медалей. Вдобавок ко всему, советская делегация поразила весь мир, не только спортивный, своей униформой. Необычайно эффектные шубы и шапки из отборной нерпы серебристого оттенка произвели фурор. В те времена движение в защиту животных еще не обрело теперешнего общественного веса и влияния — Брижит Бардо совсем не нуждалась в каком-либо общественном движении. Ни одна делегация на той Олимпиаде по элегантности одежды не могла сравниться с советской.

Торжественная встреча олимпийцев с руководством страны в Доме приемов правительства, что на Ленинских горах, была, хотя и традиционной, но

оказалась приятным сюрпризом для победителей. Мы не раз вспоминаем в этой книге, что вся верхушка правительства во главе с Н.С.Хрущевым приветствовала героев Зимней Олимпиады. Когда официоз торжества смягчился застольем, Тарасов, от имени руководства сборной и всех хоккеистов обратился к Хрущеву за поддержкой. Требовалось согласие на поиск путей для встреч с профессионалами из Канады. Хрущев благосклонно отнесся к просьбе, поручил Брежневу «заняться вопросом». Тарасову только этого и надо было! Отныне в его жизни начался новый этап.

Говорят, что когда в 1969 году Тарасов увел команду ЦСКА с поля и из-за судейской «ошибки» отказывался продолжать матч чемпионата СССР со «Спартаком», задержав его на 20 минут, Генеральный секретарь ЦК КПСС, присутствовавший на стадионе, был этим крайне возмущен. Будто бы именно поэтому с Тарасова сняли звание заслуженного тренера СССР. Я не верю в такую трактовку событий. В те годы Л.И.Брежнев был в ясном уме и мог правильно оценить профессионализм старшего тренера армейцев и мотивацию его поступка. А вот руководители советского спорта решили демонстративно наказать смутьяна за крутой нрав. «Министр» спорта С.П.Павлов на заседании коллегии Спорткомитета поставил вопрос о снятии этого звания с Тарасова. Именно при Брежневе состоялись первые встречи профессионалов НХЛ из Канады со сборной СССР. Хотя бы в этом вопросе прослеживалась преемственность в деятельности Генеральных секретарей нашей партии. А что ка-

сается отношения А.В.Тарасова к спортивному руководству, то в очередной раз следует отдать дань благородству, мудрости и объективности нашего великого тренера. «Павлов являлся лучшим спортивным руководителем в истории СССР! — убежденно и безапелляционно заявлял Тарасов. — По той простой причине, что самые выдающиеся победы советского спорта были одержаны в период его правления!»

А в памятном 1964 году Председателем спорткомитета СССР был Юрий Дмитриевич Машин, человек незаурядный и в спорте разбиравшийся по-настоящему, не по-управленчески. Павлов же в то время был первым секретарем ЦК ВЛКСМ и осваивал «школу ближайшего резерва партии». Тарасов крепко подружился с Машинным, их отношения строились на глубоком взаимном уважении и в последующие 30 лет не претерпели изменений.

В том же году вышла новая книга А.В.Тарасова «Совершеннолетие». Хоккею с шайбой в СССР действительно исполнилось 18 лет, и тренер давал оценку тому, с чем пришел к своему совершеннолетию наш хоккей. Но Тарасов не был бы Тарасовым, если бы в очередном своем труде не заглянул в будущее. В этой интересной книге Анатолий Владимирович предсказывал повзрослевшему вчера хоккею победное завтра.

Я взрослел вместе с советским хоккеем, наверное, потому, что был его полным ровесником, мы «родились» в один день. Именно в год нашего совершеннолетия я принял решение стать врачом и готовился к поступлению во II Московский медицин-

ский институт. Шальные мысли о том, чтобы в будущем стать спортивным врачом, мне также приходили в голову. Однако Анатолий Владимирович сказал мне, что жизнь спортивного эскулапа незавидна, так как бесконечные соревнования и сборы надолго отлучают человека от дома. Не каждому это по плечу. И я отказался от зыбкого намерения стать спортивным врачом. Наверное пошел по пути наименьшего сопротивления. Выбор мой пал именно на ту профессию, из-за которой не осуществилась моя мечта стать хоккейным вратарем. Как и мама, стал офтальмологом.

Уже много лет спустя, когда я сделался квалифицированным специалистом в своей области, произошел случай, снова доказывающий реальность существования моей профессии с хоккеем. Я познакомился летом 1990 года с канадским коллегой из Ванкувера, который туристом гостил в Москве и заглянул к нам в институт (Всесоюзный научно-исследовательский институт глазных болезней Минздрава СССР). Мы разговорились, когда он пришел знакомиться с работой моего отдела. Выяснилось, что, наряду с основной работой в своей университетской клинике, доктор-офтальмолог Мэйберли (к своему стыду не помню его имени) является консультантом хоккейного клуба «Ванкувер Кэнакс». Он ведет наблюдение и статистику глазного хоккейного травматизма. Как только я рассказал ему о дружеских отношениях А.В.Тарасова с хозяином клуба, господином Фрэнком Гриффитсом, Мэйберли очень оживился. Мой коллега с радостью вспоминал, что вся главная больница

Ванкувера (Vancouver General Hospital) гудела в 1987 году как улей, обсуждая госпитализацию и хирургическое лечение в отделении ортопедии великого советского тренера. Этот маленький мир удивительно тесен, в нем зачастую туго переплетаются внешне кажущиеся несовместимыми процессы и вещи.

И еще одно отступление, касающееся весьма причудливых переплетений событий и судеб, а также роли Тарасова, а в его лице хоккея, в моей жизни, в моей профессии. В 1978 году группа молодых специалистов (медиков-офтальмологов и физиков) выдвинула на премию Ленинского комсомола в области науки цикл своих научно-исследовательских работ. Среди претендентов был и автор этих строк. Для незнакомых с практикой «лауреатства» в СССР (да, наверное, и не только в СССР) поясню, что успешный исход на 50% определяется многообразием и эффективностью «связей влияния», проявляющих себя закулисно. Надо подчеркнуть, что единственными и чрезвычайно сильными нашими конкурентами в борьбе за почетное звание были молодые кардиологи из Всесоюзного кардиологического научного центра (в области медицинской науки присуждалась только одна «комсомольская» премия, да и то не каждый год). Директор центра — выдающийся академик Евгений Иванович Чазов одновременно возглавлял тогда IV Главное Управление Минздрава СССР, и был личным врачом Л.И.Брежнева. Конечно, руководство института, где мы работали, делало все необходимое для нашего успеха. И все же, когда до решающего тура оставалось десять дней

(была поздняя осень), я напросился на деловой разговор к Тарасову. Зная его прочные и взаимоуважительные связи с руководством ЦК ВЛКСМ, рассчитывал на поддержку. Я навестил его на даче, удивительно уютной, где по традиции все важные разговоры происходили в парной (настоящей финской сауне). Рассказав о том, в какую круговерть мы угодили со своими притязаниями, я сделал акцент на самом важном доводе. Наши коллеги-соперники кардиологи свой цикл исследований выполнили, используя, хотя и новейшее, но зарубежное (западное) медицинское оборудование. В наших же разработках была создана новая отечественная медицинская аппаратура, не имевшая на тот период аналогов в мире. Тарасову понравился такой аргумент, и он обещал через день-другой посетить Центральный комитет комсомола. На третий день после нашей встречи Анатолий Владимирович сам позвонил мне домой и рассказал о реакции ряда (фамилий он, естественно, не называл) секретарей ЦК на его просьбу отнестись к работам молодых медиков объективно. По его словам, отношение руководства к нашей работе было «симпатичным». От себя Анатолий Владимирович добавил, что он обратил внимание «товарищей» на необходимость при решении таких вопросов особо выделять оригинальные и приоритетные отечественные научные работы. «Я напомнил им, как наш хоккей стал лучшим, и только потому, что мы ничего не копировали у иностранцев, и не использовали канадские наработки, а создавали все свое заново и сами». Через неделю в «Комсомольской правде» был напечатан список

лауреатов. Впервые одновременно двум разным соискателям в области медицинской науки были присвоены премии Ленинского комсомола.

О страстном увлечении и умении А. В. Тарасова собирать грибы пишут десятилетиями. Быть приглашенным *самим* Тарасовым по грибы считалось в Москве (не только в спортивном и военном мире) высшей честью. Анатолий Владимирович знал места и в ходе сезона несколько раз их менял. Начиная с августа 1965 года я сделался постоянным (почти ежегодным!) партнером Тарасова по грибной «ловле». Вот когда я, подобно пиявке, впивался в него своими вопросами о хоккее и, только до отказа насытившись ответами мэтра, успокаивался. Анатолий Владимирович терпеливо сносил мои домогательства. В эти поездки, очень не близкие (почти всегда более 100 км), мы (до середины 70-х, пока у меня тоже не появился собственный автотранспорт) отправлялись на его «Волге». Иногда мы ночевали прямо в лесу, спали в автомобиле. Но чаще Тарасов заходил на ночлег к местным деревенским жителям, с которыми, оказывается, почему-то был знаком. Подъем по грибы был всегда очень ранним, часов в пять. «Колонной не ходить!» — строго приказывал в лесу Тарасов, ощутив, что я плетусь у него в хвосте. Этот сказочный ритуал наших поездок требует отдельного и подробнейшего повествования. А коснулся я бегло этой темы только потому, что с ней был связан один очень важный эпизод из далекого прошлого, о котором обязательно хочу рассказать. Важный потому, что существенно изменил мое понимание хоккея, а точнее, понимание того, как относит-

ся к хоккею сам Тарасов. И то был, пожалуй, единственный случай, когда Анатолий Владимирович до такой степени раскрылся.

Мы заранее договорились, что сразу по окончании матча ЦСКА, кажется, со СКА (Ленинград) (это был августовский предсезонный турнир на приз «Советского спорта»), двигаемся на его машине за город. Я наблюдал за игрой с трибуны хоккейного Дворца спорта ЦСКА. Команда Тарасова располагалась на скамейке непосредственно под сектором, где находился я. Мне было все хорошо видно и слышно. События в том матче развивались ни шатко, ни валко. Армейцы столицы играли вяло, порой даже нехотя, с ленцой, и в итоге закономерно проиграли быстро осмелевшему по ходу матча сопернику. Только в начале игры Тарасов пытался растормошить своих игроков, но вскоре и он был охвачен какой-то непонятной апатией. В машину к нему я садился после матча, ни жив, ни мертв. Как будто это я проиграл ту встречу. Он долго молчал, характерно сопел, оттопырив нижнюю губу. А я панически боялся нарушить это молчание. И вот, минут через 15 после начала «автопробега», а мы уже неслись по Ленинградскому шоссе, минуя Шереметьево, Тарасов произнес первую и последнюю в тот вечер фразу о хоккее.

— Я стоял у борта, смотрел на поле, видел там то, что даже игрой назвать нельзя и думал: «Боже мой! Как сделать так, чтобы все это в мгновение кончилось! Я готов был провалиться от стыда сквозь землю, лишь бы все прекратилось! Какое ужасное бессилие!»

Мне нечего было сказать моему любимому тренеру, ни по существу, ни в порядке утешения, чего я тогда, по молодости лет, делать еще не умел. Только спустя десятилетия, когда сам обрел профессию, когда определил собственную систему жизненных ценностей, я понял природу столь горького состояния Тарасова. То был вопль души профессионала, испытавшего стыд за несостоятельные действия своих подчиненных, учеников, коллег. Ибо у истинного профессионала спрос за неудачи, прежде всего, с себя.

О своей многолетней привязанности к хоккею я мог бы говорить до бесконечности. Но, видимо, как всякое юношеское увлечение, оно с годами перестает вызывать столь же яркие чувства и будоражить мысль. С течением времени в тайниках души и закоулках сознания для него остается все меньше пространства — оно уплотняется другими категориями жизненных ценностей. И постепенно начинает казаться, что в былые времена, «когда деревья были большими», хоккей был другим — интереснее, чище, красивее. Это, конечно же, обманчивое впечатление! Хоккей, как и все вокруг, стремительно прогрессирует. Но этот прогресс происходит уже без нашего, пусть даже пассивного, участия. Нам, людям моего поколения, достается лишь удел созерцателей. Но «первый порыв души», бояться которого рекомендовал нам Талейран, остается неиспользуемым на всю жизнь. И помогает осознать, что предмет твоей любви принадлежит уже вслед идущему поколению в не меньшей степени, чем когда-то тебе.

ЛУЧШИЙ ТРЕНЕР СТОЛЕТИЯ

Мой коллега, прекрасный профессионал, настоящий врач, просто очень умный человек однажды удивительно точно описал непреходящее влияние Тарасова на хоккей в целом и каждого его участника в отдельности. Произошло это во время нашего совместного посещения одного из матчей чемпионата СССР в 1990 году. Мы сидели в ложе недалеко от Тарасова. Товарищ мой почти не следил за игрой. Он больше старался наблюдать за человеческими страстями, окружающими и наполняющими хоккейное действо — на льду, на скамейке, на трибуне. В конце первого периода он, как бы нехотючи, сказал: «Меня не покидает ощущение, что все, кто сейчас находятся на арене, — игроки, запасные, тренеры, даже их коллеги на трибуне, — зная, что за ними наблюдает с трибуны Тарасов, спиной чувствуют его тяжелый взгляд и испытывают неловкость за свою несовершенную игру». В этом предположении далекого от спорта человека была огромная доля истины. Как до, так особенно и после ухода из большого спорта, Тарасов с годами превратился в духовную опору для многих спортсменов и тренеров нашего хоккея.

Влияние Анатолия Владимировича ощущалось всегда и всеми в силу самого его присутствия на игре. Здесь нельзя не вспомнить ставший историческим эпизод «непредвиденного участия» Тарасова в мат-

че со «Спартак» в 1970 году. Преданные поклонники хоккея с шайбой помнят длительное и непримиримое противостояние «Спартак» и ЦСКА в период 60 — 70-х годов. Замешано оно было во многом на загадочном спартаковском духе, способности мастеров этого клуба неожиданно совершить маленькое чудо. Поэтому матчи с этой командой всегда были для Тарасова принципиальным испытанием и желанными зрелищами. Играя против ЦСКА, хоккейный «Спартак» всегда отличался эдакой отчаянной прытью. А когда чувствовал слабость или упадок соперника, в беспощадном кураже своего превосходства даже доходил до самолюбования.

Так вот, в первом матче финальной серии Кубка европейских чемпионов 1970 года «Спартак» одержал трудную, но заслуженную победу со счетом 3 : 2. В то время армейской командой уже несколько месяцев руководил Б. П. Кулагин, прежде работавший помощником Тарасова. Сам же мэтр временно и чисто формально, по собственному желанию, занимал «свадебно-генеральскую» должность главного тренера Вооруженных Сил по хоккею. В повторной игре, где спартаковцам для завоевания кубка достаточно было ничьей, новый старший тренер ЦСКА ничего не мог поделать с раззадорившимся соперником. Перед последним периодом «Спартак» выигрывал 5 : 3.

Всем посетителям Дворца спорта в Лужниках знакома ложа «А» — центральная часть боковой трибуны между скамейками игроков (снизу) и правительственной ложей (сверху). Когда шла первая половина третьего периода, а счет игры оставался неизменным, весь стадион, да что стадион — полови-

на страны по телевидению увидела, как к скамейке ЦСКА из ложи «А» медленно спустился Тарасов. К счастью для всех, с кем он работал, Анатолий Владимирович от природы был наделен удивительным внутренним тактом. Таким неподдельным, что иногда даже высшие профессиональные интересы не позволяли ему переступить некий нравственно-этический барьер. Даже видя безнадежное положение своих питомцев, тренер не стал проходить на скамейку к игрокам. Там должен был безраздельно властвовать Кулагин. Тарасов остался за спинами игроков, не видя не только их лиц, но и не зная, что происходит на льду. Они могли его только слышать, но не видеть. Словно незримый благовеститель, он нес истину своей пастве. Зато этот порыв видела вся страна. Видела в момент его одержимости и озарения. Тарасов в эти мгновения был великолепен. Он, переходя от одного игрока к другому, неистово и страстно говорил о чем-то важном. Дольше всего он задерживался за спиной Бориса Михайлова и что-то с явным негодованием внушал и внушал капитану команды. В его облике было нечто демоническое. Возникало ощущение, даже вне связи с происходящим на льду, что в эти минуты совершалось накопление какой-то неведомой критической массы, способной перейти во взрыв небывалой силы. Именно так и произошло после смены ворот. Армейцы смяли «Спартак», не оставив ему даже малейшего шанса, чтобы «сохранить лицо». Всего за 8,5 минут ЦСКА забил 5 (!) безответных шайб. В оставшиеся полторы минуты игры взоры всех на трибунах были устремлены в ложу «А», куда неспешно вернулся и

занял свое место великий тренер. Как это называлось у С.Цвейга? «Звездные часы человечества»? То был момент истины. Не только для Тарасова, для всего хоккея. Никогда после этого не видел я в спорте такого торжества ума и воли, выплеснутых одним человеком в столь краткий миг. Нигде, кроме спорта, даже на театральной сцене нельзя наблюдать такую бурю страстей. Увидев все это, я понял, что в хоккее, как и в театре, есть свои таинства, и ведомы они только посвященным. Лишь теперь, вспоминая необъяснимые зачастую события прошлого, мы начинаем понимать, что Тарасов обладал даром сосуществовать с тайной.

Прогресс современного спорта является очевидным следствием и примером симбиоза науки и искусства. Их постиндустриальные метаморфозы заставляют цивилизацию признать сегодня существование прочного сплава явного с тайным. К концу XX столетия стало очевидным, что сегодняшняя «цивилизация не умеет обращаться с тайнами — она путает их с загадками. Ученые надеялись, что внедрение компьютеров позволит строить надежные математические модели всевозможных <...> процессов, что в свою очередь даст возможность предсказывать будущее <...> На самом деле развитие компьютеров <...> вынудило осознать <...> что <...> прогнозирование возможно <...> на очень короткий срок, причем, чем детальнее предсказание, тем больше ошибка. Эта ограниченность <...> — свойство природы. Новая наука, вместо того чтобы справиться с хаосом, декларирует его неизбежность <...> Концепция принципиальной непознаваемости мира вновь обрекает нас

Первое
возвращение
из-за океана

«...мысли
работают,
голову мнут.»

Атлетизм — универсальный ускоритель роста мастерства.
Тренировка команды ЦСКА в тяжелоатлетическом зале.

«Мальчишки, умоляю, потерпите! Потом все окупится сторицей!»

Занятия «на земле» в период летней подготовки к сезону всегда были изнурительными и истязаяющими

Ледовые тренировки А.В.Тарасов всегда проводил живо и разнообразно, стараясь личным примером пробудить в игроках азарт и страсть.

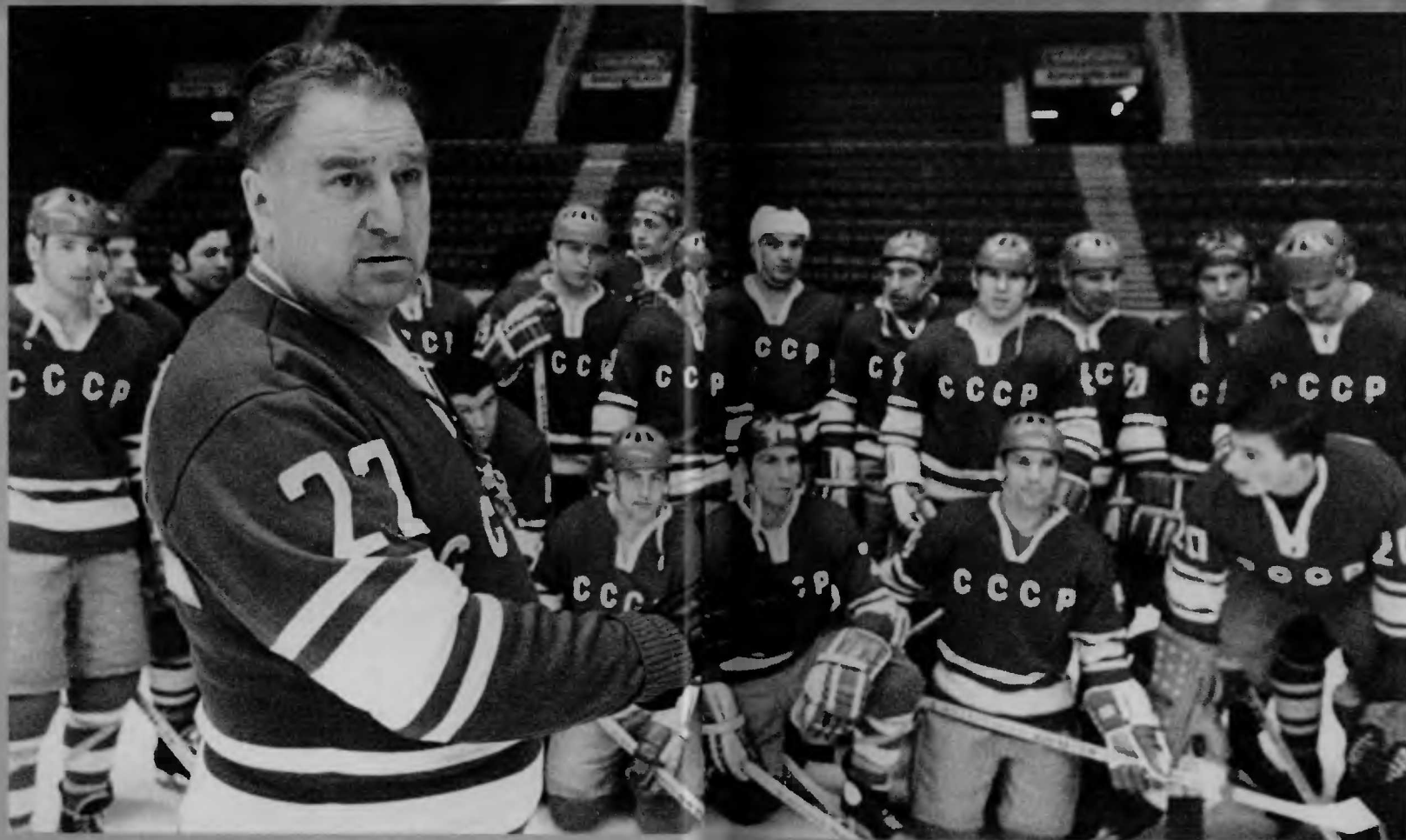

«Молодой человек, вы не выполнили указание тренера, и поэтому из вас ни черта не получится!»

С другом и соратником А.И.Чернышовым

«...и на знакомые их образы гляжу,
и, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
еще так молоды на ярком полотне,
уже состарились и никнут в тишине
главою лавровой... Но в сей толпе суровой
один меня влечет всех больше...»

За победой в Инсбрук (1964 г.)

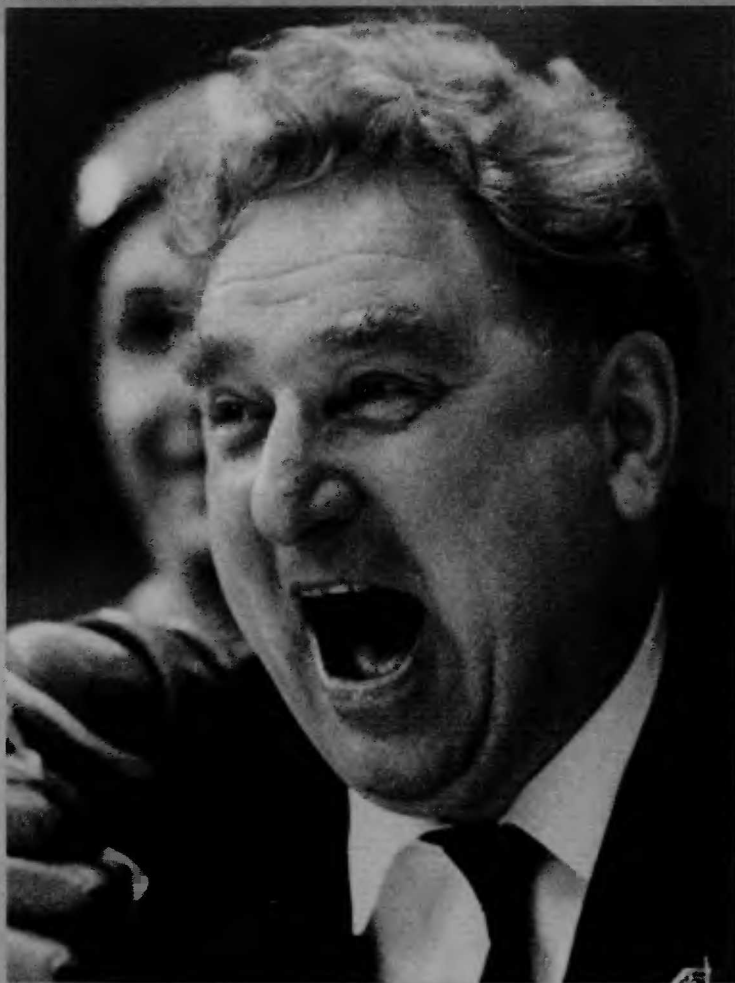
Первое олимпийское золото А.В.Тарасова
(Инсбрук, 1964 г.)

Благодарность и поздравления в Москве

Сейчас решается судьба профессионалов НХЛ

Момент истины

на сосуществование с тайной. Рецепт постиндустриального искусства *также* — сплав явного с тайным» (Генис А. Вавилонская башня: искусство настоящего времени. М.: Независимая газета, 1997). Тарасов был наделен способностью сочетать прогнозирование и планирование хоккейного действия с постоянной готовностью к встрече со свободной стихией игры, пониманием ее высоковероятной неотвратимости, осознанием частичной непостижимости хоккея. Однажды, долго и молча наблюдая за тщетными попытками юниоров сборной СССР переломить ход поединка с канадскими сверстниками в финале чемпионата мира 1987 года (Москва), Анатолий Владимирович изрек: «За последние десятилетия мы во многом научились подчинять ход игры своему замыслу и плану: мы большую часть времени владеем шайбой, активнее и больше двигаемся, создаем во много раз больше соперника моментов для взятия ворот и внешне, вроде бы, контролируем весь ход игры, владеем игровой инициативой. Однако в матчах с канадцами этого для победы далеко недостаточно. Очень часто, когда кажется, что они уже истощены, на них свыше нисходит нечто сверхъестественное, и они становятся неудержимыми. Сметая все на своем пути, они лезут и лезут на наши ворота, позабыв маму родную, до тех пор, пока не наступит перелом в игре. И такое умеют, а точнее, подобное непостижимое перевоплощение случается только с канадцами. Я не знаю, как бороться с такой стихией».

Нечто подобное все мы могли наблюдать во время первой исторической встречи команды ЦСКА с «Монреаль Канадиенс» в новогодний вечер 31 декаб-

ря 1975 года. В том сезоне великий «Монреаль» блистал созвездием необычайных талантов — Лафлер, Робинсон, Савар, Лапуант, Гейни, Шатт, Лемэр, Курнуайе, Ламбер, Драйден, да всех и не перечислишь, точнее, можно перечислять весь состав. Все первые 20 минут игра шла только в зоне ЦСКА. Шквал атак, убойных бросков и щелчков, очень интенсивный коллективный маневр и напор обрушились на ворота армейцев, которые успевали играть только на отбой. Лишь терпение и бесстрашие армейцев в обороне, подкрепленные феноменальной игрой Третьяка, не позволили тогда канадцам учинить разгром в первой трети матча. А далее хоккеисты ЦСКА тактически очень мудро довели игру до ничейного результата. Так я впервые увидел, как канадцы «забивают маму родную».

Думаю, что объяснение канадского феномена содержится в прекрасной книге очень знаменитого вратаря Кена Драйдена, изданной в 1987 году. «Мы не проигрываем, когда необходимо побеждать. Мы побеждаем, мы всегда побеждаем. Проигрываем мы, когда цена игры невелика, когда ничто не поставлено на карту, когда сумма факторов, таких как болезни, травмы, усталость, скука, личные проблемы, разъезды, одолевает нас. Но в больших играх не бывает суммы факторов. В больших играх мы выкладываемся для победы. И побеждаем. Мы не проигрываем, когда *мы* сами на кону, когда необходимо что-то доказать, когда *мы не можем* проиграть. *Мы не проигрываем, играя в открытую*» (Ken Dryden. The Game. Toronto, Canada, Macmillan, Cagne Publishing Ltd, 1984).

Осенью 1990 года мы вместе присутствовали в Лужниках на матче «Монреаль Канадиенс» — ЦСКА, состоявшемся в ходе визита клубов НХЛ в СССР. Наблюдая за игрой, Анатолий Владимирович, как всегда, молча и насупившись, делал короткие записи в свой маленький блокнот. В перерывах он, напротив, был весел, шутил, «задирал» соседей-коллег, фотографировался с административным руководством именитого канадского клуба, сидя в обнимку с Генеральным менеджером Сержем Саваром. Как только возобновлялась игра, он снова погружался в раздумья и продолжал неспешно «конспектировать» хоккей. В тот поздний вечер мы разъезжались с ним из Лужников порознь.

На перекрестке Хамовнического вала и Комсомольского проспекта я остановился на красный сигнал светофора. Со мной поравнялась золотистого цвета «Audi», как потом выяснилось, представительская машина Спорткомитета СССР. Стекло задней двери опустилось, и в окне возникло улыбающееся лицо президента НХЛ Джона Зиглера. Рядом с ним в глубине салона находился знаменитый в СССР Агги Кукулович из «Air Canada».

— Old Man (по-русски «старина» в уважительно-ласкательном смысле) в ходе матча постоянно что-то записывал. Что в этих записях? — Без какой-либо преамбулы, но лучезарно улыбаясь, спросил Зиглер. Видя выражение лица Зиглера, я понял, что вопрос был продиктован не праздным любопытством или дежурной вежливостью. Действующему президенту НХЛ было безразлично, что думает о сегодняшнем хоккее, и прежде всего о хоккее НХЛ, знаменитый российский (советский) тренер.

— Одному Богу известно (God only knows), — постарался я ответить по-американски дежурно-уклончиво.

— Да, правда, — задумчивый на миг взгляд Зиглера выражал полную удовлетворенность ответом. — Хоккейный Бог может доверить свои сокровенные мысли только Богу Всевышнему.

Загорелся зеленый сигнал светофора. Я пожелал моим случайным собеседникам доброй ночи и, тронувшись, погрузился в раздумье.

Джон Зиглер-младший вступил в должность президента НХЛ в 1977 году. Это был как раз тот самый год, когда сборная Канады вернулась на чемпионаты мира с полным правом участия в них профессиональных хоккеистов. Зиглер стал первым в 60-летней истории НХЛ президентом американского происхождения. Тарасов к тому моменту уже более трех лет был вне большого международного хоккея. Ровно столько же времени, сколько он состоял Почетным членом Зала хоккейной славы НХЛ в городе Торонто (но об этом в другой главе). К Олимпу профессионального хоккея Зиглер шел через карьеру хоккеиста-любителя (1949 — 1969), дипломированного юриста (1957) и юридического советника «Детройт Ред Уингс» (1959 — 1976). Параллельно с этим он входил в юридический совет Национальной хоккейной лиги. К его выдающимся заслугам относят экономико-юридическое обоснование расширения НХЛ в 1979 году, когда в нее влились самые состоятельные клубы Всемирной хоккейной ассоциации, то есть практическое устранение ВХА как конкурента НХЛ.

Их первое знакомство с Тарасовым, когда тот посетил Канаду в начале 1978 года, было мимолетным, скорее формальным, но обоюдно желанным. Для Зиглера по вполне понятным причинам многолетнего почитания Тарасова как полновластного «хозяина» любительского хоккея. Для Тарасова потому, что Зиглер наконец сменил легендарного Кларенса Кемпбелла — многолетнего заочного оппонента нашего тренера, главного и принципиального противника встреч наших хоккеистов с коллегами из НХЛ. Как показало время, Зиглер не столь негативно относился к идеям Анатолия Тарасова, а искал и находил компромиссные решения, умело ограждая лигу от нежелательных притязаний «русских». Именно при Зиглере во встречах сборных НХЛ и СССР соотношение сил (после явных неудач 1979 и 1981 гг.) постепенно начало склоняться в пользу канадцев (победы в Кубках Канады 1984 и 1987 г.). Но апофеозом правления «американского Президента канадского хоккея» явился отток в НХЛ хоккеистов из СССР. К моменту описываемых событий Джон Зиглер полностью сосредоточил в своих руках руководство НХЛ, да во многом и мировым хоккеем — первые советские звезды уже перекочевали за океан и начали там свою новую карьеру. Уже играли в клубах НХЛ Могильный, Федоров, Фетисов, Макаров, Ларионов, Крутов, Касатонов — наши лучшие хоккеисты недавнего прошлого, настоящего и будущего. Именно под руководством Зиглера был открыт мощный шлюз, по которому в Северную Америку начали сплавлять всех лучших хоккеистов СССР, а затем России, Белоруссии, Украины, Латвии. Поэто-

му осенью 1990 года в Москве Президент НХЛ чувствовал себя уверенно. Но даже такой важный и влиятельный гость нашего спорта не мог не учитывать присутствия и мнения великого мэтра мирового хоккея.

В крупнейшем канадском городе Торонто на территории Парка выставок (где проводилась знаменитая Всемирная международная выставка ЭКСПО-67) в августе 1961 года был торжественно открыт Зал хоккейной славы (ЗХС). В Уставе ЗХС сказано: «Любая личность, которая выделялась или выделяется в хоккее как игрок, «деятель» или судья, может быть пригодна к избранию <...> Кандидаты на избрание среди «деятелей» могут быть номинированы только Комитетом правления и после избрания квалифицируются как «созидатели».

К 1974 году в Зал были избраны 140 игроков, 8 судей и 44 «созидателя» — все без исключения жители Северо-Американского континента (одни канадцы и американцы). Анатолий Владимирович Тарасов после окончания активной тренерской карьеры в 1974 году был избран в Зал хоккейной славы как «созидатель». А ведь в составе Комитета правления были Кларенс Кемпбелл и Гарольд Баллард — бескомпромиссные критики и непримиримые оппоненты советского хоккея. Тарасов был первым в истории Зала европейцем, удостоенным такой чести. Только спустя три года (в 1977 г.) туда же был избран бывший и многолетний Президент Международной хоккейной лиги англичанин Джон Ахерн. В этом перечне из 44 «созидателей» Тарасову предшествовал (а фак-

тически был избран с ним одновременно в том же 1974 году (хозяева не могли допустить, чтобы первым в ЗХС был не канадец!) только один профессиональный тренер — Томас Айвен.

Тарасов впервые посетил ЗХС только спустя почти четыре года после избрания, в 1978 году. Тогда он был гостем второго официального чемпионата мира по хоккею среди молодежных команд. Именно на том чемпионате в составе канадской сборной дебютировал 16-летний У.Гретцки (и стал самым результативным игроком турнира). В нашей команде играли 18 — 19-летние В.Фетисов, А.Касатонов, С.Макаров. Сборная СССР под руководством В.С.Давыдова одержала победу и над канадцами, и в чемпионате. А.В.Тарасов очень высоко оценил ту победу и роль тренера в успехе команды. Президентом НХЛ тогда уже был Джон Зиглер. Тарасова встречали в Торонто со всеми почестями. Сопровождаемый секретарем комитета правления ЗХС г-ном М.Х.(Лефти) Райдом, он познакомился со своим постером (копия и перевод которого приводятся ниже).

АНАТОЛИЙ В. ТАРАСОВ

Анатолий Владимирович Тарасов известен как общепризнанный архитектор советской хоккейной мощи. Являясь выходцем из советского хоккея, Тарасов, тренируя свою национальную команду, привел ее к девяти подряд титулам чемпионов мира в любительском хоккее и трем подряд олимпийским победам, после последней из которых в 1972 году в Саппоро, он ушел в отставку.

В конце 40 — начале 50-х он играл за советскую хоккейную команду, когда она, выйдя в свет, сразу же бросила вызов канадскому хоккею. Совместно с Аркадием Чернышевым они, тренируя советскую команду, вскоре полностью превосходили команды, представлявшие Канаду на международных соревнованиях. Преданный поклонник и ученик канадской игры, Тарасов преобразил многие грани этого стиля с максимальной пользой для своего хоккея. Он был ярким приверженцем тренировочного процесса. Самые придирчивые наблюдатели признают, что Тарасову принадлежит ключевая роль в создании советской хоккейной мощи. Он написал множество книг о хоккее, а также возглавлял турниры советской Золотой шайбы, в которые вовлечено более 1 миллиона школьников.

Нет сомнений, что Анатолий Тарасов является одним из наиболее прогрессивных и преданных деятелей мирового хоккея — истинный Созидатель игры.

Избран в 1974 году.

Поклонение «звезде», будь то игрок или целая команда, есть проявление внешнего, но самого массового эмоционально-чувственного восприятия спорта. Это признак, в первую очередь, потребительского отношения к спортивным событиям как зрелищу. Оно свойственно большинству болельщиков. Зрители ходили на Старшинова, Фирсова, Александра, Харламова, Якушева, Третьяка, Мальцева, а позднее на Фетисова, Макарова, Крутова. Не только наши зрители в России, но и зарубежные болель-

щики, знающие толк в хоккейной эстетике, ходят сегодня в НХЛ на Могильного, Федорова, Буре...

Не могу забыть давнего эпизода из товарищеского матча сборных Швеции и СССР, проходившего в Скандинавии, году эдак в 1970 — 1971. В ходе трансляции этой игры по телевидению канал звуковой связи комментатора часто прерывался, но происходящее в аудитории было хорошо слышно. Наши выигрывали уверенно, а их голы всегда сопровождались гробовым молчанием. Но когда пятерка В.Петрова провела стремительную атаку на ворота шведов, зал реагировал уже иначе. Лутченко, ведя борьбу за своими воротами, оттеснил соперника и на мгновение завладел шайбой. В этот миг Харламов уже делал ускорение в сторону чужой половины поля, пересекая синюю линию своей зоны в самом ее центре. Ответом на этот маневр был кинжальный и точный пас ему от Лутченко. Но покуда шайба достигала Харламова, к зоне соперника уже неслись Петров. Харламов единственным прикосновением крюка переадресовал ее стремительно мчавшемуся партнеру. Петров влетел в чужую зону один, опередив всех и догоняя шайбу, скользящую в сторону ворот, защищаемых одним вратарем. Продолжая свой бег прямо на ворота, Владимир нанес по шайбе сильный прицельный удар. Она вонзилась в верхний угол над плечом остолбеневшего вратаря. Весь эпизод, с момента овладения Лутченко шайбой и до гола, длился не более 3 секунд. Весь зал, выдохнув, издал протяжно-негромкий звук «О-о-о-о-ох!», означавший изумление. И уже вслед за этой спонтанной реакцией раздались бурные аплодисмен-

ты. Неподдельность выраженных чувств говорит о способности аудитории оценить высшее проявление хоккейного мастерства, несмотря на ее пристрастия. Высшее мастерство на грани искусства никогда не имеет национальности.

Роль великих спортсменов в наших эмоциональных рефлексиях поистине бесценна. Им по праву принадлежат восторги и поклонение зрителей. Но даже самый великий игрок, как это ни покажется странным, своими чарующими действиями порой отдаляет нас от понимания сути и механизма происходящего. Действуя в критические моменты интуитивно-рефлекторно, зачастую на неосознанном уровне, он творит на поле чудеса, объяснить происхождение которых невозможно. Порой даже сам исполнитель не представляет мотивации своих решений и действий. И только тренер является или должен быть программистом, интерпретатором и корректором любых поступков игрока и действий команды. В этом суть его деятельности, смысл и природа существования профессии.

Тарасову, в силу его пожизненной замороженности хоккеем, благодаря индивидуальным качествам характера, удалось подчинить эту игру своему пониманию, а следовательно, и моделированию.

У Тарасова, видимо, от природы существовал своеобразный «акулий орган»^{*}, позволявший ему чувствовать в хоккее то, что не дано было ощутить дру-

^{*} Современные биологи полусерьез употребляют это понятие, называя «акулий орган» рудимент обонятельного органа, эволюционно доставшегося человеку от земноводных. Он позволяет ощущать запахи употребляемой (в процесса сжедания) пищи, помимо основного физиологического пути его восприятия.

гим. С одной стороны, он обладал способностью видеть многоплановость хоккейного действия. Подобно тому, как великие кинорежиссеры, создавая свои шедевры, выстраивают различные по глубине эшелоны одновременно происходящих на экране событий, точно так же Тарасов строил свой, ни на что не похожий хоккей, ставя перед соперниками неразрешимые задачи. С другой стороны, он обладал чутьем на незаурядную индивидуальность.

На одном из матчей чемпионата СССР (кажется, 1989 г.) с участием московского «Динамо», наблюдая одну из быстрых атак бело-голубых, Тарасов вдруг пришел в неопишное возбуждение. Обычно молчаливый, снисходительно-хладнокровный и скупой на эмоции при наблюдении за игрой, он, не отрываясь от кого-то на льду буквально запричитал: «Как он это сделал?! Как он сумел принять такое решение?! Как это у него получилось?!» Так совпало, что я случайно уловил игровой миг, который, как я понял, и возбудил Тарасова. Кто-то из динамовцев, входя на высокой скорости в чужую зону, выполнил трудноописуемую мимолетную обводку, преодолев и оставив за собой сразу двух, откатывавшихся «в линию» оборонявшихся. «Кто у «Динамо» играет под номером таким-то?» — нетерпеливо воззвал Анатолий Владимирович к окружающим в ложе «А», как будто ответ на его вопрос мог в данное мгновение что-то изменить. Успокоился Тарасов не сразу. Увиденное отпечаталось в его эмоциональной памяти как некое откровение. Позднее, к концу матча, мы узнали, что фамилия хоккеиста Жамнов. «Будет

выдающимся! — сказал, словно отрезал, Тарасов и, помедлив, добавил. — У Юрзинова будет!» Наблюдая хоккей и всегда сканируя опытным взглядом огромный массив рабочего материала, Тарасов, понимая *язык тела*, всегда сторожил тот миг движения, который почти никто не видит, а сам спортсмен даже не чувствует.

Тренерская роль в развитии современного игрового спорта несправедливо занижена. Главных тренеров хоккейных команд в 25 раз меньше, чем игроков. Но это не означает, что о них надо рассказывать во столько же раз реже! Мы почти ничего не знаем о легендарных Филе Джексоне, Йоханне Кройфе, очень мало даже о Скотти Боумэне, против которого и у которого играло и играет много наших хоккеистов. А ведь это одни из лучших тренеров мира не только и не просто в своих видах спорта (баскетбол, футбол, хоккей), а и в командных видах спорта вообще. Конечно, сегодняшним журналистам много легче писать, к примеру, о хоккейных «полицейских» НХЛ, посвящая им и их действиям постоянные репортажи, чем рассказывать о тайнах и премудростях тренерского ремесла. Ведь для этого требуется очень подробно изучать основы хоккейной грамоты. А настоящий тренер в истинно творческом хоккее — главный спортивный персонаж.

Тарасову было грешно «жаловаться» на недостаточность внимания прессы — писали о нем много. Уж очень колоритной была эта тренерская фигура. Но вот грамотно и глубоко оценить такое спортивное явление как Тарасов и донести это понимание

до любителя спорта могли, как мне кажется, лишь единицы. Чтобы этого добиться, требовалось «все-го лишь» соответствовать в своей профессии масштабу Тарасова в хоккее. Лучшее «исследование» этого хоккейного явления принадлежит, на мой взгляд, Александру Нилину. Поводом для написания в журнале «Физкультура и Спорт» № 2 1971 года обзорно-аналитической статьи «Выражение лица» послужило ранее упомянутое здесь возвращение Анатолия Владимировича к руководству своим клубом. Тогда в сезоне 1970-1971 гг. Тарасов совершил «очередное чудо», приняв от Кулагина команду с отставанием от «Динамо» в турнирной таблице на 10 очков. К финишу чемпионата победное превосходство армейцев над своим соперником составило 7 очков.

Запомнилось мне (не деталями, а общим тоном) и эссе патриарха отечественной спортивной журналистики Льва Ивановича Филатова, в котором Тарасов предстает как неукротимый Прометей.

«Чем выше класс команды, мастерство ее игроков, тем чаще путь к удаче должен быть связан с риском. Для нас тренеров, работающих с упреждением, это норма деятельности. Хоккей не стоит на месте. То, что вчера приносило сильный эффект, сегодня может дать осечку. Вспоминаю, как канадские хоккеисты обыгрывали нас, да и всех в Европе, благодаря высокой индивидуальной технике, особенно превосходя любого соперника в умении вести атаку, применяя такие приемы, как обводка, завершающий бросок, добивание, создание помех вратарю <...> Сегодня при помощи лишь этих

средств заокеанским хоккеистам не обыграть и рядовой нашей команды <...> Добиться успеха возможно, лишь выдумывая что-либо новое, остро неприятное для соперника, сложное для локализации. В этом поиске неизведанного всегда и должен находиться тренер» (А.Тарасов).

Вячеслав Фетисов подробно описывает свой «внутренний конфликт в понимании хоккея», возникший у него в НХЛ: «...В «Нью-Джерси» <...> тренер <...> был один, он говорил так: «Про хоккей я знаю следующее: если мы их перебили, значит, мы выиграли, если не перебили, значит, они». Он считал, кто сколько раз врезался и в кого <...> Никакого сплава европейского и канадского хоккея в НХЛ не произошло. То, во что там играют, — это нормальный североамериканский хоккей <...> По моему, тренеры считали, что у нас (русских — В.А.) получается слишком вычурный хоккей, а игра, по их понятию, должна быть проще <...> Даже тренер к нам подходил: «Я все вижу, но все равно не могу понять, как вы играете?» Тренер нашей команды!»

Тренерская традиция отечественного хоккея, основы которой были заложены А.В.Тарасовым, опирается на то, что тренеру до всего есть дело. Помимо чисто специфических спортивных аспектов, в круг его обязанностей и интересов входят администрирование, хозяйственные, социальные, просветительские вопросы. Они обязательно должны находиться в поле зрения тренера. Ибо от них зависит профессиональное состояние как отдельных игроков, так и коллектива в целом. Даже в «пре-

словутой» НХЛ, которую ныне по поводу и без повода постоянно приводят в пример, известные тренеры нередко совмещают с основной своей обязанностью должности генерального менеджера и даже вице-президента клуба (Г.Синден, Г.Сатер, С.Боумэн, М.Кинен).

В многочисленных книгах, изданных и в СССР и за рубежом, А.В.Тарасов обстоятельно рассказывает нам не только о самой игре под названием Хоккей, но и о своей тренерской профессии. И в каждом литературном труде он обязательно вспоминает о своем незабвенном учителе Михаиле Давыдовиче Товаровском — спортивном педагоге, руководившем в последние годы жизни кафедрой футбола и хоккея Московского института физкультуры. Мне посчастливилось познакомиться с профессором Товаровским в 1968 году. Дело было ранней осенью, в сентябре. После очередной поездки за грибами Анатолий Владимирович сказал мне, что ему требуется помощь отца. Была необходима консультация и, скорее всего, неотложная госпитализация в гематологическое отделение столь дорогого Тарасову «самого» М.Д.Товаровского. Отец тогда находился на отдыхе в одном из санаториев черноморского побережья Кавказа. Пользуясь знакомством с его сослуживцами, и, главное, именем Тарасова, я смог поспособствовать в решении этого вопроса (гражданским лицам путь в госпиталь имени Бурденко формально был заказан). Выполнив необходимые формальности и определив дату госпитализации, мы троим из госпиталя направились к Тарасову домой, чтобы «отметить» (простым обедом — все были

голодны) успех проведенной акции. Михаил Давыдович производил впечатление рафинированного, но жесткого интеллигента. В нем сразу чувствовался педагог, «профессорский стиль общения», хоть и сдержанная, но назидательная манера разговаривать. Он рассказывал о том, что только недавно вернулся из командировки в Голландию, где знакомился с тренерской работой в клубах. То, чем поделился тогда Товаровский, я с изумлением вспоминал спустя шесть лет, когда Михаила Давыдовича уже давно не было в живых (он умер вскоре после нашего знакомства, так как у него оказалась злокачественная форма заболевания крови). «Голландский футбол обязательно достигнет мировых высот, так как имеет фантастическую учебно-тренировочную базу. В стране несметное число футбольных полей высшего качества, которое не снилось даже нашим лучшим стадионам. Учебный процесс в работе с молодежью организован безукоризненно. Я видел немало очень талантливой молодежи. В недалеком будущем их национальная команда может быть чемпионом мира», — подвел итог своему короткому рассказу Товаровский. Тарасов, с не меньшим интересом чем я, внимал этому рассказу. Потом он молча вышел из кухни (в доме Тарасовых огромная кухня была лучшим и предпочтительным местом для трапезы) и вернулся спустя минуту, держа в руках маленькую черно-белую фотографию и вручил ее мне. С фотографии примерно 20-летней давности на меня смотрел М.Д.Товаровский. На оборотной стороне красивым почерком было написано буквально следующее:

Анатолий!

Поздравляю с успехом.

Однако помните, что первый успех, особенно в нашем трудном деле, иногда «кружит» голову. Это очень опасно. Сумейте быть свободным от этого.

Скромность, честность, упорство и культура в работе, твердая непримиримость ко всему тому, что тянет наш спорт вниз — вот о чем хочется Вам напомнить в день приятный для Вас и, по вполне понятным причинам, для меня.

М.Товаровский

15.02.48

В тот день 15 февраля 1948 года хоккейная команда ЦДКА была удостоена своего первого звания чемпиона СССР, а ее тренером, к тому же играющим, был Анатолий Тарасов. Так учитель поздравил любимого ученика с первым всесоюзным успехом. Вполне понятно, что А.В.Тарасов свято чтит заветы своего наставника и бережно нес через всю свою жизнь чувство глубокой благодарности Товаровскому.

«Счастье, если встречаешь в жизни мудрого друга, наставника. Я уже упоминал <...> что <...> в Московском институте физической культуры <...> кафедру футбола и хоккея возглавлял Михаил Давыдович Товаровский <...> Он никогда не взирав на нас с пьедестала своих обширных знаний. Это он, едва мне минуло девятнадцать, и я только что поступил в Высшую школу тренеров, дал мне совет: «Иди работай! У тебя нет командного голоса, да и вообще много чего нет».

...Но вернемся к событиям конца 40-х годов <...> В Скандинавии гастролировал канадский любитель-

ский хоккейный клуб, и мне предложили <...> посмотреть его выступления <...> Я тут же по телефону сообщил эту чудесную новость Михаилу Давыдовичу Товаровскому. Он попросил меня приехать к нему домой. Встретил удивительно холодно. «Так, куда это вы, молодой человек, собрались?» — спросил он меня в своей обычной ироничной манере. Я объяснил, что есть возможность увидеть <...> канадцев, о которых ходят легенды. «Вам не следует никуда ехать! — огородил меня мой наставник. «Почему?» — недоумевал я. «Вы не созрели смотреть зарубежный хоккей, — отвечал Товаровский. — Ведь если вы увидите иностранцев, сами уже ничего придумывать не будете. Так человек устроен. А надо выдумывать, создавать свое. Когда твердо встанете на собственный путь, тогда и ездите, смотрите!» (А.Тарасов. Родоначальники и новички. Неопубликованные материалы).

Завершая очередную главу о лучшем тренере XX столетия, я предлагаю читателю взглянуть на фотографию из семейного архива Тарасовых. Это уже времена, близкие к сегодняшнему периоду. Весьма символичное фото! Даже нет необходимости объяснять, кто запечатлен на снимке. Все трое «пойманы» фоторепортером на фуршете по поводу открытия в Москве первого гольф-клуба. Символично то, что каждый из «фигурантов», имея приставку «экс» по отношению к своему виду деятельности, на самом деле навечно вписал свое имя в историю спорта. Их проникновение в свою профессию не знает временных границ. Очень любо-

пытный комментарий в связи с появлением фотоснимка в его доме позволил себе сам Анатолий Владимирович. Когда крупная цветная фотография, помещенная в рамку, заняла достойное место на одной из стен в домашнем кабинете тренера, Анатолий Владимирович, улыбаясь, сказал: «Лучший футболист мира, лучший хоккеист мира и ...». После короткой паузы он рассмеялся...

Правомерно ли вообще ретроспективно определять «лучшего» в какой-либо из сфер человеческой деятельности? Достаточно ли для этого объективных критериев? Всегда очень соблазнительно увенчать кого-то «лавровым венком» лучшего. Но Тарасов никогда в этом не нуждался, он был «сам свой высший суд».

И все же я попытаюсь сказать, что выделяет моего героя из разряда его коллег в разных видах спорта. Тарасова возвышает над всеми его божественный эгоизм. Тарасов строил свой хоккей (а не пользовался чужим) и утверждал его как некий недостижимый идеал. Недаром все его многочисленные книги пронизаны размышлениями о хоккее будущего. Вот это исключительное осознание профессиональной ценности личности, индивидуальности, неповторимости, «штучности» человека — есть черта, которая обрекла Тарасова на величие и несравненность в своей профессии.

Тарасов «существует как икона, а не как учебное пособие». И, хотя, будучи великим тренером, Тарасов был и великим педагогом, научиться работать как он и добиться такого же результата долго еще никому не удастся.

22.XII.1946

Спортивное движение в СССР не знало отказа ни в чем. Первые победы на международной арене лишь закрепили убежденность государственных руководителей в необходимости неограниченной поддержки молодого советского спорта. Канадский хоккей, как его тогда называли в СССР, в силу именно этих причин оказался, пожалуй, самым большим баловнем судьбы. Становлению и развитию этой игры в нашей стране оказывалась всемерная и искренняя поддержка. Но самое важное заключалось в том, что этот вид спорта полюбился народом.

Безусловно, очень важным обстоятельством было довольно длительное к тому времени существование в нашей стране русского хоккея (или хоккея с мячом, «бенди» по-скандинавски). В первые послевоенные годы в СССР уже существовала плеяда отменных хоккеистов. Им не требовалось большого времени на постижение канонических элементов новой игры — стремительный бег на коньках, виртуозное владение клюшкой (правда, короткой, с закругленным крюком) и меткость в поражении ворот уже имелись в арсенале наших хоккеистов. Им надлежало теперь внести технико-тактические коррективы, применительно к условиям и правилам канадского хоккея, и можно было начинать «играть с листа». Мастера ледовых стадионов были готовы к освоению новой роли.

Огромным достоинством большинства игроков хоккея с мячом была их круглогодичная занятость. Летом они не менее, если не более успешно (например, В.Бобров, В.Трофимов, В.Блинков) играли в футбол в лучших командах Высшей лиги — «Динамо», ЦДКА, «Спартак» и др. Иными словами, степень атлетической готовности этих спортсменов была необычайно высокой. Бобров, Бабиц, Никаноров, Виноградов, Трофимов, Якушин, Чернышев, Уваров, Стриганов, Сеглин, Гранаткин, Блинков, Дементьев, Соловьев и многие другие на протяжении календарного года — от осени до осени — блистали как на хоккейных, так и на футбольных полях страны.

Именно с появлением в СССР канадского хоккея перед многими большими мастерами встал нелегкий жизненный выбор: оставаться служителями двух господ (футбола и хоккея с мячом) или ринуться в пучину освоения новой для нас игры, которая не могла допустить подобной двойственности. Некоторым «звездам» еще удавалось какое-то время «сидеть на двух стульях», но такое раздвоение не могло продолжаться долго. Первый сезон 1946 — 1947 годов имел явно экспериментальный, пробный характер — чемпионат продолжался лишь 34 дня. В конце января 1947 года после проведения всего 24 матчей родился первый чемпион СССР по хоккею с шайбой — «Динамо» Москва.

Новая игра «показалась» и любителям спорта и нашим спортивным, и не только спортивным, руководителям. Потребовалось более обстоятельное, независимое от хоккея с мячом отношение к этой игре, создание самостоятельной инфраструктуры этого вида

спорта. Необходимо было формировать команды, организовывать полноценный сезон и чемпионат страны. Второй национальный чемпионат выглядел по форме и по содержанию уже совершенно иначе. Он длился 60 дней, в нем участвовали 10 команд (состоялись 90 матчей). Чемпионом стал клуб ЦДКА, где играющим тренером был Анатолий Тарасов. В том первенстве феноменального показателя результативности добился армеец Всеволод Бобров. В 18 календарных матчах он умудрился забить 52 гола.

Тот сезон (1947 — 1948 годов) оказался поворотным, историческим для нашего молодого хоккея. Москву посетила для серии товарищеских матчей легендарная команда ЛТЦ из Чехословакии. Ее хоккеисты составляли основу национальной сборной, которая одержала небывалую победу на чемпионате мира в 1947-м, сыграла на равных с канадцами на Олимпиаде 1948 года, уступив только по разности шайб. (На следующий год сборная ЧССР снова выиграла чемпионат мира, опередив команды Канады и США). Эта весьма ответственная испытательная серия матчей многократно описана в мемуарах и хрониках истории отечественного хоккея. Главным ее итогом стало осознание дееспособности нашего хоккея с шайбой. По своему чисто спортивному показателю итог этих встреч оказался равным — победа, ничья и поражение нашей команды. Но спортивно-психологический итог этой серии был явно в пользу советских хоккеистов.

Нашему спорту повезло. Его расцвет, международное признание и победная слава коренятся в плодотворной почве национального и государственного

подъема, который наступил в стране в результате победы советского народа в Великой Отечественной войне. Заслуженная гордость победителей и освободителей народов мира от фашизма навечно вселилась в души советских людей от мала до велика. Естественно, в течение долгих лет она органично передавалась из поколения в поколение. Психология победителей стала в нашей стране национальной психологией. Победив в войне, советский народ не имел права не побеждать и во всех проявлениях мирной жизни.

Главным идеологом, движущей силой и вдохновителем исторического соревнования с командой из Чехословакии был играющий тренер сборной Москвы А.В.Тарасов. Все подготовительные, организационные и спортивные перипетии этого неординарного для отечественного спорта события он подробно изложил в документальном телесериале Э.Мухина и Г.Орлова «Хоккей Анатолия Тарасова». И в своих многочисленных монографиях Анатолий Владимирович столь же детально описывает эти события. Они памятливы и дороги прежде всего потому, что помогли увидеть огромный потенциал, которым в период своего младенчества обладал канадский хоккей в СССР. Благодаря этим матчам Тарасов сумел ощутить небывалую перспективу роста национального хоккея.

Зоркий глаз и природный аналитический ум Тарасова сразу подметили в зарубежном хоккее ряд органичных изъянов. Анатолий Владимирович справедливо предполагал, что эти слабости имеют социально-психологические причины. Чутье подсказывало Тарасову, что психология индивидуализма, орга-

нично укоренившаяся в странах западной демократии и свободного рынка (в том числе хоккейных — Швеции, Финляндии, Англии, США, Канаде), оказывала отрицательное влияние на внутренние пружины совершенствования этой в высшей степени коллективной игры. Примат премьерства в западном, особенно североамериканском хоккее был определяющим и основополагающим. Тарасов начал поиск принципиально иной базы строительства отечественного хоккея. Фундаментом для развития новой игры в СССР должен был стать спортивный коллективизм.

Как уже говорилось выше, для этого у нашего хоккея существовала прекрасная историческая база — опыт игры хоккея с мячом. Игровые взаимодействия и коллективные усилия спортсменов в этой игре были чрезвычайно разнообразны и высоки. Ведь там численный полевой состав команды (10 игроков) был в два раза больше, чем в хоккее с шайбой (5 игроков). Коллективные навыки и психология являлись важнейшей органической составляющей профессионализма наших спортсменов. Требовалось лишь творчески адаптироваться к условиям и принципам новой игры.

Внутренний чемпионат СССР год от года становился более интересным и сильным. В первую очередь потому, что сильнейшие клубы страны были созданы военизированными организациями — Вооруженными Силами (ЦДКА), МВД («Динамо») и Военно-Воздушными Силами (ВВС). Послевоенное преклонение перед славой воинов-победителей было в самом расцвете. Военным организациям не было

отказа ни в чем. Финансирование ведомственного спорта было приоритетным и практически неограниченным. Поэтому первые победы на международной арене пришли быстро. Они были яркими и неожиданными для спортивной международной общности. Сыграл роль фактор внезапного «визит-эффекта». Новички, предложив незнакомую и весьма самобытную трактовку и исполнение игры, оказались сильнее и в течение первых трех сезонов победили на двух чемпионатах мира и Олимпиаде.

Несмотря на столь яркие и важные достижения, технологическая база отечественного хоккея (в стране было всего два нормальных искусственных катка, да и те только в Москве) и его массовость сильно отставали от зарубежных. Чемпионат мира 1957 года проходил уже в Москве, при огромном скоплении зрителей. Но надежда на столь желанную победу в родных стенах не оправдалась. Сборная СССР, чемпион предыдущего, 1956 года, уступила пальму первенства высокоорганизованной команде шведов. Оргвыводы из обидного поражения привели к смене руководства сборной. Старшим тренером команды вместо руководившего ею 4 года А.И.Чернышева был назначен А.В.Тарасов.

К этому времени положение в отечественном хоккее, а ему исполнилось всего 10 лет, оказалось переломным. Лидеры, легендарные чемпионы и первопроходцы Бобров, Бабич, Шувалов, Уваров, Кузин, Гурьев и другие подошли к критическому возрасту, — всем им было за 30. Поколение вышедших из хоккея с мячом и футбола основоположников канадского хоккея в СССР постепенно изживало себя. Им на

смену подходила новая формация 20-летних спортсменов, не ведавших ничего, кроме хоккея с шайбой. Происходила так называемая смена поколений. Создавать команду на далекую перспективу, опираясь на костяк зрелых, сформировавшихся, пусть сильнейших на тот момент игроков, Тарасов считал недальновидным и пустой потерей времени. Поэтому в первое для нашего хоккея турне по Канаде (конец 1957 — начало 1958 года) новый старший тренер решил взять в сборную команду игроков новой формации. В ней оказались и совсем молодые, и уже зрелые спортсмены, но предпочитающие быстрый, сугубо коллективный, неудобный для соперников хоккей.

Сегодня будет интересно взглянуть на фотографию команды ЦСК МО (таким было тогда название армейской команды; осенний сбор 1957 г.). Рядом с титулованными ветеранами — Сологубовым, Трегубовым, Пучковым, Сидоренковым, Уколовым, Пантюховым и зрелыми мастерами — Елизаровым, Копыловым, Баулиным, Бруновым стоят молодые Локтев, Брежнев, Л. Волков, Александров, Деконский, Сенюшкин, В. Васильев и даже юные Кузькин и Альметов. Именно эта команда начинала воплощать в жизнь хоккей нового типа — предельно коллективный, максимально быстрый и атакующий, в котором все подчинено только победе. В сознание этих хоккеистов неуклонно внедрялась вера и убежденность, что путь к большим и скорым победам лежит через трудоемкий и творческий тренировочный процесс. Процесс, по мысли Тарасова, составляющий основу и самый смысл хоккейной профессии.

Данный этап строительства советского хоккея протекал в изменившихся социально-политических условиях. Эйфория послевоенных победных настроений в обществе сменилась психологией созидательного строительства в стране и мирного сосуществования на международной арене. «Спорт — вне политики» — этот лозунг советской пропаганды был лишь ширмой, за которой ковались новые спортивные достижения страны. После победы в войне стране были нужны новые победы в мирной жизни. Спорт являл собой продолжение войны мирными средствами. Он должен был продемонстрировать всему миру безусловное превосходство социалистического строя. Спорт должен был стать мощнейшим инструментом международной политики СССР.

«Чемпионы и рекордсмены выполняют в современном обществе важную функцию. Сам по себе рекорд или победа не нужны никому, и человечество не станет богаче и счастливее оттого, что планка поднимается на сантиметр. Это так, но нация оздоравливается, взирая на трудно достижимые образцы. Вводится некая точка отсчета. Подвижники идеи создают духовный ориентир, подвижники спорта — физический. 60-е годы сделали попытку совместить их.

Спортивные кумиры ближе и понятнее других — политиков, писателей, ученых. Чемпионы делают то же, что от природы умеет каждый, просто лучше» (Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Ардис, 1988).

Анатолий Тарасов был одним из тех немногих подвижников, кому удалось убедительно и наглядно совместить в спорте духовный и физический ориенти-

ры. Ему удалось победно пройти, да не просто пройти, а всем своим делом утвердить три непреложные фазы развития советского спорта: военизированную, интеллектуальную, профессиональную. «Спорт превращался в важное дело не только для участника, но и для зрителя. Посещение спортивных мероприятий перешло из разряда досужего времяпрепровождения в страсть, способ существования» (*Там же*). И в этой эволюции советского спорта знаковая роль Тарасова стоит особняком и необычайно велика.

Но вернемся в 1957 год. Первое турне сборной СССР по Канаде можно назвать историческим. Не по спортивному результату, хотя суммарно он был для нас победным, — наша команда большинство матчей с любительскими клубами Канады выиграла. Намного важнее оказалось знакомство со всей хоккейной индустрией родоначальников этой игры. С той ролью, которую играл и по сей день играет хоккей в национальном сознании канадцев и во всей жизни этой страны.

Это сегодня мы знаем, что хоккей в Канаде является гигантским многоступенчатым и многогранным предприятием, своего рода бизнесом, в основе которого, в первую очередь, популярное зрелище, а вокруг — все околхоккейное гигантское хозяйство. Хоккейные стадионы с искусственным льдом, разбросанные по этой необъятной северной стране, исчислялись уже тогда, 40 лет назад, сотнями. Это были почти исключительно крытые катки, многие с вместительными трибунами. Безотказно работала околхоккейная индустрия, постоянно производящая несметное число лучших в мире хоккейных клюшек

(очень доходное звено деревообрабатывающей промышленности Канады). Этот продукт высшего в мире качества в значительном объеме шел на экспорт. Производство хоккейной амуниции — защитные доспехи хоккеистов и коньки — было важной частью кожевенной (очень мощной в Канаде, благодаря гигантскому скотоводству) и металлургической промышленности страны.

Оснащение хоккейных стадионов требовало производства лучших и мощнейших в мире холодильных установок и совершенных систем кондиционирования огромных объемов воздуха, безупречных осветительных систем «холодного» света, широкообъемного акустического оборудования.

Вдобавок к этому, проведение любого хоккейного матча сопровождается постоянным и внушительным снабжением многотысячной аудитории продукцией пищевой промышленности. Только поставки пива на игры команд КАХА (Канадской любительской хоккейной ассоциации), НХЛ и ее фарм-клубов составляли до 20% годового объема производства славной пивоваренной промышленности Канады. Такие пивные гиганты, как Labbat, Laurentide и Molson, обязаны своим процветанием и коммерческим успехом во всей Северной Америке и за ее пределами только хоккею.

Наконец, все (как транснациональные, так и региональные) радио- и телевизионные компании американского континента уделяют значительную часть своего эфирного времени трансляциям хоккейных соревнований любого масштаба. А полиграфические издательства США и Канады завалены несметными заказами на цветные изображения хоккейных идолов

и литературу по хоккейной истории и статистике. Все, далеко не полностью перечисленные, составляющие хоккейного промышленного механизма Канады, который продолжает сегодня неуклонно развиваться, создают огромное число рабочих мест, обеспечивая во многом занятость и трудоустройство неспособного населения страны Кленового Листа. В те далекие годы понять многоукладность хоккейной индустрии Канады смогли только единицы из посетивших ее впервые советских людей.

Таким предстал хоккей изумленному взору наших спортивных колумбов, открывших для себя канадскую хоккейную Америку. Многообразие впечатлений было необычайно пестрым, вплоть до того, что Тарасов решил целиком скопировать для армейской команды клубную форму очаровавшего его легендарного «Монреаль Канадиенс». В этом море пробудившихся эмоций очень важно было, сохраняя здравый рассудок, суметь отделить зерна от плевел. Определить, что из достоинств канадцев взять на вооружение нашему самобытному хоккею. Одновременно требовалось творчески проанализировать недостатки канадского хоккея, противопоставив им свои несомненные достоинства.

Среди множества разнообразных документов история хранит хотя и беглое, но очень интересное упоминание о первом визите сборной СССР в Канаду в 1957 году. По своей лаконичности и насыщенности содержанием оно не имеет себе равных. Коротко остановлюсь на нем.

В 1972 году в Канаде (как, впрочем, и в СССР) с нетерпением ожидалась беспрецедентная серия мат-

чей сборной Советского Союза со сборной Канады, впервые в истории составленной из игроков НХЛ. Западная пресса пестрела множеством материалов о хоккее, издавались специальные сборники и буклеты, брошюры и открытки. Одна из таких открыток случайно попала мне на глаза, спустя много-много лет, в 1999 году. Как она выглядит с обеих сторон, можно увидеть на иллюстративной вкладке.

На фотографии запечатлен эпизод уже упомянутого ранее матча ЛТЦ — сборная Москвы 1948 года. На переднем плане — выполняющий стремительный вираж на льду молодой Анатолий Тарасов. Открытка озаглавлена одним словом «Патриарх». Читатели сами могут оценить выразительность этого снимка. Но самое главное смысловое содержание и предназначение этой открытки раскрывалось на ее оборотной стороне. Там, рядом с фотографией, изображающей Тарасова и В.Третьяка, приведена цитата из интервью 39-летнего тренера после окончания исторического турне в январе 1958 года.

«Я мечтал увидеть профессиональных игроков. Вы приходили на мои тренировки, а я посетил ваши, но между этими визитами была огромная разница. Вы наблюдали за нами минут пять и, посмеиваясь над мной и игроками, ушли. Я просидел всю вашу тренировку от начала до конца как замороженный. Никогда я так много и так быстро не записывал. И меня порадовало, что вы смеялись над нами. Вы либо слишком самонадеянны и беззаботны, либо вы просто не поняли, в какой хоккей мы играли и будем играть».

Уже тогда, в далеком январе 1958 года, когда советский хоккей еще «ходил в детских штанишках» — всего-то 10 лет отроду — А.В.Тарасов открыто постулировал свои взгляды на строительство этой игры. В цитате содержится противопоставление подходов к пониманию движущих сил и механизмов развития мирового хоккея, кардинально различных для Канады и СССР. Здесь главенствующая роль тренировочного процесса провозглашена Тарасовым убежденно и бесспорно. С этим непоколебимым убеждением Анатолий Тарасов работал и побеждал в мировом хоккее все последующие 15 лет.

Такова краткая история становления отечественного хоккея, представленная, главным образом, в проекции на мировой хоккей.

Вместе с тем, на нашей внутренней хоккейной «кухне» происходили довольно бурные процессы. В конце 50 — начале 60-х годов на страницах спортивной печати в публикациях о хоккее сверкали молнии и гремели раскаты грома. И здесь основным громовержцем был вездесущий Тарасов. Он в очных и заочных спорах с реальными и воображаемыми оппонентами провозглашал здравницу атакующему хоккею и предавал анафеме хоккей оборонительный. Состоя членом редколлегии всесоюзного журнала «Спортивные игры», Анатолий Владимирович любил два — три раза в году разразиться на его страницах обзорной, аналитической или полемической статьей о состоянии и развитии советского хоккея. А в 1963 году вышла книга А.Тарасова «Тактика хоккея», в которой излагались основы тактики этой игры. Труд этот стал поистине каноническим. За

прошедшие с тех пор 36 лет никто (в мире!) не отважился дополнить или даже повторить изложенное Тарасовым. Даже сам автор вяло и в целом негативно откликнулся в начале 90-х годов на мои настойчивые рекомендации переиздать расширенный и дополненный вариант «Тактики хоккея».

Чего добивался своими многочисленными публикациями и выступлениями Тарасов? На первый взгляд казалось, что его целью было повсеместное распространение своего понимания хоккея на весь тренерский корпус команд СССР. Однако, как утверждал сам Тарасов, не должно и не может быть двух одинаковых команд, потому что не бывает двух одинаковых тренеров. И чем разнообразнее игровой стиль разных клубов, тем богаче должен быть национальный хоккей, тем плодотворнее внутренняя почва для его роста и развития.

Теоретические споры с оппонентами находили яркое практическое воплощение в матчах ЦСКА с клубами, которые исповедовали иной, внешне более рациональный хоккей. Примером такого длительного теоретического и практического противостояния в чемпионате СССР было соперничество ЦСКА с воскресенским «Химиком». Мудрый тренер воскресенцев Николай Семенович Эпштейн был удивительно терпеливым педагогом, изощренным тактиком, отстаивающим рациональный оборонительный хоккей. Фактически тактика Эпштейна была предтечей того стиля хоккея, который намного позже начали практиковать и совершенствовать в борьбе с советской сборной все зарубежные команды. Выжидательная игра «от обороны», затрудня-

ющая порыв и размах атакующих действий соперника, давала возможность длительно и надежно оборонять свои ворота. Вязкость такой эшелонированной обороны постоянно вынуждала атакующего противника все глубже (в пространстве и во времени) увязать в трясине оборонительных построений соперника и собственных тщетных попыток поразить его ворота. За спиной атакующей команды открывалось широкое и свободное пространство для внезапного контрвыпада. В монотонно повторяющихся действиях атакующих игроков рано или поздно возникали неизбежные ошибки с потерями шайбы. Тут-то и возникал звездный миг обороняющейся команды, которая, устремившись малыми силами в контратаку, получала завидный шанс поразить плохо защищенные ворота соперника. Такая терпеливо-выжидательная тактика игры «Химика» «от обороны» приносила ему немало заслуженных побед. А для ЦСКА такой хоккей был почти убийственным. Армейцы побеждали воскресенцев реже, чем другие команды класса «А». Результативность хоккеистов ЦСКА в этих играх была непривычно низкой. Избавляться от «воскресенского синдрома» Тарасову доводилось нечасто. Лишь к концу своей карьеры ему удалось придумать действенное противоядие для хоккея выжидания и уловок. Хоккей «от обороны» Тарасов называл разрушительным, незрелищным и тупиковым, именно так оценивая его роль на путях хоккейной эволюции. Больше всего армейского тренера тяготило в такой трактовке хоккея то, что его задачи не требовали разностороннего роста индивидуального мастерства игроков. Вернее ска-

зать, ограничивали этот рост, сводя его к решению хоккеистами сугубо прагматических и невысоких задач. Такой хоккей не требовал самобытной обводки, поиска новых технических приемов, разнообразия и изобретательности коллективного взаимодействия партнеров. Он был почти лишен необходимости рискованных действий игроков. И, наконец, относительно пассивное ожидание ошибки соперника или удобного момента для контратаки его ворот крайне редко завершается возникновением реальной возможности успеха. Считанное число таких возможностей за 60-минутный отрезок матча дает минимальные шансы для достижения победы. Ведь число полноценных контратак обороняющейся команды за всю игру в несколько раз меньше, чем число пусть затрудненных попыток атакующих взять ворота соперника при длительной его осаде.

И все же, оценивая с позиций истории отечественного хоккея вклад Н.С.Эпштейна, его команды, и особенно хоккейной школы, следует признать, что он оказался исключительно полезным, если иметь в виду многогранность этой игры.

Наш хоккей в процессе роста и всестороннего развития обрел естественное многообразие и полиморфный облик. Как показала история, воскресенская школа хоккея не превратилась в кузницу середняков-универсалов. Напротив, она дала нашему хоккею выдающихся самобытных хоккеистов. А.Рагулин, Никитин, Ларионов, Каменский, Зелепукин, Черных, Червяков, Титов, Ломакин, братья Квартальновы, В.Козлов и многие другие с блеском выступали за сборную СССР и за клубы НХЛ. Сам Тарасов

позднее признавал, что его хоккейный антипод (в лице Эпштейна), отстаивая и претворяя в жизнь свое видение хоккея, во многом способствовал ускорению внутреннего развития этой игры в нашей стране.

Во многом сходную трактовку тактики хоккея (игра от обороны) исповедовал верный соратник Тарасова по сборной СССР, выдающийся динамовский тренер Аркадий Иванович Чернышев. Но его игровой прагматизм не отличался крайностью эпштейновского разрушительного хоккея, а содержал в значительной пропорции и тарасовские созидательные идеи.

Снова возвращаясь к турне 1957 — 1958 года по Канаде, следует напомнить, что Анатолий Тарасов сформировал откровенно экспериментальную команду. В нее были включены как молодые, так и опытные игроки. Сильная и выносливая молодежь во взаимодействии с умудренными и терпеливыми ветеранами должна была, по замыслу тренера, воплотить в игре высокое коллективное начало. Тарасов считал, что командные действия обязательно должны выражаться в максимальной и непрерывной занятости всех полевых игроков. В обеих основных фазах игры — атаке и обороне — должны активно участвовать все пять игроков, независимо от их игрового амплуа. «Пять в атаке, пять в обороне» — таким был главный девиз Тарасова. Особенно важно, он считал, проверить его на практике во встречах с клубами Канады. Тогда в канадском любительском (да и профессиональном) хоккее игровые амплуа спортсменов были строго разделены. Нападающие активно действовали в чужой зоне, атакуя во-

рота соперника страстно и порой безоглядно, зная, что в своем тылу оборонительную работу уверенно и решительно будут выполнять мощные защитники. Участие защитников в организации и, тем более, в развитии атаки у канадцев было эпизодическим и кратковременным. Начало атаки из своей зоны выполнял, как правило, центральный нападающий, получив шайбу от своего защитника и самостоятельно выводя ее в зону противника. Напротив, когда команда оборонялась, основные действия по отбору шайбы у атакующих возлагались на защитников. Форварды в обороне лишь пассивно сопровождали своего борющегося защитника для овладения отобранной шайбой. Этот технико-тактический прием канадцев Тарасов характеризовал как «спаренный-сдвоенный отбор» шайбы. Было видно, что игроки разного амплуа выполняют в игре преимущественно свои функции, а сопряженные функции партнеров принимают на себя очень редко, неохотно, неумело и достаточно формально. Такую строгую специфичность основных полевых амплуа (защитников и нападающих) канадский хоккей мог себе позволить благодаря высокому индивидуальному мастерству игроков. По технико-тактической оснащенности, по игровым, большинству двигательным и особенно силовым навыкам, канадцы были на голову выше всего остального хоккейного мира. Соперничать с ними в индивидуальном мастерстве было бесполезно. А вот противостоять их индивидуальному превосходству более активными и организованными коллективными действиями у нас были все основания и возможности. Отточенному индивиду-

лизму канадцев наша команда готова была противопоставить активность коллективных усилий полевых игроков, склонных к полной занятости как в оборонительной, так и в наступательной фазах игры.

В таком хоккее арсенал технико-тактических возможностей всех полевых игроков, независимо от их функциональной принадлежности, должен быть максимально обширным, включая основные элементы как оборонительных, так и наступательных действий. Поэтому упомянутый девиз конца 50-х годов — «пять в атаке, пять в обороне» — подразумевал способность всех полевых игроков сообща решать наступательные и оборонительные задачи игры. При этом удельный вес атаки должен всемерно повышаться за счет уменьшения доли оборонительных игровых действий.

Так в начале 60-х годов А. В. Тарасовым была окончательно сформулирована стратегическая концепция отечественного хоккея — всецело атакующего. Для жизненного воплощения этой стратегии требовалось не только ее провозглашение и всеобщее признание нашим тренерским хоккейным корпусом. Необходимо было прививать исполнителям этой концепции уникальные игровые качества — быстроту и рациональность катания, умение выполнять сложнейшие технические приемы, в том числе силовые, скоростную и физическую выносливость, стойкость и живучесть в единоборствах, постоянную нацеленность на результат и победу. Важно было не только нивелировать индивидуальное техническое превосходство канадцев, но и превзойти их в этом компоненте игры в кратчайшие сроки.

Весь комплекс задач — от концептуально-стратегических до технико-тактических — сводился, в конечном счете, к созданию методики воспитания и формирования хоккеистов нового типа: убежденных единомышленников тренера и выразителей общего понимания современного хоккея, трудолюбивых, волевых и выносливых профессионалов своего дела, творческих исполнителей своих амплуа, воспитанных в духе коллективизма и взаимовыручки равноправных членов команды.

Долгие годы Тарасов совершенствовал свой учебно-тренировочный процесс, непрерывно приспосабливая его к решению различных этапных задач. От создания атлетического фундамента и большого запаса физической выносливости игроков, повышения технической оснащенности хоккеистов в условиях предельно скоростного маневра, до командных действий, формирующих у спортсменов навыки реализации различных тактических задач. В итоге к середине 60-х годов он трансформировался в законченный комплекс тренировочных ледовых упражнений и занятий, получивший общее название «поточный метод тренировки». Тренировочный процесс как основа строительства хоккейного мастерства и даже как фундамент спортивного мировоззрения был возведен Тарасовым в абсолют. Такое расхожее обывательское понятие, как «отсутствие у команды игровой практики», Тарасов беспощадно высмеивал, а его толкователей уважением не жаловал. Потому что, по его убеждению, никакая самая богатая игровая практика не может сравниться с тренировочным заданием и наработками. Достаточно было оценить соотношение

времени, отводимого в течение сезона тренировкам всех типов, и времени, которое занимали все игры сезона. Получалась отношение от 1 : 6 до 1 : 10, из чего хорошо видно, где и как формируется игровой навык хоккеиста. Но изюминка в тренировочной концепции Тарасова заключается даже не в заведомом количественном перевесе тренировки над игрой. Простого временного превосходства ему было мало, это было бы слишком просто. Содержание и насыщенность тренировок, их качественное наполнение также должны, по мнению тренера, быть выше, чем самый яркий хоккейный матч. Посетив за 10 лет не одну сотню различных тарасовских тренировок, смею утверждать, что в хоккейной команде ЦСКА и в сборной СССР никогда не было двух одинаковых учебных занятий. Характер, ритм следования, соотношение индивидуальных и коллективных заданий и упражнений непрерывно менялись — от невероятно форсированных и темповых, до тягучих и расслабляющих. Как чисто внешнему, так и содержательному разнообразию тренировочных действий, придавалось особое значение. Монотонность столь изнурительных многократных занятий была, по убеждению Тарасова, недопустима. Поэтому большой удельный вес в таких тренировках занимали другие игровые виды спорта — футбол и баскетбол, водное поло и теннис, волейбол. Правда, чаще всего это были «хоккейный» футбол и баскетбол — с клюшками в руках, нередко в хоккейных доспехах, а зачастую и со специальными отягощениями (в том числе и одушевленными). Ими могли быть утяжеляющие пояса (до 10 — 15 кг дополнительного веса),

специальные (даже иногда чугунные) клюшки, катание металлической «шайбы» в виде тяжелоатлетического «блина», резистентный трос или «заплечный прицеп» и, наконец, просто выполнение упражнений с одновременным катанием на собственных плечах товарища по команде.

Тарасов выдумывал все эти усложняющие упражнения и составлял отягощенные тренировочные занятия с некоторой долей демонстративного садизма. Казалось, он предвкушал наслаждение от созерцания изнурительного труда своих учеников. На самом деле этот «сализм» был адресован будущим соперникам, которых Тарасов представлял себе тщетно сопротивляющимися неудержимой силе и ловкости своих учеников, с завидной внешней легкостью выполняющих любые сложные игровые действия даже в условиях постоянного сопротивления. Такой образ поверженного и беспомощного противника будоражил фантазию и изобретательность тренера, помогая выдумывать новые полезные упражнения и «сочинять» невероятные по насыщенности и богатству «тексты» учебных занятий.

Первые качественно новые победы 1963 и 1964 годов с мастерами молодого поколения подтверждали правильность избранного пути. Особое значение имела победа 1964 года на Зимних Олимпийских играх в Иннсбруке. Там Канада впервые была представлена сборной национальной командой. Поражения последних лет (1960, 1962 и 1963 гг.) положили конец практике выдвижения клубных команд для участия в чемпионатах мира. В конце 1963 года впервые была создана боеспособная и перспективная

сборная страны из лучших любительских игроков. Руководил ею самобытный тренер, священнослужитель Бауэр — прогрессивный и ищущий специалист. В активе этой команды перед Олимпиадой была даже победа над членом Большой шестерки НХЛ клубом «Нью-Йорк Рейнджерс» со счетом 2 : 1, что было по тем временам сенсацией. Весь канадский хоккей был уверен, что вернет себе олимпийское золото, которым он владел последний раз в далеком уже 1952 году. Для нашей команды турнир в Иннсбруке венчал 10-летнее участие сборной СССР в чемпионатах мира. Атмосфера подготовительного периода в нашей команде также была накалена до предела. Тарасов, руководя сборной вместе со своим титулованным коллегой А.И. Чернышевым, стремился обрести свое первое олимпийское золото и взять реванш за поражение на Олимпиаде в Скво-Вэлли, где, возглавляя сборную, он смог занять лишь третье место.

Ставка была очень высока, да и звание чемпионов мира 1963 года обязывало побеждать. Комплектование команды было нелегким и даже спорным. Тренеры-соратники никак не могли достичь единодушия в вопросе формирования троек нападающих. Как это часто бывает, снять противоречия неожиданно помог случай.

Команда комплектовалась, как было принято уже много лет, по клубному звеньевому принципу — армейское звено (Альметова), спартаковское (Старшинова) и динамовское (Петухов — Юрзинов — Ю.Волков). Последнее, динамовское, трио было весьма добротным и стабильным, но наименее ярким. В нем незаурядностью заметно выделялся и превос-

ходил партнеров лишь Владимир Юрзинов. Но среди кандидатов в сборную тогда были очень сильные армейцы Фирсов, Л.Волков и чемпион мира В.Якушев из «Локомотива». Тарасов считал, что динамовское звено нуждается в усилении. Чернышев отстаивал необходимость сохранения целостности этой тройки нападающих*. Тогда Тарасов предложил интересный и обоснованный компромисс — создать тройку из самых сильных — Якушев — Юрзинов — Фирсов. Все трое были в прекрасной спортивной форме. Первая же проба показала обоснованность тарасовского решения. В Москве в товарищеском матче со сборной Канады, который состоялся за две недели до Олимпиады, это звено нападающих было неудержимо и забило гостям четыре шайбы из восьми. Партнеры хорошо чувствовали друг друга, у них все ладилось в игре, а взаимодействовали они лихо, с явным общим удовольствием. Три шайбы были на счету Юрзинова. Он был сильнейшим не только в тот вечер, он вообще заметно выделялся наступательной мощью среди всех наших игроков.

Но вскоре, к всеобщему огорчению, фортуна жестоко обошлась с лидером нашей команды. Через несколько дней после памятного матча В.Юрзинов был внезапно госпитализирован и экстренно проопериро-

* Уже позднее Тарасов нашел объективный способ выявлять более сильное звено и доказывать его право быть включенным в сборную команду. В играх чемпионата СССР он умышленно выставлял в игровых сменах своих кандидатов против их конкурентов из других клубов. Добиваясь победы в микроматчах, те или иные претенденты доказывали свое превосходство и становились «сборниками». Так, в сезоне 1965 — 1966 годов армейское звено Викулов — Полупанов — Фирсов всегда во всех встречах с динамовцами Москвы противодействовало тройке Стриганов — Юрзинов — Самочернов и выиграло большинство микроматчей, по праву заняв место в сборной СССР.

ван по поводу острого аппендицита. Тарасов негодовал, он был разъярен и не хотел мириться с вероломной фортуной. Наивно и тщетно искал он у медиков надежду на скорейшее возвращение Юрзинова в строй — об активных физических нагрузках спортсмена не могло быть и речи до конца сезона. Так 23-летний форвард сборной не поехал на свою первую Олимпиаду, где стал бы и чемпионом, и, наверняка, лучшим нападающим. А в итоге он выпал из обоймы сборной на целых пять лет. К чести спортсмена надо отметить, что в 1969 году он в составе сборной все-таки завоевал свое второе золото чемпиона мира по хоккею. Однако вскоре после этого перешел на тренерскую работу. Весь последующий спортивный и человеческий путь В.В.Юрзинова, его блестящие профессиональные достижения свидетельствуют о том, что он сполна унаследовал от великих предшественников и учителей, Тарасова и Чернышева, все лучшее, чем обогатила мировой хоккей отечественная тренерская школа. Недаром в последние годы жизни А.В.Тарасов, что было всегда ему очень несвойственно, публично благодарил Юрзинова за «огонь в глазах», преданность тренерской профессии и даже извинялся за свою «несправедливость» и категоричность к нему в прошлом. Тарасов понимал, что, как и он в свое время, Юрзинов неизлечимо заражен тем же вирусом жажды победы над канадцами как родоначальниками хоккея. Победы в каждом отдельном матче, в каждом периоде, в каждом игровом отрезке или эпизоде, в каждом индивидуальном единоборстве хоккеистов. Просто в силу личностных особенностей, а также изменившихся условий

спортивной жизни, он эту одержимость не выставляет напоказ. В.В.Юрзинов — безусловный и достойнейший продолжатель великого тренерского наследия, оставленного мировому хоккею Тарасовым и Чернышевым, сумевший поднять планку тренерского искусства на новую высоту.

Итак, в год совершеннолетия отечественного хоккея сборной командой СССР была достигнута редкая по убедительности победа на Олимпийских играх в Иннсбруке. Во многом благодаря этому в нашей внутренней хоккейной среде воцарилась здоровая атмосфера победного подъема и даже ажиотажа. Каждый новый тур первенства страны, каждый международный матч, особенно на уровне сборной, воспринимался как праздник, как уверенный шаг вперед. Безотказно заработала во всех клубах машина тренировочного процесса — эта кузница молодых и перспективных кадров. Начиная с 1966 — 1967 годов в сборную стали вливаться совсем юные, но необычайно талантливые хоккеисты — Викулов, Полупанов, А.Якушев. В ЦСКА уже «забрехали» Гусев, Харламов, Лутченко, Анисин, Лебедев, в «Спартак» Шадрин. В «Локомотиве» обозначились Зимин и Михайлов и немедленно были завербованы в «Спартак» и ЦСКА. Тем же путем пошли игроки «Крыльев Советов» Мартынюк и Петров, в «Динамо» появились самородки из провинции Васильев и Мальцев. На подходе был еще один армеец — Третьяк.

Победа в Иннсбруке окончательно подтвердила правильность избранного пути развития советского хоккея. Но, как показало время, тот сезон в истории отечественного хоккея был знаменателен не только

победой национальной команды на Зимней Олимпиаде, а и двумя иными историческими вехами. На волне вполне справедливого победного воодушевления по предложению Тарасова и при поддержке ЦК ВЛКСМ в стране создается всесоюзный клуб «Золотая шайба» — массовое движение, объединяющее детский дворовый хоккей по всей стране. Президентом этого клуба становится сам Тарасов.

Другое событие имело более завуалированный характер и о нем стало известно лишь спустя несколько лет. На правительственном приеме в Кремле в честь победы советских спортсменов на Зимних Олимпийских играх в Иннсбруке А.Тарасов и А.Чернышев получили устное согласие и одобрение премьер-министра Н.С.Хрущева на проведение встреч сборной СССР с профессионалами Национальной Хоккейной Лиги. После такой индальгенции, начиная с декабря 1964 года, в каждом канадском турне Тарасов бросал публичный вызов руководству НХЛ и общественности Канады. Он утверждал и не просто голословно (наша команда выигрывала почти все матчи в ходе ежегодных североамериканских турне), что у сборной СССР есть все основания для такого поединка. И действительно, этап постижения любительского хоккея Канады к 1965 году для нас был завершен. Наши хоккеисты побеждали любителей Канады постоянно, будь то клубные или сборные команды. «Этих уже 10 лет обыгрываем, — заявлял Тарасов. — Нам теперь профессионалов подавай!»

В этом внешне дерзком и кажущемся сумасбродным вызове не было ничего от бравады, недооценки противника или переоценки собственных возможно-

стей. Тарасов, как никто другой, ощущал приток в хоккей новых могучих сил. Он предвидел появление спортсменов небывалой формации, способных решать новые задачи и сокрушать даже лучших представителей профессионального хоккея. Как мы уже упоминали, сборная, начиная с 1966 года, пополнилась рядом молодых талантливых игроков, принесших в последующем заслуженную мировую славу отечественному хоккею.

В конце 1964 года НХЛ насчитывала всего шесть знаменитых команд — «Монреаль Канадиенс», «Торонто Мэйпл Лифс», «Чикаго Блэк Хоукс», «Детройт Ред Уингс», «Бостон Брюинз» и «Нью-Йорк Рейнджерс». В них были сосредоточены лучшие хоккеисты Канады, все «сливки общества». Клубы лиги варились в собственном соку — команды за сезон проводили до 6 — 12 игр друг с другом, набирая к серии плей-офф 70 календарных матчей. Приток так называемой «свежей молодой крови» был весьма ограниченным. Премьерами в лиге становились не ранее 25 — 26 лет, а спортивный век лидеров тянулся до середины — конца четвертого десятка лет. Такие старожилы-лидеры были искусными мастерами, но в большинстве практиковали средне-темповой хоккей, в котором сполна можно было проявить весь блеск технического искусства. Тарасов понимал, что этим корифеям, умудренным опытом и гордым своим величием, будет очень не по нраву ураганный советский хоккей с бесчисленными коллективными ухищрениями. Его настойчивость в призывах сразиться с НХЛ становилась пугающей. Очевидно, понимали это и хозяева Национальной хоккейной лиги,

ощущавшие необходимость притока свежих сил, а с ними идей и новаций, способных повысить зрелищность соревнований. Так, в силу ряда объективных и субъективных причин, Национальная хоккейная лига в 1967 году подверглась заметному расширению. Число играющих в ней команд удвоилось.

Тот же 1967 год примечателен еще одним любопытным эпизодом советско-канадского хоккейного противостояния. На чемпионат мира в Вену канадцы привезли сильную, монолитную сборную. Она была укреплена двумя профессиональными защитниками К.Брюером (неправильно Бревер, как это всегда фигурировало в нашей прессе) и Д.Боунсом. Оба формально и временно, всего на несколько месяцев, расстались с НХЛ для участия в чемпионате мира. Карл Брюер (*brewer* в переводе с английского означает «пивовар») по праву, начиная с 1963 года, входил в созвездие игроков НХЛ. В 1966 году этот 27-летний спортсмен был включен в первый состав «All Stars»^{*} лиги. Это был жесткий, полный сил, беспощадный защитник-разрушитель из сильнейшего клуба «Торонто Мэйпл Лифс».

Матч нашей сборной с командой Канады был, пожалуй, самым принципиальным и получился, в силу календаря игр, решающим. У нас по ходу турнира лучше всех проявляло себя звено Викулов — Полупанов — Фирсов, хотя в сочетании с Ивановым и Рагулиным они фактически представляли пятерку нового типа — со стоппером, двумя хавбеками и двумя форвардами. Брюер с первых же минут начал

^{*} «Все звезды — сборная команда лучших игроков лиги.

по-ястребиному атаковать наших фланговых нападающих, загоняя их к бортам в углы площадки и безжалостно расправляясь с ними. В первую очередь он жестоко обрушился на Фирсова, которому принадлежала ключевая роль в нашем сильнейшем звене. Возникла опасность получения травмы нашим лучшим нападающим. Ведь в пылу борьбы форвард, особенно такой страстный и изобретательный как Фирсов, всегда более уязвим. Мгновенно оценив опасность, Тарасов переставил Фирсова на место хавбека, отдалив его от Брюера. А вперед выдвинул мощного, налитого мышцами и совершенно бесстрашного Полупанова. При этом тренер попросил нашего спортсмена не церемониться с профессионалом и даже активно искать с ним жесткого силового контакта. Мол, посмотрим, кто живучее, матерый профессионал или 21-летний форвард сборной СССР. Довольно скоро, через 3 — 4 смены, в одном из столкновений с Виктором канадский защитник получил сильный ушиб в области левой глазной орбиты, осложненный массивным кровоподтеком и отеком глазницы. Как выражаются в таких случаях, «глаз целиком заплыл». Брюер, получая медицинскую помощь, пропустил 4 — 5 смен, пока местный холод и пластырь помогли приоткрыть глаз и продолжить игру. «Сперва распластан, а после — пластырь», как красноречиво и метко описал в своей песне этот эпизод Владимир Высоцкий. Весь третий период Брюер отважно сражался с нашими форвардами, был бесспорным вожаком команды. Но этот корифей профессионального спорта, приехавший давать урок европейским любителям, в таком невзрачном виде

просто не мог восприниматься как лидер ни игроками, ни даже зрителями. Наша команда победила 2 : 1 в очень трудной борьбе и этой победой досрочно обеспечила себе очередной чемпионский титул. Однако гораздо важнее, как показало время, была та маленькая победа местного значения, имевшая далекие психологические последствия. Победа молодого представителя хоккея нового типа над образцовым представителем сильнейшего в мире профессионального хоккея.

Сезон 1967 года, вдобавок ко всему, был знаменателен еще и потрясением общественной ментальности, столь редко возникавшим в советской спортивной этике. На мой взгляд, этот исторически важный эпизод остался незамеченным и по достоинству не оцененным спортивной общественностью. Поэтому позволю себе вкратце напомнить о нем.

В чемпионате СССР 1966 — 1967 годов особенно обострилась борьба между чемпионом ЦСКА и стремительно прогрессирующим и показывающим яркий хоккей «Спартак», руководимым В.Бобровым. Питомцы Боброва выглядели свежее; зрелищно и увлеченно играло звено Старшинова, который проводил свой лучший за карьеру сезон. Лидеров дерзко и отважно поддерживали совсем молодые А.Якушев, Е.Зимин, Вик.Ярославцев, А.Мартынюк. Солидно выглядели опытные защитники Макаров, Кузьмин и молодой Блинов. В хоккейных кругах и спортивной прессе упорно зазвучали мотивы радикального обновления состава сборной за счет привлечения в нее упомянутых спартаковцев. Именно так и только так многим представлялась возможность

сохранения сборной СССР титула чемпиона мира. Тарасов хранил спокойствие. В одном из телевизионных интервью за 1,5 месяца до чемпионата в Вене он убежденно констатировал, что наша национальная хоккейная команда нацелена на установление послевоенного рекорда побед в чемпионатах мира. Ведь ни одной сборной не удавалось, начиная с 1946 года, выиграть пять чемпионатов мира кряду. Вместе с тем, было специально подчеркнуто, что состав команды никто кардинально менять не собирается. Наконец, во время традиционного визита в редакцию «Комсомольской правды», за день до отъезда в Вену, А.В.Тарасов сделал сенсационное заявление, произнеся рискованную, по мнению многих, фразу: «Только без паники! Мы и на этот раз станем чемпионами мира!» Такого заявления ни один тренер сборной СССР в каком-либо виде спорта никогда перед чемпионатом мира делать не осмеливался.

Описанные эпизоды и события недвусмысленно говорят о том, насколько велик был запас уверенности тренера в своих возможностях и способностях его игроков, насколько управляемым был огромный потенциал его хоккейной машины. К тому моменту, после пяти подряд побед в чемпионатах мира, ни у кого, в том числе у зарубежных коллег, не оставалось сомнений в абсолютной правильности избранного советским хоккеем пути собственного развития.

Современные средства массовой информации и глобальная паутина телекоммуникаций открыли перед нами все таинства профессионального спорта Запада. Сегодня мы знаем все о лучших и богатейших спортсменах мира (что далеко не всегда одно и

то же), крупнейших профессиональных лигах, ассоциациях, федерациях — национальных и международных. Мы имеем возможность регулярно наблюдать из-за океана соревнования по тем видам спорта, в которых наша страна добилась заметных достижений. Мы смотрим футбол из Италии, Англии, Испании, даже Бразилии. Мы наблюдаем матчи НХЛ и НБА, проходящие на американском континенте.

Может ли кто-нибудь из любителей спорта сегодня представить себе национальный баскетбол какой-либо страны, способный хотя бы мало-мальски приблизиться к уровню НБА. Не говоря уже о том, чтобы бросить НБА публичный вызов. Такая иллюзия может вызвать только уничижительный смех. Америка — родина баскетбола и, сделав его профессией людей и превратив в небывалую по красоте зрелищную индустрию, она стала недостижимой в этом виде спорта. Давно известно, что НБА и НХЛ — близнецы-сестры. То же самое, что было сказано об Америке и НБА, можно было с уверенностью говорить о Канаде и НХЛ в 50 — 60-х годах, так как хоккейная лига ничем не уступала баскетбольной ассоциации. Она была такой же преуспевающей и привлекательной зрелищно-спортивной индустрией. И ничто не вызывало сомнений в возможности ее процветания. Ничто не предвещало каких-либо посягательств на ее исключительность и безупречность. До тех пор, пока 22 декабря 1946 года не состоялся матч, открывший первый чемпионат по этому виду спорта в СССР, где некий Анатолий Тарасов замахнулся на право создать нечто лучшее, чем славный 75-летний канадский хоккей.

ВЫБОР ПУТИ

Наблюдая за играми канадских клубов; особенно элитной шестерки НХЛ, анализируя увиденное, Тарасов терпеливо и методично раскладывал на чаши весов все плюсы и минусы хоккея Канады (помните цитату из канадского буклета?). Проецируя этот баланс достоинств и недостатков канадцев на аналогичное соотношение в нашем хоккее, тренер сборной СССР сумел установить качественный, почти математически выраженный характер неравенства сил. Естественно, что тогда соотношение сил складывалось в пользу североамериканцев. Обнаружились аспекты как нашего явного отставания, так и категории реального и потенциального превосходства. Следовательно, можно было наметить пути дальнейшей конструктивной работы во всех необходимых направлениях.

После увиденного Тарасов понимал, что, несмотря на яркие и заслуженные победы в двух чемпионатах мира, сборная СССР, как и весь наш хоккей, была юным учеником в сравнении с маститым канадским мэтром. Как в короткие сроки достичь настоящей зрелости и встать вровень с могучим соперником? Где источник будущих столь желанных и обязательных побед над канадцами? Эти вопросы не давали покоя неудержимому Тарасову. Увиденное в Канаде перевернуло его жизнь, наполнив ее новым смыслом и содержанием.

Изучая работу клубов НХЛ, Анатолий Владимирович к своему удивлению обнаружил, что тренировки в них проводятся не часто (ибо сезон насыщен множеством матчей и переездов), носят формальный характер, мало интенсивны и непродолжительны. Единодушным было мнение канадских специалистов о том, что постоянные и, особенно, насыщенные тренировки могут принести вред игрокам НХЛ. Ведь 70 календарных матчей в сезоне (три в неделю), нередко с овертаймами до гола, отнимали у игроков массу сил. Им едва хватало времени на восстановление для новых игр. Наш сезон в ту пору состоял из 36 календарных матчей. Игровая нагрузка, казалось, была в два раза ниже, и оставалось достаточно времени для тренировок. Поэтому в ЦСКА и, естественно, в сборной страны они были ежедневным и обязательным (даже в дни календарных игр) элементом трудового процесса всей команды. Может сложиться впечатление, что у нас тренировками как бы заполняли пустоты неигровых дней в ходе сезона. И это будет самый неверный и ошибочный вывод. Тренировки для Тарасова имели совершенно иной смысл. Их предназначение всецело определялось зачаточным состоянием нашего хоккея.

Чтобы понять отношение Тарасова к тренировкам своих спортсменов и к тренировочному процессу вообще, надо снова вспомнить, в каких условиях и атмосфере зарождался советский хоккей с шайбой. Это был бурный период послевоенного подъема нации, когда спорту оказывалась неограниченная поддержка во имя новых, но уже мирных спортивных побед советского государства. То была золотая пора

для энтузиастов и одержимых мечтателей, каким в спорте был Анатолий Тарасов.

«Мы, армейские хоккеисты, проводили тренировки на катке парка имени Дзержинского в Москве. Этот первый каток с искусственным льдом был очень маленьким — прямоугольник размером 10х12 метров. Как говорится, не разгонишься. Нашей команде выделили время с 12 ночи до 6 утра. Тренировались маленькими группами в 3 — 4 смены. Играющий тренер не покидал льда в течение всех этих шести часов. Иногда игроки не вписывались в виражи и вылетали за низкий бортик, падая на землю с метровой высоты. Не помню, однако, ни единой жалобы. Спортсмены были удивительно жизнерадостны, тренировались весело, с аппетитом. Конечно, после занятий хотелось принять душ, отдохнуть. Но об этом мы и не мечтали. Рядом с катком стояла кадка с холодной водой — вот и весь сервис» (А.Тарасов. Родоначальники и новички. Неопубликованные материалы).

Наш герой понимал, что отставание советского хоккея от мировых стандартов весьма велико. Среди немногих наших потенциальных преимуществ были высокая скорость передвижения хоккеистов, игровая изобретательность и коллективизм. В вопросах индивидуальной игровой техники (всех без исключения ее элементов — катания, бросков, силовых единоборств) наши спортсмены уступали соперникам по всем статьям. Лишь передача шайбы в игре была у нас, пожалуй, более важным и ценным элементом. Как любил выражаться Тарасов, «культура паса» в нашем хоккее была выше. Но и здесь требо-

балась огромная работа, так как само техническое воплощение столь ценного для нас элемента было еще не на высоте.

Перед нашим хоккеем стояла предельно ясная задача. Во-первых, ликвидировать отставание от соперников в технических компонентах игры. Во-вторых, повысить свое превосходство в скоростном (именно коллективном!) катании и коллективном владении шайбой. Тарасов понимал, что сравняться с противником в технике можно, уделяя больше времени и сил работе над техническими упражнениями. Но достижение уровня соперников в этом важном компоненте хоккея не обеспечивало превосходства над ним. Оно лишь уравнивало силы и возможности. Другим источником желанного в будущем превосходства могли стать иные составляющие игры, где мы опережали соперника — скорость, игровая выносливость (как обязательное условие превосходства в скорости движения на протяжении всей встречи) и коллективное тактическое преимущество.

Такой расчет мог быть принят за основу при определении стратегии развития отечественного хоккея.

Однако достижение превосходства в части игровых слагаемых при равенстве в остальных лишь частично позволяло рассчитывать на победы в матчах с канадцами. Поэтому в идеале, по убеждению Тарасова, следовало добиваться превосходства над ними во всех главных компонентах игры.

Высокотехнические и физически сильные канадцы, рассуждал Анатолий Тарасов, действуют в игре со средней скоростью A , при которой выполнение технических приемов у них происходит наиболее есте-

ственно и качественно (безошибочно), будь то оборонительные или наступательные действия. Если соперник, к примеру сборная СССР, противодействует (обороняется, атакует) канадцам на уровне той же скорости A , то он обречен на поражение в 9 случаях из 10. Но стоит ему повысить свою скорость (всего — катания, ведения шайбы, передач, бросков по воротам, силовых приемов) до уровня $A + 1$, а еще лучше до $A + 2$ во всех фазах игры, как превосходство канадцев в технике мгновенно исчезнет. Вынужденные выполнять все игровые технические элементы в непривычно быстром темпе, в условиях постоянных помех и жесткого преследования, канадцы неизбежно начнут совершать больше ошибок, качество действий упадет, исполнительский брак резко повысится. Кроме того, суммируя во времени (на протяжении 60 минут чистого времени игры) дополнительные физические усилия на нейтрализацию скоростного превосходства соперника, канадцы будут истощать привычный (стандартный) запас сил и энергии задолго до окончания матча (возможно, к концу второго периода). Поэтому можно ожидать значительного превосходства над противником в заключительной фазе матча. Из этих удивительно верных предположений и теоретических расчетов Тарасова родился кардинально новый подход к пониманию тренировочных занятий и их построению.

Все действия игроков во время тренировки должны выполняться на предельно возможной скорости. В результате этого обязательного условия будут постепенно формироваться качественно новые навыки исполнения основных технических приемов — при-

ем и передача шайбы, бросок и щелчок по воротам, ведение шайбы как клюшкой, так и коньком, обводка, катание по льду как лицом, так и спиной вперед, столкновение с соперником, отбор шайбы клюшкой, падение под летящую шайбу и другие. Неизбежный для нас первоначальный брак в исполнении этих приемов на большой скорости постепенно и довольно быстро должен был понизиться до разумного минимума (став издержками производства).

Одновременно с этим следовало учесть, что долговременное преимущество над соперником в скорости катания (бега), выполнения технических приемов, принятия решения (мышления) невозможно без превосходства как в физической силе, так и в выносливости. При этом физическая сила должна проявлять себя и ценна лишь в динамике. Поэтому формирование стойких и выносливых двигательных навыков (бег с шайбой и без шайбы с ускорением и сменой направления и ритма, движения клюшкой при приеме, передаче шайбы и бросках, движения и силовые действия корпусом) достигалось и закреплялось путем умышленно отягчающих упражнений, имитирующих все эти элементы. Это затем гарантировало легкость и даже игровую естественность выполнения таких действий в условиях матча. А самое главное заключалось в том, что такая легкость обеспечивала надежный запас сил на использование, при необходимости, сверхусилий в критические ситуации. Так получила практическое подтверждение кардинальная концепция тренера Тарасова: любая тренировка по объему, насыщенности и разнообразию действий спортсменов должна заметно превышать

таковые в условиях самого трудного игрового поединка. Игрокам, действующим с большим запасом накопленных сил, достаточно реализовать в большинстве ответственных игр 75 — 80% своего потенциала, для достижения превосходства над соперником и победы. Если в силу каких-либо форс-мажорных обстоятельств (субъективных, объективных, роковых) для победы будут необходимы сверхусилия игроков, резерв для них всегда обеспечен. Такой запас прочности открывал в особо тяжелых играх возможность усиления активности игроков в заключительной части встречи. Это внезапное «прибавление в игре» происходило для соперника, да и для зрителей, незаметно и превращалось в полную неожиданность. Яркие как коллективные, так и индивидуальные действия особо выдающихся мастеров в последнем периоде решающей встречи, почти всегда приносили сборной СССР (или ЦСКА) победу. В качестве иллюстрации можно сослаться на Чемпионат мира-71, где в последней встрече с очень сильными тогда шведами требовалась только победа. Наша сборная перед заключительной третьей матча уступала скандинавам 2:3. В третьей двадцатиминутке ярким и сверхэнергичным действиям наших хоккеистов «Тре Крунур» не смогла ничего противопоставить — четыре безответные шайбы звена Петрова принесли нам золотые медали.

Однако, будучи мудрым педагогом и вообще пытливым мыслителем, Тарасов понимал, что постоянный труд, помимо неизбежного физического утомления, несет в себе и отрицательный эмоциональный заряд, создает неприятие самой концепции в

целом. Отдельные победы в матчах и в самых престижных турнирах, даря яркие положительные эмоции игрокам, не способны нивелировать этот органически неизбежный негативизм. Поэтому большое значение тренер придавал разнообразию сложных занятий, исключению монотонности повторений особо тяжелых элементов, бодрому настроению, игривости при выполнении даже самых сложных упражнений.

В этом, собственно, и заключалась «теория и практика большого скачка». Советский хоккей, встав на рельсы сложного учебно-тренировочного процесса, изобретенного А.В.Тарасовым, совершил небывалый исторический скачок.

На страницах этой книги не раз упоминается о том, что свою самостоятельную тренерскую деятельность Анатолий Тарасов начал в 1938 году. И на протяжении всей жизни вел и строил ее так, как будто изучил опубликованную тогда же за рубежом работу известного русского философа-эмигранта Владимира Ильина «Творчество и аскеза»:

«...Слово «аскеза». Удивительное по своей красоте и многозначительности это слово! По-гречески оно, как известно, означает «упражнение», «тренировку». Первоначальный смысл его — спортивно-технический: атлеты, выступавшие на состязаниях, после *долговременной и трудной тренировки* (выделено мною. — В.А.), связанной с воздержанием и целомудрием, назывались «а с к е т а м и». Говоря языком современности, спортсмен и есть аскет в древнегреческом смысле. И спортсмены настоящего времени, стремящиеся к рекордам, очень хорошо знают,

что на «страстях» к финишу первым не придешь. Скорее наоборот: «страсти» могут лишь гарантировать полный и позорный провал <...> В нашем падшем мире все живет борьбой: «Война отец всего», — говорит древний Гераклит. Но есть два вида борьбы: 1) внешняя, связанная с отвоеванием себе «места под солнцем» <...> 2) борьба внутренняя, борьба с самой собой, трудовой подвиг преодоления духовной и телесной инерции <...> **т р у д о в о е д о с т и ж е н и е т в о р ч е с к о й с в о б о д ы** <...> Вопреки гипотезам эволюционистов, единственно подлинный вид творческой борьбы, борьбы за совершенство — есть этот второй ее вид».

Анатолий Тарасов методами и средствами борьбы «второго вида» вел борьбу «внешнюю» за непобедимый русский хоккей.

Вновь мысленно приходится возвращаться к памяtnому визиту сборной СССР в Канаду в 1957 году, который был поворотным не только для тренера Анатолия Тарасова, но и для отечественного хоккея в целом. Поняв куда и как надо двигаться, направив все свои усилия на совершенствование учебно-тренировочной работы, Тарасов уже через пять лет (к концу 1962 года) сформировал новую плеяду хоккейных мастеров, способных одерживать победы в любых международных соревнованиях. Армейцы Рагулин, Иванов, Кузькин, Зайцев, Брежнев, Локтев, Альметов, Александров, Фирсов, Л.Волков, Ионов уже тогда создали костяк непобедимой сборной СССР, в которой также сверкали спартаковцы Б. и Е. Майоровы, В.Старшинов, динамовцы Давыдов, Юрзинов, Петухов, Ю.Волков,

железнодорожник Якушев и горьковчанин В. Коноваленко. Именно эти люди были первооткрывателями и проводниками нового и беспощадного учебно-тренировочного процесса, изменившего на долгие годы соотношение сил в мировом хоккее. Сборная СССР на мировых первенствах стала единоличным, непрекаемым лидером. Под руководством А. Чернышева и А. Тарасова она сумела одержать победы на всех официальных соревнованиях Международной лиги хоккея 10 сезонов подряд — с 1963 по 1972 год. Отрадно и другое, исключительно важное обстоятельство. Теоретический фундамент концепции Тарасова был настолько убедительным, а практические результаты, отдача, столь эффективны и незамедлительны, что этот подход, в сути его, поддержал весь тренерский корпус советского хоккея. Поэтому прогрессивное развитие отечественного хоккея шло широким, лавинообразным фронтом.

Справедливости ради надо отметить, что сам принцип учебно-тренировочного подхода не стал, да и не мог стать догмой для Тарасова и его ближайших соратников. Основные элементы системы подготовки и совершенствования хоккеистов неуклонно обновлялись. Каждый год, к каждому очередному чемпионату мира сборная СССР готовила своим соперникам новые сюрпризы. Во второй половине — конце 60-х годов появилась новая плеяда очень молодых и талантливых игроков, которые по заложенным в них с детства навыкам и по психологии победителей шли намного дальше своих выдающихся предшественников. Викулов, Полупанов, Харламов, Петров, Михайлов, Лутченко, Цыганков, Гу-

сев, Третьяк, А. Якушев, В. Блинов, Шадрин, Зимин, Васильев, Мальцев, Лебедев, Анисин, уже прошедшие горнило тарасовской тренировочной «мясорубки», готовы были легко бросить вызов самой «Мекке мирового хоккея» — Национальной хоккейной лиге. Как говаривал в тот период Тарасов, глядя порой на уверенную, победную, но маловдохновенную игру своих питомцев: «Такой хоккей для них уже не раздражитель, им канадских профессионалов подавай!» Действительно, постоянные победы на чемпионатах мира над командами Швеции, Чехословакии, Финляндии, США уже не приносили так необходимого полноценного удовлетворения. Канадцы перестали посещать официальные турниры (с 1970 г.), а с 1963 года им ни разу не удавалось на них победить сборную СССР. А всего из 44 матчей, сыгранных сборными Канады и СССР за восемь лет, наши хоккеисты победили в 35 встречах (80%), а канадцы всего в 6 (13,5%). Эта неумолимая статистика давала ясно понять, что на очереди у всепобеждающей сборной СССР оставался последний этап — хоккей Национальной хоккейной лиги (НХЛ). Историческое отставание, составлявшее добрые три четверти века, было преодолено русскими за 25 лет ударного и творческого труда главным образом в тренировочном «цехе». В этой кипящей кузнице ковалось самобытное оружие победного хоккея Советского Союза.

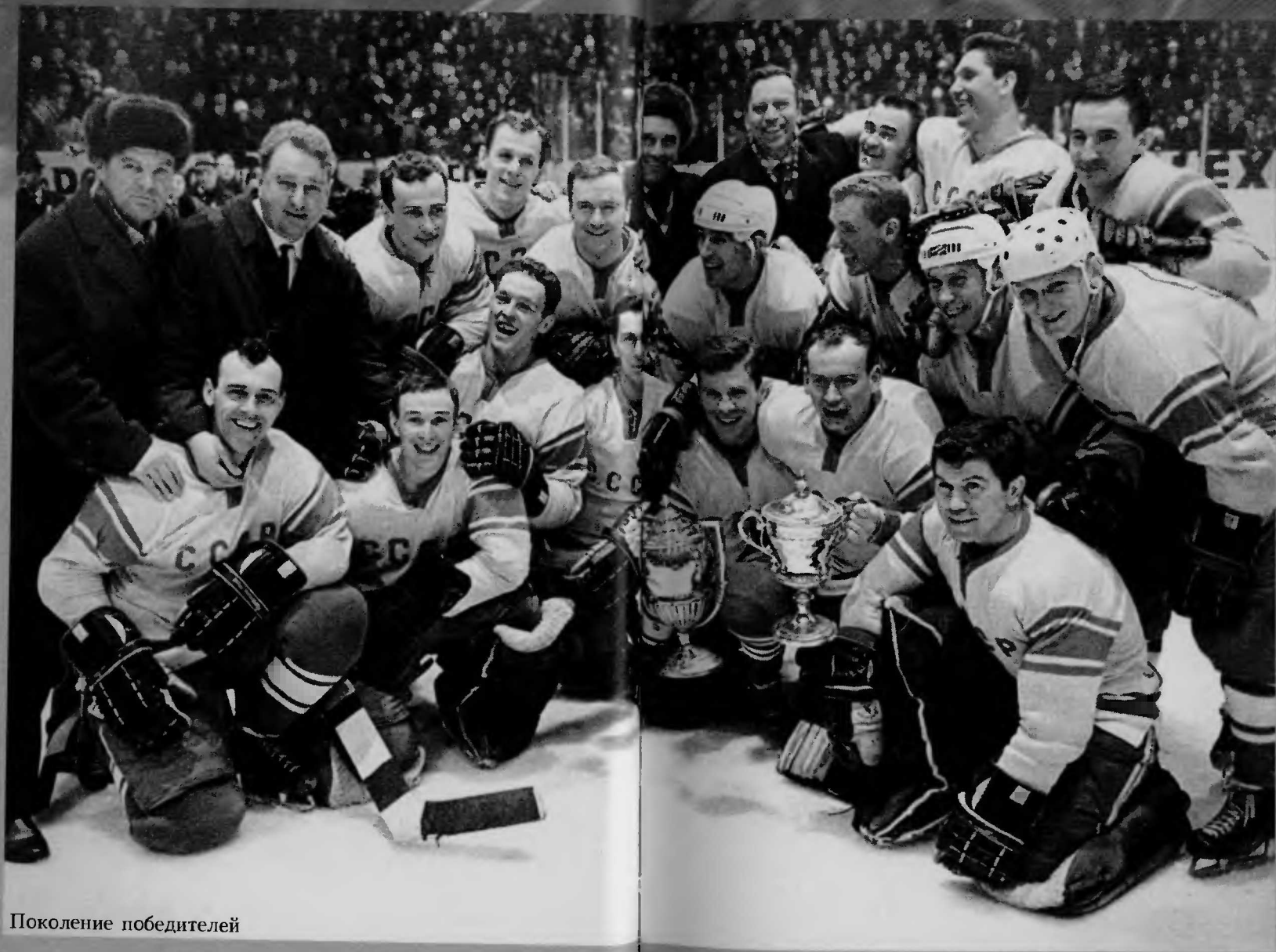
«Мы <...> не сидели сложа руки. Много и упорно тренировались — но уже целенаправленно, с ориентиром на встречу с профессионалами. Кратко о том, в чем была суть таких тренировок.

Поначалу встал вопрос, развивать или исправлять? Развивать достоинства хоккеистов, в первую очередь те, что игрокам подарены природой, или исправлять их слабости, такие, к примеру, как невысокий уровень техники. Решено было действовать на два фронта: развивать сильные стороны хоккеистов, одновременно поднять их технический уровень, исправляя по ходу дела и другие огрехи. Выбор средств не был затруднительным. Мы, тренеры, верили в чудодейственность атлетизма — этого ускорителя мастерства. Налегли на совершенствование главных качеств — силы, ловкости, быстроты. В программу занятий включили много имитационных упражнений <...> Наши занятия атлетизмом дополнялись длительными занятиями на льду <...> изо дня в день мы шлифовали быстрые, в одно касание передачи. Были звенья, умевшие при ограниченном маневре <...> держать шайбу в течение нескольких минут <...> Мы придумывали новые сложные упражнения для обводки, атаки ворот. Выполнять эти упражнения игрокам было непросто еще и потому, что им отпускался жесткий лимит времени. Не допускались никакие проволочки. Так уже в те годы родилась идея полной занятости хоккеистов на площадке, исключающей всякие паузы. А в связи с этим, мы считали, игроки разных амплуа обязаны уметь уверенно выполнять любые технические приемы. И подкатываться к сопернику, и вести с ним единоборство, и отбирать шайбу, не говоря уже о пасе, обводке, завершающих бросках. И все это делать очень и очень быстро!» (помните скорость А+1? — В.А.) (А.Тarasov).

«...предпочел бы я скорей
бессмертию души моей
бессмертие своих творений.»

Поколение победителей

Бесстрашный
Виктор
Полупанов

Его жертва —
Карл Брюгер.
Один из лучших
защитников НХЛ
60-х годов.

Благодарность тренера

Анатолий Фирсов как всегда неудержим.

Как неудержим и его тренер.

Долгие часы будничного труда

И редкие мгновения официального признания

В борьбе на льду — всей командой во главе с тренером.

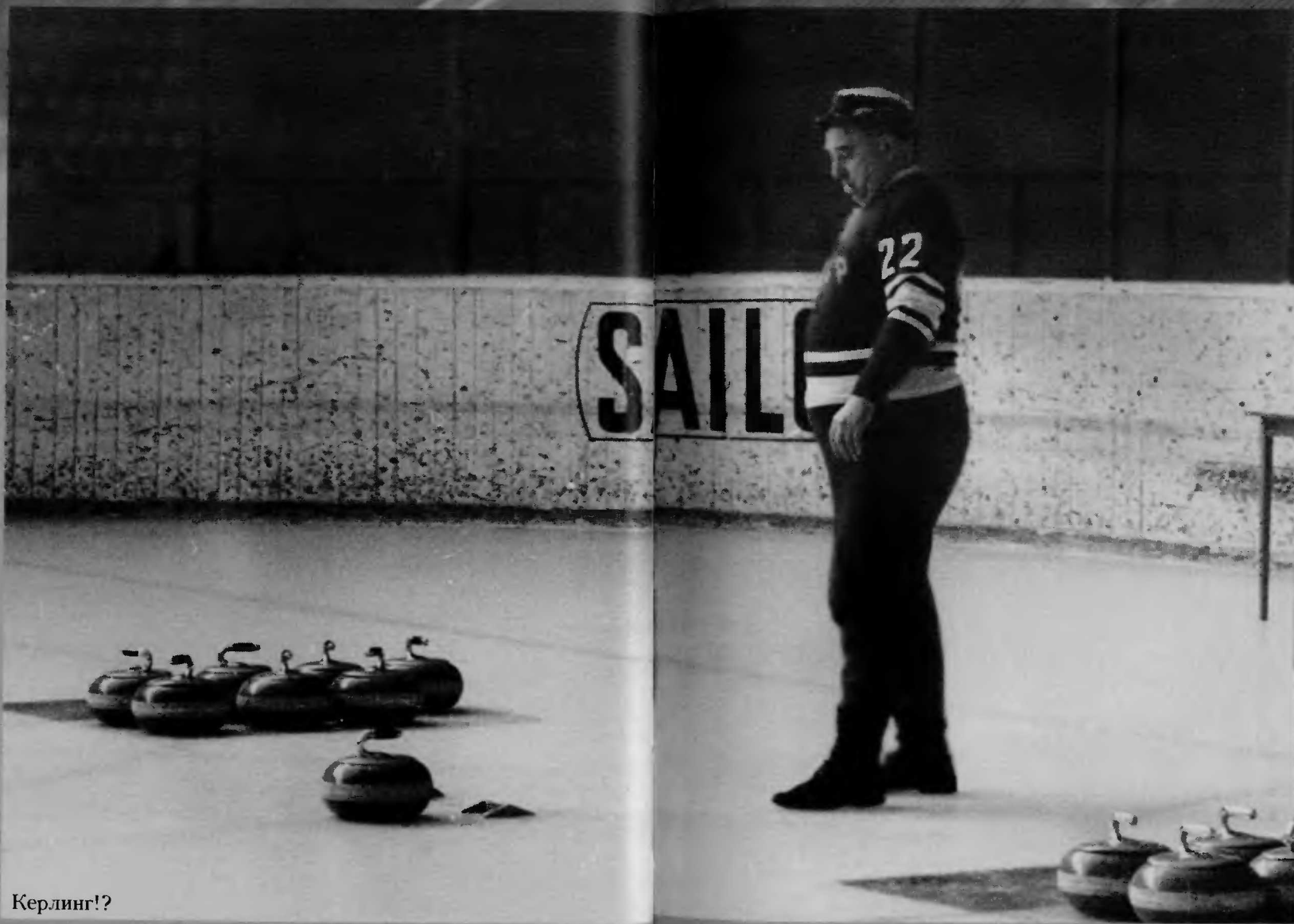
«Молодой
человек,
не забывайте,
что вы игрок
команды
ЦСКА!»

Сознавая неизбежность поражений, Тарасов тяжело их переживал, ощущая в них, главным образом, свою вину.

Тарасов — зритель. В этом выражении лица, в этом взгляде — полное понимание того, что происходит на льду.

Керлинг!?

Следует признать, что избрание в Зал хоккейной славы в Канаде (Торонто) проводится максимально объективно и справедливо. Никто не прославил советский хоккей так, как это сделали Анатолий Тарасов (1974 г.) и Владислав Третьяк (1989 г.).

Завершая рассказ о спортивных деталях тренировочного процесса, необходимо подчеркнуть его высокое коллективное начало. Ведь тренировочные занятия были построены и скомпонованы таким образом, чтобы одновременно оттачивались как индивидуальные качества игрока, так и командные, коллективные действия. Именно поэтому они получили название «поточный метод тренировки» (книга Тарасова с аналогичным названием была издана в 1966 году). Звенья команды циклично участвуют в игре, противодействуя друг другу на встречных потоках и перемежая наступательные и оборонительные действия. Игровые задачи спортсменов усложняются специальными имитационными упражнениями, обязательное применение которых не должно быть помехой для выполнения главных игровых обязанностей. Приемы усложнения основных стандартных действий игроков (игра с обязательным сохранением контроля над несколькими шайбами, атака на ворота численно превосходящего противника и оборона ворот в численном меньшинстве и т. д.) отличаются большим разнообразием и выполняются на максимальной скорости, сходу, без перехода в позиционную игру. Даже столь поверхностное описание характера занятий позволяет понять, что тренировочные условия и нагрузки превосходят по сложности игровые в несколько раз.

Уже спустя много лет после окончания профессиональной «карьеры» Анатолия Владимировича Тарасова, я не переставал задавать себе (не ему!) один и тот же вопрос: *почему все те годы, когда*

под его руководством хоккей наш шел к Олимпу, он главным соперником и ориентиром видел хоккей канадский? Мне понятно, что Канада является родиной хоккея, и там самые богатые традиции и славная продолжительная история игры. И что Национальная хоккейная лига, состоящая, главным образом, из канадцев, самая богатая в мире хоккейная организация, а многие профессионалы в ней великие мастера, я тоже знаю. И что в очных сражениях с профессионалами преимущество, пусть небольшое, было до поры на нашей стороне, мне тоже известно. Но, думаю, не эти соображения являются главными, не в них содержится ответ на мой вопрос.

Совсем недавно в Москве состоялась так называемая Суперсерия-99 «Легенды мирового хоккея XX века в России» с участием ветеранов хоккея Канады и России. Организатором этого важного события явилась компания «*The Russian Hockey Place in Canada Inc*»^{*}. В составе канадской команды выступали такие яркие звезды прошлых лет, как Г.Лафлер, И.Курнуайе, Б.Халл, М.Дионн, С.Шатт, Б.Парк, Ф.Маховлич (сегодня все члены Зала хоккейной славы в Торонто). Матчи удались, обе стороны остались довольны итогами мероприятия. Единственный и любимый внук Анатолия Владимировича Тарасова Алексей задумал получить очередной автограф Бобби Халла на клюшке, которую тот дарил ему, шестилетнему, в 1974 году в Москве. И добился своего, побывав на последней

^{*} «Место российского хоккея в Канаде».

встрече ветеранов в Лужниках. На вечернем банкете в отеле Халл был в хорошем расположении духа. По просьбе Нины Григорьевны Тарасовой и Алексея, он согласился побеседовать со мной и о Тарасове, и о хоккее на следующее утро, за час до отъезда делегации из отеля «Савой» в аэропорт. Мой выбор пал на великого Бобби Халла не случайно, хотя с аналогичной просьбой о беседе можно было бы обратиться и к любому другому канадцу. Мне, например, необычайно нравился как игрок Ги Лафлер, «Цветок», как называли его в НХЛ за грациозность и красоту игры.

Впервые я узнал о Бобби Халле от Тарасова в январе 1963 года, когда сборная СССР вернулась из традиционного новогоднего турне по Канаде. «Какой игровище есть в команде Чикаго! — первое, что страстно произнес Тарасов в ответ на мой вопрос о впечатлениях поездки. — Скорость, сила, ума палата! Зовут Бобби Халл». И в самом деле, в те годы Б.Халл уже начал свой взлет, ходил в лучших бомбардирах лиги, повторив в 1962 году рекорд результативности Мориса Ришара — 50 шайб за сезон.

— О советском хоккее я впервые узнал в 1959 году (то был второй сезон 20-летнего Халла в НХЛ. — В.А.), — начал свой рассказ Б.Халл, расположившись в кресле небольшого, уютного фойе отеля «Савой». — Все дело в том, что я родом из провинции Онтарио, из местечка Пуант-Анн в окрестностях города Белвилл, что на берегу одноименного с провинцией озера. Я знал всех игроков команды «Белвилл Макфарландс», которая выиг-

рала чемпионат мира 1959 года. Играющий тренер команды Айк Хилдебранд рассказал тогда мне, что у русских очень сильная команда и вскоре они составят большую конкуренцию Канаде на мировых первенствах. Еще Айк сказал, что с ним там в Европе познакомился тренер русских Тарасов, живо интересовался системой тренировок в Канаде. А потом заявил, что они скоро будут нас обыгрывать! Это мне хорошо запомнилось тогда.

Следующее мое, опять заочное, «столкновение» с Тарасовым произошло, когда в СССР была издана написанная мной книга «Хоккей — моя игра». Тарасов написал тогда рецензию к русскому изданию, где, в целом очень положительно оценив содержание книги, раскритиковал меня за «пренебрежительное отношение к тренерам». А получилось это потому, что английское слово *trainer* в терминологии спортивных игр означает что-то вроде санитарного персонала команды, способного сделать игроку массаж, оказать помощь при ушибе, мелкой травме. Я утверждал, что настолько здоров и силен, что мне не нужен никакой *trainer*. Издержки перевода были преодолены, книга пользовалась в СССР успехом, Тарасов получил заверения в моем уважении к профессии тренера.

Наконец, наше очное знакомство состоялось в 1974 году, когда сборная Всемирной хоккейной ассоциации приехала на игры в Москву. Но оно было мимолетным, почти формальным. Беда в том, что когда ты профессионально занимаешься делом, на все остальное, кроме работы, просто нет ни времени, ни места в голове. Вот теперь, «на пенсии»,

можно порассуждать о хоккее, роли яркой личности в игре, значении тренера.

Я знаю, что Тарасов закончил работать в сборной СССР весной 1972 года, но команда, что играла осенью со сборной Канады НХЛ, была целиком подготовлена им. Я хорошо помню ту первую серию! Администрация НХЛ тогда здорово просчиталась. Положившись на мнение «случайных», малокомпетентных людей о силе сборной СССР, наши парни не стали проводить летний подготовительный сбор. Скауты и ряд других дилетантов НХЛ внушали всем, что победа будет за нами с двузначным счетом. Я тогда уже перешел в ВХА и не был вовлечен в эту кампанию. Но хорошо помню, как наблюдал за первым матчем по телевидению. Именно в те часы городские власти Виннипега, где я готовился играть за местный клуб, устроили торжественный прием в огромном отеле. Телевидение показывало разминку команд, и я увидел русских парней. Боже, одна их осанка, манера кататься уже говорили о том, что их обыграть будет крайне трудно! Мне было достаточно одного взгляда! Харламов, Якушев, Петров, Мальцев, Васильев, Лутченко были хорошо скроены! Наши вскоре повели 2 : 0, и, когда телевидение крупным планом стало выхватывать «образы» своих героев — Эспозито, Маховлича, Кэшмена, можно было видеть градом катящийся по их лицам пот. Ни Харламов с Михайловым, ни Якушев с Цыганковым, в отличие от канадцев, даже не дышали тяжело после своих отрезков. Тогда я сказал аудитории, что русские победят с разницей в 5 шайб.

— Неужели вы не следили за любительским хоккеем в Канаде, особенно его международной жизнью? Неужто совсем не имели представления об иностранном хоккее? — недоумевал я.

— Этим занимались другие люди, — возразил Халл, — кому положено по службе, по долгу. Мы выполняли свою работу. Играть три матча в неделю за очень хорошие деньги надо как следует, не отвлекаясь. Вот я и работал все 15 лет в НХЛ. Сказать откровенно, в НХЛ, как и везде, много всякого «мусора», дилетантов, некомпетентности. Поэтому хватает неосведомленности. А в наши дни, когда такие колоссальные контракты накрыли волной всю лигу, раздолье для всякого рода людей неспортивного толка. Мало людей хорошо знающих, чувствующих нутром хоккей. Ведь никто из этих бизнесменов от спорта в хоккей никогда не играл! Спорт в хоккее кончился! Поверь мне! Все, что от него осталось, это большой бизнес, очень большой! И все там подчинено только законам и интересам бизнеса! Спорт на последнем месте. Хоккей как предмет спортивного интереса людей перестал существовать. Простая семья не может себе позволить посетить, как это было раньше, хоккейный матч в воскресный день. Семья из четырех человек должна заплатить около \$300 за посещение одного матча. Массовый интерес к хоккею как зрелищу, как средству отдыха в выходные для простых людей, невозможен. Пусть тебя не дезориентируют переполненные трибуны в течение сезона. Это зрители, посещающие стадионы на основе корпоративных сделок их компаний с клубами или стадионами. Спортивное начало из хоккея ушло!

Халл говорил подчеркнуто звонко, окружающие могли слышать, о чем шла речь. Он взглянул на сидевшего рядом Лафлера: «Ги, как с этим в Монреале?» Франко-канадец согласно кивнул головой: «Ложа на 15 человек на вечер в «Форуме» стоит \$1000».

— Вот видишь, — возобновил свой монолог Бобби Халл, — сегодня это совсем иное дело, чем во времена Тарасова и Халла.

Так почему «во времена Тарасова и Халла» первостепенным ориентиром для нашего тренера был хоккей Канады? Снова откроем страницы последней книги Тарасова, изданной в Америке (но теперь ее русскую версию, не вышедшую в свет) и прочтем: «За долгую жизнь побывал я почти во всех странах Европы, во многих хоккейных центрах азиатского континента и, конечно, за океаном, там, где родился хоккей. Как президент клуба «Золотая шайба» исколесил Россию, побывав во многих городах Урала, Сибири, Дальнего Востока, хорошо знаю Украину, Белоруссию, республики Прибалтики <...> И убеждался: всюду обожают самую динамичную, самую боевую, самую азартную игру нашего века. У этой игры не может быть ни хулителей, ни конкурентов — настолько она по душе людям в разных концах планеты. И все-таки...

И все-таки самый красочный, самый насыщенный и полнокровный хоккей — в Канаде».

Вот что постоянно манило Тарасова, непрерывно притягивало его к канадскому хоккею. Вот что не давало ему покоя настолько, что иногда, по его

собственному признанию, «даже снилось по ночам». Эстетическое начало у натур дерзких, творческих очень часто бывает скрыто, но остается доминирующим, побудительным в их работе, в их жизнедеятельности. Тарасов не скрывал преклонения перед красотой как таковой, будь то искусство, природа, движение, тело, мысль. Сделать свой хоккей не только лучше, сильнее, но, в первую очередь, красивее — вот какой была сверхзадача Тарасова. А для этого требовались постоянный контроль, постоянное сравнение, сопоставление с «оригиналом», «первоисточником». Постоянно встречаясь с хоккеистами Канады, побеждая их и доказывая свою правоту, Тарасов не хотел при этом лишиться себя и поклонников хоккея в СССР эстетического наслаждения красивой победой.

«Валерка, когда ты выбегаешь один на один с вратарем и выбираешь тот, а не другой прием для взятия ворот, чем ты в тот миг руководишься? Как принимаешь решение в доли секунды? Ведь на раздумья совсем нет времени? А забиваешь всегда по-разному! — спросил однажды Тарасов еще молодого тогда Харламова. — О чем думаешь?»

«Хочу только, чтоб получилось красиво! А дальше уже все само собой происходит, даже и не знаю как!»

КОМАНДА-МЕЧТА

Анатолий Тарасов, несмотря на то, что прочно стоял двумя ногами на этой грешной земле, многому знал истинную цену и сознавал бренность всего сущего, был романтиком и имел мечту. Мечта называлась «непобедимая команда» или, как повелось с легкой руки («легкого языка») американцев — «команда-мечта» (dream team). Достиг ли тренер своего идеала? Состоялась ли команда-мечта? Наверное, и да, и нет. С одной стороны, Тарасов-тренер со своим соратником Чернышевым одержал столько ярких побед, причем в течение 10 лет подряд, скольких не добился ни один другой тренер в каком-либо командном виде спорта. Но понятие «команда-мечта» подразумевало в первую очередь создание непобедимого хоккея. И этот тарасовский идеал почти (!) воплотился в жизнь, но был, к сожалению, недолог. Апофеозом тренерской жизни (я не осмелюсь назвать этот путь карьерой!) Тарасова должна была стать столь вожеленная им первая серия встреч сборной СССР со сборной Канады (НХЛ). Но великому тренеру, положившему на это лучшие, если не все годы жизни (как и его соратнику А.И.Чернышеву), не позволили достойно завершить свой несравненный профессиональный путь. Вот что сам А.В.Тарасов рассказывает об этой ситуации.

«Известно, что мы с А.И.Чернышевым проработали в сборной бок о бок десять лет кряду, и все официальные соревнования завершали победой. Добившись успеха на Олимпийских играх 1972 года в Саппоро, мы передали сборную новым тренерам — Всеволоду Боброву и Николаю Пучкову. Делая это, мы попросили новых коллег, чтобы они не ворошили звенья, повезли в Прагу на очередной чемпионат мира все тот же непобедимый состав. От победы в Саппоро до первого матча в Праге команду отделяли лишь 53 дня. Но новые тренеры поступили по-своему. На мой взгляд, нелогично. Они не включили, а мы не понимали почему, в состав Анатолия Фирсова, а внутри команды сделали серьезные перестановки, отказались от новой системы игры с двумя хавбеками. И к огорчению любителей хоккея, в Праге команда впервые за много лет оступилась» (А.Тarasov).

Ниже мы познакомим читателя с удивительными событиями тех памятных дней до и после чемпионата мира. Мало кому известно, что происходило тогда за кулисами высшего спортивного (и не только!) руководства страны. Но те события не могли не изменить дальнейшего хода и характера советско-канадских хоккейных отношений. И вот почему.

«Не знаю, чем (я, кажется, догадываюсь об одной из причин — В.А.) руководствовались боссы канадских профессионалов, но согласие на проведение серии двухсторонних матчей ими было дано сразу после нашего неудачного выступления в Праге.

Когда мы с Чернышевым узнали о реальности этих матчей, то нам, конечно же, взгрустнулось. Все же это была наша сборная. Долгие годы готовили мы ее к сражению с профессионалами. В качестве тренеров мы «не дожили» до матчей считанные месяцы. В марте мы передали сборную своим коллегам, а 2 сентября 1972 года в Монреале состоялась первая встреча советских и профессиональных канадских хоккеистов. Мы с Аркадием Ивановичем рассчитывали, что руководители Спорткомитета обратятся к нам за помощью. Но этого не последовало. К тому времени куратором сборной стал один из зампредов Спорткомитета, человек энергичный, но не бескорыстный. Он был не прочь извлечь из хоккейных побед пользу и для себя. И он знал также, что мы с Чернышевым этого не потерпим. Когда мы узнали, что самые авторитетные игроки поднимали вопрос о возвращении нас в сборную, а им затыкали рты, то поняли, что следует смириться и ждать этих эпохальных встреч, хотя, признаться, трудно было свыкнуться с тем, что придем мы на матч в роли зрителей. По ночам мне даже снились эпизоды предстоящих игр» (А.Тarasov).

Действительно, команда Чернышева и Тарасова образца 1972 года была ориентирована на ожидавшиеся встречи с игроками НХЛ. Бесспорно, В.Бобров был достойным тренером, но к тому моменту в течение пяти лет не имел какой-либо тренерской практики в хоккее. Вдобавок к этому Бобров не знал, да и не мог знать хоккей Канады в той мере, в какой это требовалось для победы. А имен-

но к победе над профессионалами готовили эту команду Чернышев и, особенно, Тарасов, питомцы которого составляли основу (14 человек) той сборной. Произошло своего рода «возвращение» Боброва в сборную СССР, но уже в формально ином качестве. Состоялся, на мой взгляд, пусть не фактический, но концептуальный «откат» нашего хоккея к тем временам, когда высшей ценностью считался не коллектив хоккейной команды, а наличие в нем суперзвезд.

Почти вся первоначальная история нашего хоккея (первые 25 лет) являет собой живое воплощение противоречия между концепцией хоккея Боброва и пониманием хоккея Тарасовым. Это противоречие на первоначальном этапе развития было объективно неразрешимым и непреодолимым. Роль Боброва и его значение для команды, которые Тарасов всегда подчеркивал, были огромны. Поэтому в тот период его разногласия с тренером приходилось решать волевым усилием, субъективно и в пользу не тренера, а игрока (о чем свидетельствует Н.Г.Пучков в документальном телесериале «Хоккей Анатолия Тарасова»). Потому что этот великий игрок был всегда на виду и воспринимался как единственный творец игры и победы. В тот период только Бобров в одиночку мог решить судьбу матча и Тарасов это безоговорочно признавал. «Гагарин шайбы на Руси» — это сказано справедливо.

Бобров был столь индивидуален, что не умещался в конфигурацию и просто не стыковался с коллективными принципами построения хоккея. А именно коллективизм, провозглашенный и отстаиваемый

Тарасовым, был главным способом преодоления нашего исторического отставания. Бобров же больше принадлежал себе, чем команде и хоккею. Он воплощал, опять-таки в силу своей незаурядности, себя в хоккее, а не хоккей в себе. Не он служил игре, а хоккей служил Боброву в его самовыражении и жизнеутверждении. Тарасов часто высказывал эту идею, не называя, в силу глубокого такта, имен, но явно подразумевая Всеволода Михайловича.

Объективный конфликт пятидесятых временно разрешился тогда в пользу Боброва. Но Тарасов был терпелив, веря в правоту и живучесть своего выбора и своего понимания хоккея. Он, как и не раз после этого, «сидел на крыльце». Уже маховик небывалого учебно-тренировочного процесса, придуманного Тарасовым, набирал обороты. Наши хоккеисты и тренеры создавали тот прочный фундамент, на котором даровитость любого игрока начинала себя проявлять. Если огромный талант Боброва не мог себя не выказать (даже стихийно!) в силу только своей исключительности, то на благодатной почве тренировочной системы начинали проявляться уже неодинокные таланты. В команду постепенно входило все больше игроков, способных в одиночку решать судьбу матча: Старшинов, Фирсов, Викулов, Харламов, Якушев, Васильев, Третьяк. Позднее, уже в наши дни, таким «калибром» обладали Фетисов, С.Макаров, Крутов. В 70-х в нашем хоккее блистала еще одна индивидуальность, по роли и значению в своем клубе очень напоминавшая Боброва. Этим хоккеистом был несравненный нападающий московского «Ди-

намо» А. Мальцев. Однако к тому времени, когда он очутился в сборной, там уже было много игроков не меньшего масштаба. И Мальцев вливался в команду как равный, а поначалу даже младший среди равных. Советский хоккей к тому времени кардинально изменился, иными были атмосфера и отношения в сборной. Хоккей служил всем, если каждый беспрекословно служил ему. И поэтому уникальный талант динамовца многие годы ярко и плодотворно служил отечественному хоккею.

Итак, произошло второе «явление Боброва народу». Уже в ходе подготовки к чемпионату новый старший тренер команду основательно перекроил. Во-первых, он «отцепил» (именно этот термин более всего подходит для такого поступка) А. Фирсова, хоккеиста, который был душой этой команды в течение восьми лет. Расстались с Фирсовым, как я понимаю, только по «принципиальным» соображениям: Анатолий был самым преданным и убежденным носителем тарасовского духа в команде. А этого «рецидива тарасовской болезни» Бобров допустить не мог, он был полным антиподом Тарасова.

Сознательный отказ от Фирсова резко ослабил сборную, хотя, казалось бы, замена его самим Мальцевым могла быть равноценной. К сожалению, новый тренер не понимал (или не хотел понимать!?), что пятерка с Фирсовым во главе являлась выразителем нового построения игры, нового типа хоккея, в который в Канаде «еще не играли». Ключевые функции Фирсова в этом звене больше никто выполнить не мог. Как говорится, в этом наборе ис-

полнителей был только «штучный товар». Бобров же, механически заменив Фирсова Мальцевым и разрушив тактическую схему нового типа, посчитал свою задачу решенной.

Я специально останавливаюсь на этой истории, потому что она наглядно демонстрирует, как амбициозность и гордыня, профессиональная (или непрофессиональная?) спесь порой торжествуют над элементарной логикой и здравым смыслом. Спорт (как и сама жизнь) наказывает за это поражениями. Но отвлечемся от системы игры «форварды — хавбеки — стоппер». Бобров просто ее не понимал и не принимал. Будучи великим игроком прошлого и оставшись, по сути, игроком уже в тренерском качестве, он по-прежнему все воспринимал на уровне интуитивном, чувственном (нравится — не нравится, хочу — не хочу, могу — не могу), но никак и никогда аналитически осознанно. А, поразмыслив, можно было понять, что Викулов с Фирсовым играли неразрывно уже семь лет, а с Мальцевым Викулов не играл никогда (так, эпизодами в сборной). Что Викулов с Харламовым вылезли из одной «тарасовской люльки», где проповедуется коллективный хоккей «самопожертвования». А Мальцев, которому всего-то 23, уже привык к роли премьера в своем «Динамо», требующей обслуживания. Викулов с Харламовым, опять же в силу своего воспитания, к этому «обслуживанию» были готовы, но не в ущерб самим себе, то есть команде и игре. Готовы только на основе взаимности. Внутри звена получался концептуальный разлад, разнобой. Отсутствовали внут-

ренное единодушие и единомыслие, хотя как люди и игроки, спортсмены не имели друг к другу никаких претензий. Наконец, было просто нелепо втискивать (по-другому не скажешь) в это звено Мальцева, вместо того, чтобы вернуть Харламова к его прежним партнерам Петрову и Михайлову, и воссоздать сильнейшую в стране тройку (подчеркиваю, тройку!) нападающих (что Бобров был вынужден сделать спустя год на московском чемпионате Европы).

Столь дотошный анализ причин поражения в исторической серии матчей СССР — Канада 1972 года имеет принципиальное значение для ответа на вопрос, могла ли быть и была ли непобедимой команда у Тарасова? Поэтому продолжим наши рассуждения и элементарное сопоставление известных фактов. И пусть не смущает читателя сомнение, есть ли необходимость и смысл, спустя столько лет (более 25), ворошить те события, многих активных участников которых нет уже в живых. Поиск истины не имеет срока давности. «Упущенная выгода» есть понятие не только экономическое, но и нравственное. И, наконец, борьбу даже за утраченные славные национальные традиции начинать никогда не поздно.

Через несколько лет после серии встреч СССР — Канада Анатолий Тарасов опубликовал в одной из центральных газет статью по поводу «незавидной» спортивной судьбы Александра Мальцева. Тренер, несмотря на повсеместное, в том числе и собственное, почитание, славу Мальцева, преклонение перед его талантом и достижениями, считал, что почти все

годы этого великого спортсмена использовали как «тактическую заплатку». Тарасов как всегда был точен в определении и, как почти всегда, — прав. А первым, кто «разменял» Сашу Мальцева под видом тренерской «изобретательности», был Всеволод Бобров. В памятной серии игр против канадских профессионалов НХЛ А.Мальцев, самый результативный нападающий сборной последних лет (на чемпионатах мира 1970 — 1972 годов в среднем по 1,2 шайбы за игру) в восьми матчах не забил ни одного гола. Партнерами Александра по звену были упомянутые уже Викулов и Харламов, а также Старшинов, Михайлов и Мишаков в разных сочетаниях.

Выездную часть этой серии встреч сборная СССР выиграла, и выиграла заслуженно. Игроки продемонстрировали очень сильный, в первую очередь индивидуальный хоккей. Великолепно солировали А.Якушев и В.Харламов, забивая самые важные и убийственные, превосходные по красоте голы (а это особенно деморализует соперника, тем более такого, как канадцы). Оплотом обороны были А.Рагулин, Г.Цыганков, В.Васильев. Но наибольший вклад в победу за океаном внес 20-летний В.Третьяк. Он предьявил канадцам незнакомое толкование вратарского мастерства. Думаю, что на многоопытных любителей хоккея Канады Третьяк своей игрой произвел такое же впечатление, как на наших, тогда неискушенных зрителей С.Мартин в 1961 году. Или же легендарный Жак Планта, потрясший наших хоккеистов и «обыгравший в одиночку» сборную СССР в конце 60-х годов. Получалось, что победный результат первой, канадской, половины серии

(в шахматном выражении $2\frac{1}{2} : 1\frac{1}{2}$) был достигнут благодаря огромному вкладу наших самых ярких игроков, но не в результате образцового коллективного превосходства (к чему команду упорно готовили Чернышев и Тарасов). Получалось, что эта промежуточная победа была добыта путем простого суммирования успешных сольных действий наших выдающихся мастеров. Новое руководство сборной не пришло к такому выводу. Зато канадские тренеры немедленно внесли самые прямые коррективы в действия своих игроков на вторую половину серии. Во-первых, канадцы резко ограничили диапазон свободных действий наших «солистов». Б.Кларк беспощадно охотился за В.Харламовым и потом сам в этом публично признавался. А.Мальцев, и без того обездоленный, при минимальном силовом давлении без требуемой поддержки полностью сник. Викулов в полном одиночестве и изоляции был угрозой для канадцев только в первом московском матче. Досталось и Третьяку, которому при позиционной осаде наших ворот центрфорварды канадцев (особенно, понятно, Ф.Эспозито) мешали маневрировать и сильно сковывали его свободу передвижений. Поэтому и голов в Москве он пропустил на четыре больше. Но самое главное, что удалось сделать канадцам в Москве, — навязать нашей команде удобный для них ритм и ход игры. Все четыре матча прошли в довольно умеренном, несколько рваном темпе. Умело, медленно и постепенно уступая нам свою территорию, канадцы вынуждали нашу команду неспешно строить свои атаки на минимальном и стесненном пространстве.

Ураганного, стремительного, изматывающего к концу матча хоккея у сборной СССР не получалось. И это на нашей-то игровой площадке, которая по площади больше стандартной канадской! Где большее пространство само по себе дарит нашим игрокам превосходство объемного маневра. Зрелые канадцы, которые в среднем на четыре — пять лет были старше наших ребят, «выцарапали» у нас три победы в четырех матчах в результате грамотно и продуманно организованной тактики игры. «Тактика команды — это всегда и только тренер!» — безапелляционно утверждал Анатолий Владимирович Тарасов. Общая победа в серии была на стороне канадцев — $4\frac{1}{2} : 3\frac{1}{2}$.

Когда я вспоминаю обидные итоги этой серии, мне порой кажется, что Бобров, сознательно уменьшив число и ослабив роль (разными способами) армейцев в сборной, рассчитывал одержать победу над соперником подчеркнуто силами неармейских хоккеистов. Если это так, то в этом была главная стратегическая ошибка тренера. Армейцы, как никакие другие хоккеисты СССР, с «молоком матери» впитали в себя тарасовское неприятие верховенства канадского хоккея. Только Тарасов знал и держал в своих руках рычаги превосходства нашего хоккея над канадским. То, что сделал в хоккее А.В.Тарасов, было, несомненно, революционным преобразованием. Но его исторический венец, которым должна была стать первая большая победа над хоккеистами НХЛ, был смазан прежде всего бездарным чиновничьим подходом спортивного руководства и малокомпетентным тренерским управлением.

Спортивный результат (негативный) серии сомнительно, но пропагандистски убежденно определили как «развеянный миф о непобедимости канадских профессионалов». Исторический шанс поставить жирную (!) точку в конце очередной главы советско-канадских хоккейных отношений использовать надлежащим образом не удалось. Точка обернулась запятой. Как у пушкинского Сильвио, у сборной СССР осталось право на ответный выстрел. Жаль, но подобных серий за следовавшие 25 лет больше ни разу не было. Большое видится на расстоянии. Так и не удалось советским хоккеистам понастоящему с первой попытки стать ниспровергателями канадских профессионалов. Случались потом новые, главным образом клубные, серии. Почти во всех из них суммарный итог был в нашу пользу. Однако почти в каждом подобном цикле встреч соперник одерживал над нами одну очень принципиальную (обладатель Кубка Стенли над чемпионом или сборной СССР в 1976, 1982, 1988) или просто сокрушительную победу (в 1976, 1980). Нам также удавалось «нокаутировать» сливки НХЛ в 1979 (6 : 0) и 1981 (8 : 1) годах. И поэтому всегда создавалось впечатление некоего равенства сил.

В чем еще состоял плачевный итог нашего поражения в канадо-советской серии 1972 года? Победа над сборной СССР лишний раз убедила руководство хоккея Канады (не только и не столько НХЛ) в правильности своего прежнего (1970 г.) решения «бойкотировать» любительские чемпионаты мира по хоккею. Канада (НХЛ) продолжала сохранять неприступность для всего остального хоккейного со-

общества. Вместе с тем понимая, что любая самоизоляция чревата негативными последствиями, НХЛ начала постепенно «обескровливать» плодотворный европейский, в первую очередь шведский, хоккей, вербуя в свои ряды лучших хоккеистов Старого света.

Итак, «команда-мечта» вроде была Тарасовым создана, но по зловещему стечению обстоятельств формально так и не состоялась. А потом без надлежащего «ухода» она постепенно стала терять свои победные качества. Понятно, что нельзя одержать победу один раз и на все времена. Непобежденных команд не бывает. Для того чтобы стать лидером, добиться названия «непобедимой», команде требуется постоянно побеждать в крупнейших международных соревнованиях — чемпионатах мира, Олимпийских играх, Кубках Канады, Кубках мира и т.д. Победы эти должны быть закономерными, стабильными. Можно проиграть некую отдельную встречу, а если она решающая, то с ней и весь турнир. Но характер каждой игры, даже проигранной, должен быть победным, с превосходством по большинству соревновательных критериев, не оставляющим сопернику никаких шансов (кроме благосклонности фортуны, которая нам неподвластна). А проигрывать «позволительно» лишь в результате «стихийного бедствия», рокового стечения обстоятельств.

Для таких побед нужен неустанный поиск. Он возможен только в собственной клубной команде, где в ходе сезона, совместно с единомышленниками (спортсмены других клубов в силу своего «до-

машнего» воспитания не всегда единодушны с тренером сборной) проводятся длительные и скрупулезные эксперименты. Они рожают новые решения, новые очертания и формы игры, неудобные и трудные для соперника. Такой хоккей становится победным, а лучшая его команда — непобедимой!

Да, у Тарасова была команда, которую он с гордостью и полным основанием называл непобедимой. В одном сезоне в ней было 20 (!) (титулованных — 14 и будущих — 6) чемпионов мира, его воспитанников. Все они, выступая потом (уже без Тарасова) за разные команды и сборную СССР, неоднократно побеждали и клубы, и сборные НХЛ, пока действовала инерция победного менталитета их учителя.

Рисуя картину хоккея будущего, во многом идиллическую, великий тренер, конечно, сам того не ведая, пропагандировал хоккей, воплощаемый командой *его* мечты, командой идеалом. А если принять во внимание любимый тезис Тарасова, «все команды не могут одновременно быть чемпионами», то станет понятно — так играть способны будут лишь претенденты на чемпионское звание. А согласно отечественной хоккейной традиции, это 3 — 5 клубов. Причем всегда (по крайней мере до 1992 года) одним из этих клубов был ЦСКА.

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

В последние годы много и часто пишут и говорят о поколении «шестидесятников», явившихся предтечей наступления демократических преобразований в нашей стране на рубеже 80 — 90-х годов. Это поколение считают порождением хрущевской оттепели, раннего послесталинского периода «зыбких свобод». Если говорить о науке, культуре, искусстве, политике, то это, наверное, именно так — самые яркие и прогрессивные их представители появились и проявили себя к началу — середине 60-х. И были эти люди, в подавляющем большинстве своем, молодыми, родившимися незадолго до войны.

Но наш славный советский спорт создавали люди более раннего поколения, многие из которых были участниками или свидетелями войны. Их знание и умение побеждать, сносить невзгоды, проявлять терпение и мужество, почерпнутые в годы тяжелых испытаний, стали очень полезными на поприще спортивной деятельности.

Мы довольно подробно, хотя и бессистемно, обрисовали причины, обстоятельства и условия победного марша советского хоккея на международной арене в первые 25 лет его жизни. Он стал возможным только благодаря усилиям тех представителей нашего послевоенного общества, которое я назвал бы «поколением победителей».

Что такое «поколение победителей»?

Во-первых, это непосредственные участники Великой Отечественной войны, которые в послевоенной мирной жизни в любом деле были нацелены исключительно на победу.

Во-вторых, это их ровесники, пережившие испытания войны в тылу и познавшие радость долгожданной победы вместе с непосредственными ее свершителями.

В-третьих, это дети тех самых победителей, дети предвоенного, военного и раннего послевоенного времени, ровесники Второй мировой войны и Великой Победы. Воспитание их строилось в первую очередь на естественной и непоколебимой уверенности во всепобеждающей силе советского строя. Как можно было, одержав победу в смертельной схватке с врагом, не победить во всех проявлениях мирной жизни, а тем более в спорте!

В Советском Союзе, историческая миссия которого, по мнению руководства КПСС, заключалась в построении новой жизни, любая государственная деятельность характеризовалась понятием «строительство», а любой общественный процесс понятием «движение». Спортивное строительство в СССР вело и направляло государство, а его участники и исполнители были почетными членами и участниками спортивного движения. Это движение имело общенародный характер, а система строительства была многоступенчатой пирамидой, вершиной которой был спорт высших достижений. В сущности, физкультурно-спортивная массовость была всецело подчинена выявлению молодежи, способной добиваться высоких спортивных результатов.

Как по возрасту, так и по уровню, низшей ступенью массовой спортивной подготовки была система занятий физкультурой и спортом в рамках школьной учебной программы. В этом же возрастном ранге, уже особняком, стояли детские и юношеские спортшколы, принадлежавшие спортивным обществам и территориально-административным органам (районные и городские спортшколы). В сети этих спортшкол проводились сезонные соревнования соответственно районного, городского, областного, краевого, республиканского и союзного масштабов. Занятия спортом требовали немалого времени. Спортобщества обеспечивали своих питомцев бесплатным инвентарем и формой, а в период соревнований и подготовительных сборов — бесплатными поездками, питанием и проживанием. Все это заметно помогало детям из малообеспеченных семей, а таких было подавляющее большинство, поддерживать себя и даже членов своих семей, частично снижая нагрузку на семейный бюджет.

Помню, Анатолий Владимирович с гордостью заявлял в узком кругу, что его 19-летние дебютанты сборной — Викулов и Полупанов (в воинском звании рядовых) получают зарплату больше некоторых генералов Советской Армии. В этой связи Тарасов не скрывал удовлетворения также и по поводу того, что в многодетной семье Викуловых, например, где Владимир был одним из младших, он сделался главной финансовой опорой.

Детским и юношеским спортом в послевоенной стране занимались, как уже сказано, преимущественно выходцы из необеспеченных, многодетных семей.

Они стремились туда еще и потому, что их достижения в спорте заметно облегчали, а подчас и подменяли нелегкие занятия в школе, для успеха в которых семья не всегда располагала даже минимальными условиями. Родители таких детей (а часто это была одна мать, отцы-то у многих погибли) с легким сердцем благословляли и отправляли их сизмальства в спортивный мир, дабы миновала детей полная опасных искушений уличная, полублатная стихия. Среда обитания и обстоятельства суровой повседневной жизни делали этих детей непритязательными, выносливыми, закаленными, терпеливыми, не по возрасту волевыми, весьма открытыми и коммуникабельными с себе подобными. А поскольку в детских спортшколах все и были «себе подобными», то чувство коллективизма и взаимной поддержки в общем труде формировались у каждого сами собой и без необходимости особых психологических и педагогических ухищрений.

С такими учениками тренерам было легко проявлять требовательность и строгость. Дети этой социальной прослойки высоко ценили добро и справедливость, были не по возрасту разборчивы в людях и всегда демонстрировали преданность любимому делу, нередко до самопожертвования. Легко понять, какой благодатный, добротный и бесценный материал представляла собой такая молодежь для решения больших, даже великих спортивных задач. Для воспитания в них твердого духа победителей (благо, тому имелись генетические предпосылки).

Аналогичную, если не более суровую школу спортивного воспитания в трудные годы первых пя-

тилеток прошли и сами тренеры сборной команды нашей страны. Помните рассказ Тарасова о талонах на питание в «Юном динамовце»? У этих людей с детства формировалось обоснованное чувство благодарности государству за его заботу о детях, которым помогали овладевать основами спортивного мастерства.

Коллективизм — это слово Тарасов особенно ценил — с детства становился для спортсмена основным понятием, спутником спортивного долга и его спортивной судьбы. Игровики, народ в большинстве своем изобретательный, задорный, озорной и нередко отчаянный, всегда превыше всего ценили в своей работе взаимовыручку, чувство локтя, щедрость. Поэтому хоккей с шайбой в нашей стране приобрел в раннем исполнении первых представителей поколения победителей непонятные для иностранцев, очень весомые национальные (а правильнее, социальные) черты. Для «русских», как всегда называли нас за океаном, особенно для их авангарда — армейского хоккея Анатолия Тарасова, хоккейное занятие стало как бы делом «семейным». «Принцип семьи как сплоченного отряда в тылу врага распространен на вселенную. Своих мало — а чужие все» (Вайль П. Гений места. М.: Независимая газета. 1999).

Рассуждая о хоккее Тарасова, нельзя не проследить его личную эволюцию как спортсмена, тренера, педагога, человека. Понятие команды, а точнее, представление о команде как общности людей, объединенных одинаковыми устремлениями и интересами, эволюционировало в сознании Тарасова вместе с его индивидуальным человеческим и профессиональным

развитием. В первые годы существования хоккея Тарасов-тренер был равным среди равных и, что особенно важно, среди сверстников. В изначальной обойме первопроходцев он стал их общим избранником, доверенным попечителем, своего рода старшим братом. Именно поэтому столь болезненной и конфликтной была первая, как теперь ее именуют, смена поколений. Правильнее сказать, отказ от услуг непререкаемых авторитетов, прославленных премьеров, уже не способных в силу возраста нести бремя лидерства как в игре, так и в тяжелых тренировочных буднях.

Инициатором обновления (омоложения) состава команды всегда является тренер. История спорта и его современность знают немало примеров поистине драматических конфликтов тренера с угасающей звездой. Сам Тарасов в 1954 году пал временной жертвой такого приближающегося, неотвратимого конфликта. Тогда Всеволод Бобров выдвинул перед спортивным руководством ультиматум: на чемпионате мира — первом для сборной СССР (!) — или Тарасов, или я. Бобров одержал верх, потому что был он в тот момент безусловным, несравненным лидером, творившим чудеса, — часто просто «палочкой-выручалочкой». Надо отдать должное Тарасову — он вполне сознательно и добровольно ретировался, понимая огромное значение «звезды» для команды и ее возможного успеха. Год 1957 представил нам совсем иную фабулу. Довольно бесславно был проигран чемпионат мира в Москве (а фактически чемпионат Европы), когда в советской команде В. Бобров и его партнеры по тройке уже уступали по ряду кри-

териев молодым и, главное, весьма перспективным Локтеву и Александрову. Спортивный мир, вся общественность наблюдали неизбежный, невосполнимый спад в игре Боброва и большинства представителей первого славного хоккейного поколения. Боброву было 35 лет, он перенес не одну операцию коленного сустава, его блестящие выступления в футбольных матчах стали уже достоянием истории. Прощание с большим спортом сделалось неизбежным. Все объективные предпосылки для расставания с хоккейным кумиром были налицо. Конфликта уже не было. Его просто не могло быть.

Первое поколение, практически ровесники и «однополчане» тренера Тарасова, ушло. Его сменила волна молодых, еще не ведавших побед и нетитулованных хоккеистов, которых Тарасов растил и направлял с их отроческих лет, доведя до команды мастеров и сборной страны. Для них он был уже большим авторитетом, старшим товарищем, безусловным учителем. Отношения игроков и тренера качественно меняются. Спорные моменты, противоречия, возникающие в ходе совместной работы, решаются чаще всего волей тренера и в его пользу. Так в команде постепенно воцаряется «патриархат». К счастью, в силу незаурядных способностей и особенностей характера Тарасова, то был «патриархат» в лучшем понимании этого слова.

Тарасов растет как специалист и педагог стремительно. Его пытливый ум, неумное трудолюбие, творческая одержимость, жажда любых новых знаний и навыков, быстро делают его не по годам умудренным, а очевидные успехи в работе — властным

руководителем. Этот этап личного человеческого и профессионального развития длится у Тарасова до 1963 — 1964 годов, когда к нему пришли первые яркие, а возможно, и самые дорогие победы в мировом хоккее.

Международное признание для россиянина («нет пророка в своем отечестве») — всегда переломный этап в развитии творческой личности, но всегда и испытание «медными трубами». Всемирная слава не заслонила для Тарасова главной цели его жизни, хотя постоянно сопутствовала ему в работе. Наш герой не подвергся соблазну эксплуатировать ореол своих достижений даже во имя идеалов и целей собственного труда. К счастью, Тарасов осознавал свое величие ровно настолько, насколько это требовалось для того, чтобы постоянно не удовлетворяться достигнутым (речь не о званиях, титулах и медалях). И постоянно ставить перед собой новые задачи, стремясь все время ввысь. Поэтому и характер отношений с подчиненными (учениками) наполнялся новым содержанием. Наряду с привычным и здоровым диктатом в жизни команды появились новые и интересные черты демократизма. Они тоже родились в силу как объективных, так и субъективных обстоятельств. Анатолий Владимирович прекрасно сознавал, как далеко в теории и практике своей профессии ушел он вперед от всего остального хоккейного мира. Нести такой груз в одиночку было нелегко. Для оценки правоты или ошибочности своих концепций и нововведений Тарасову нужны были доверительные и единомышленные оппоненты. Да еще и такие, кто готов был проверить его идеи на

практике, на себе. Кто, как не игроки его собственной команды могли стать лучшими сподвижниками и заинтересованными компаньонами в подобном творческом поиске. Как всем понятно, любые партнерские отношения подразумевают равенство и взаимное уважение взглядов, позиций и коллегиальность решений. Так неизбежный период диктатуры в команде ЦСКА и сборной СССР постепенно сменился отношениями старшего с равными по знаниям и умению соратниками. Добившись с командой первых громких побед, Тарасов быстро понял, что ему есть чему поучиться и у своих воспитанников. Потому что личный, растущий в победах опыт каждого, преломленный в неповторимой индивидуальности, есть неисчерпаемый источник новых мыслей, идей и вдохновения.

Особенно интересно складывались у Тарасова профессиональные творческие отношения (я бы назвал это сотрудничеством) с Анатолием Фирсовым и Александром Рагулиным. Одногодки, пришедшие в команду почти одновременно в 1962 году, они к 1965-му выросли до уровня несравненных лидеров национального хоккея в своих амплуа.

Фирсов был (и остается) натурой одержимой, готовой на любые отчаянные поиски, сулящие новизну и остроту ощущений, риск и азарт. Но в этих исканиях Анатолий оказался удивительно терпеливым и выносливым. Поспешность в достижении цели ему претила. Фирсов всецело доверял Тарасову, ни на йоту не подвергая сомнению верность его суждений. Преданность тренеру и другу была безграничной.

Тарасову хватило в начале своего взаимодействия с Фирсовым лишь одного напутственного разговора, раскрывшего перед Фирсовым весь горизонт его активной жизни в спорте. Этот, так сказать, монолог (Фирсов лишь жадно слушал) содержал два основных постулата. Первое: жизнь в хоккее — это всегда и только служение идеи и делу. Второе — наделенный удивительным природным даром в виде необычайно пластичного двигательного навыка, Фирсов должен развить его до совершенства и стойкости, что будет долго служить ему фундаментом для формирования небывалого индивидуального мастерства. Соблюдение этих двух основополагающих условий может принести Фирсову невиданный успех и мировую славу. Никакой детализации, никаких частных в этом разговоре Тарасов не касался. С этого момента у двух кудесников хоккея началась тяжелая и кропотливая работа. Работа столь одержимых и самых, пожалуй, преданных хоккею людей.

В первую очередь Фирсов, очертя голову, кинулся в 1962 году «поднимать атлетизм»: неумемно, но творчески возился со штангой и другими отягощениями, очень много занимался беговой (и особенно спуртовой) подготовкой, с любовью оттачивал технику бега на коньках, вырабатывая свой оригинальный, многогранный (убаюкивающий, дезориентирующий соперника) коньковый ход.

Результаты труда этого удивительного дуэта «тренер — спортсмен» известны всему миру и навсегда вошли в историю мирового спорта.

О Фирсове следует рассказать более подробно, хотя рассказ этот может быть бесконечным. Как пра-

Последние
Правительственные
награды

Последние публичные почести (1972 г.)

Круг замкнулся.
Спустя 35 лет —
снова в футболе
(1974 г.)

Футбольная команда ЦСКА (1974-75 гг.)

«Золотая шайба» — это, прежде всего, дворовый хоккей

«Юноша, покажите хорошую злость при выполнении броска по воротам!»

Слава — удел личностей

Долгожданная дискуссия с легендами НХЛ
(Г.Хоу и Б.Халл, 1974 г.)

Так выглядит эмблема перстня Зала хоккейной славы.
Обладатель такого перстня имеет пожизненное право
свободного посещения всех матчей НХЛ

В Зале хоккейной славы рядом
с собственным постером (1977 г.)

Канада вернула Тарасову способность ходить (в госпитале
Ванкувера после операции тазобедренного сустава)

Первые шаги
после операции

Знакомство с тренировкой «Ванкувер Кэнакс»

Вместе с Третьяком на тренерском семинаре

С владельцами и руководством клуба
«Ванкувер Кэнакс»
(семейство Гриффитсов)

Лучший футболист (Пеле),
лучший хоккеист («Тумба»)
и ...

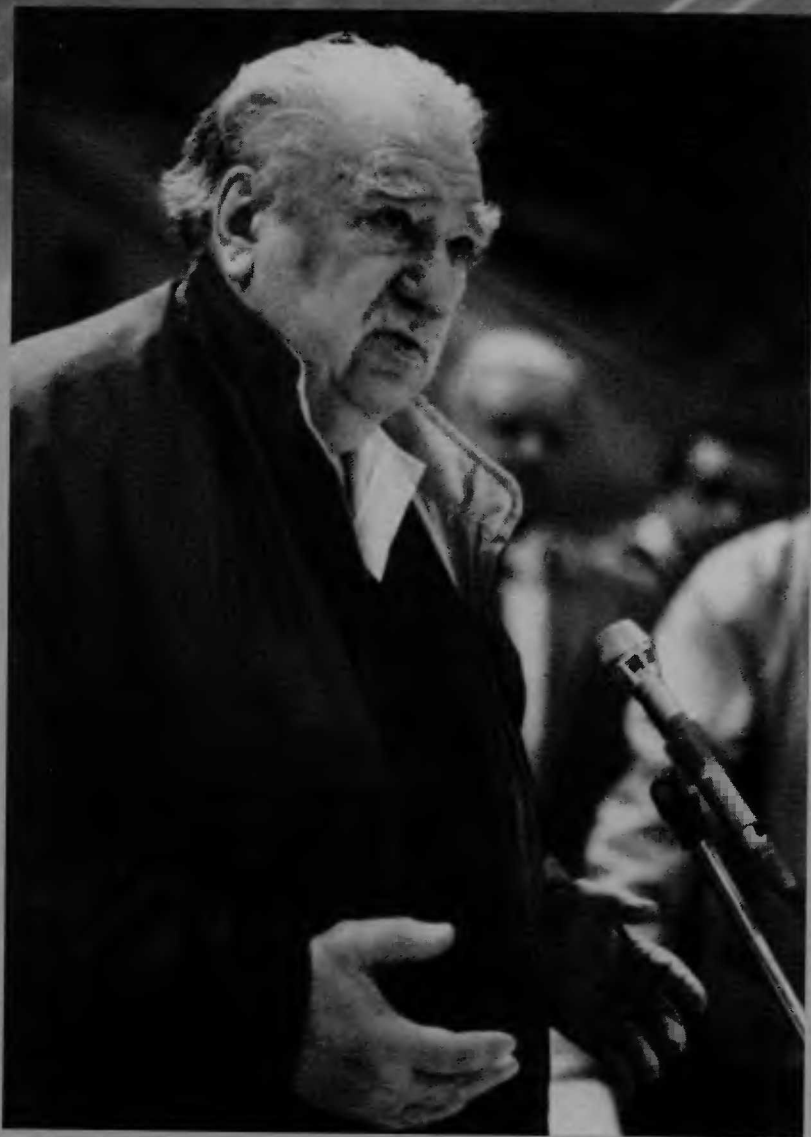

С давним другом
Свенном
Юхансоном
 («Тумбой») в период
завершения
строительства
его гольф-клуба
в Москве

Президент НХЛ
награждает
А.В.Тарасова
перед
московскими
зрителями
(1991 г.)

До последних дней и трибун,

и писатель,

и лектор,

...и все равно ТРЕНЕР

вило, внешние атрибуты хоккея (очки, голы, турнирное положение и составы команд), окутаны эмоциональной аурой страстей, характерных для массового восприятия игры. Они всегда скрывают движущие механизмы и главные характеристики хоккейного действия, его важнейшие и объективные показатели. Истинный вклад спортсмена в развитие своего вида спорта, особенно если это командный вид, зачастую ускользает от внимания большинства болельщиков. Он до конца понятен лишь узкому кругу истинных любителей игры или специалистам.

Анатолию Фирсову принадлежит национальный (всесоюзный) рекорд пребывания на хоккейной площадке во время одной игры — 42 (1) минуты чистого времени (данные А.В.Тарасова — В.А.). Этот рекорд состоялся, если мне не изменяет память, в ходе финального матча на Кубок СССР в сентябре 1973 года. ЦСКА встречался с челябинским «Трактором», который был в отменной форме, победив перед этим в полуфинале «Спартак» — 9:4 («Спартак» попал под «Трактор», писали газеты). Было самое начало сезона, команды Высшей лиги, даже (особенно!) ЦСКА, медленно и тяжело втягивались в трудовой ритм. С самого начала игры армейцы явно недооценили «Трактор», и в последней 20-минутке им для победы требовалось забить минимум три шайбы. Фирсов, находясь уже в весьма преклонном (32 года) хоккейном возрасте, был к тому моменту не просто игроком-ветераном, но и играющим тренером. Тарасов, пытаясь переломить ход поединка, уже во втором периоде выпускал Фирсова через смену — то в его звене, то задним

четвертым нападающим при игре в большинстве и при равенстве составов, то «убийцей времени», когда ЦСКА был в меньшинстве. Как ни удивительно, Фирсова на все это хватало, от него исходила постоянная угроза воротам соперника, но гола все не было. В третьем периоде можно было наблюдать удивительный рисунок игры — события происходили только в зоне челябинцев. Фирсов проводил на льду четыре смены из пяти. Только в этой трети матча он один сделал по воротам «Трактора» 12 бросков и щелчков. С трех его передач были забиты победные голы. В объемных действиях Анатолия не было отчаянной обреченности и надрыва, не ощущалось неимоверных сверхусилий за гранью возможного. Были лишь упорство, азарт, терпение и неукротимая воля. Армейцы победили со счетом 6 : 2. Покидая лед, Фирсов выглядел изможденным, но неистребимый озорной прищур и искорки в глазах, подкрепленные лучезарной улыбкой говорили о его полном самоконтроле и постоянной готовности к новым испытаниям.

В декабре 1968 года, после турнира «Приз Известий» (правда, тогда он еще так не назывался) и перед Новым годом, у Анатолия Фирсова впервые проявилась язвенная болезнь желудка и 12-перстной кишки. Он был срочно доставлен в госпиталь имени Бурденко, где, находясь на строгой диете, подвергся курсу весьма интенсивного медикаментозного лечения. Стандартная минимальная продолжительность лечения этого заболевания в стационаре — шесть недель, при условии максимального физического покоя. У Фирсова времени было в обрез, так как меж-

ду последним сыгранным им матчем в Москве (04.12.1968) и первым матчем предстоящего турне сборной СССР по Канаде (19.01.1969) было всего 45 дней. Сборная тренировалась, Фирсов лечился. Когда я навестил его в середине курса лечения в госпитале, он выглядел уверенным и внешне спокойным; строго соблюдал предписанные ему режим и диету. Но взгляд его выражал состояние загнанного зверя. Глаза мучительно просились на волю, в родную, привычную стихию неумного труда и нагрузок. Через 40 дней пребывания в госпитале Фирсов без всякой тренировочной подготовки отправился в составе сборной за океан. Чтобы плавно втянуть его в рабочий ритм, Тарасов с Чернышевым предложили Фирсову, тренируясь и восстанавливая силы в ходе канадского турне, пропустить первые три матча (с 19 по 22 января) и дебютировать только в четвертой игре. Эта игра проходила в столице Канады в обстановке небывалого ажиотажа. От хозяев ждали только победы, так как первые три матча были провалены полностью (2 : 4, 0 : 7, 3 : 8). Фирсову было поручено действовать преимущественно в атаке и вдали от бортов, избегая оборонительных функций и столкновений, дабы уменьшить в дебютном выступлении общую нагрузку. В течение первых 30 минут (полтора периода) Фирсов со своей сменой выходил на лед 10 раз. Он забил за этот отрезок времени шесть (!) первых сухих шайб! И после этого был немедленно отправлен тренерами на заслуженный отдых до конца игры. Этот фейерверк одного игрока, «театр одного актера», произвел на аудиторию и канадскую спортивную общественность ошеломляющее впечатление. Именно тогда

скаут «Бостон Брюинз» (Фирсов об этом узнал через несколько лет) пришел в последнем перерыве в раздевалку сборной СССР для обсуждения с Тарасовым возможностей и условий покупки игрока нашей сборной под № 11. Напомню, что в том сезоне «Брюинз» с Б.Орром и Ф.Эспозито начали победный подъем команды к Кубку Стенли.

Спустя много лет после окончания карьеры игрока, находясь вдали от активной спортивной деятельности, Фирсов получил от своего учителя неожиданное задание-предложение. Заметно располневшему ветерану предлагалось за один месяц (то было лето 1985 года — Фирсову 44) похудеть на 12 — 15 килограммов для участия в показательном видео-семинаре юношеского хоккейного клуба Финляндии. Семинар предусматривал съемки учебного видеофильма для детей. Руководить семинаром было предложено А.В.Тарасову. Я располагаю полной копией этого видеофильма и был бы рад привести на страницах книги сюжеты с участием Фирсова. Даже стоп-кадры основных технических приемов в исполнении Анатолия красноречиво свидетельствуют о его фантастической спортивной неувядаемости. Те же, что и 20 лет назад, стройность, отточенность и взрывная резкость движений, работа ног, хлесткость замаха и удара по шайбе. К сожалению, стоп-кадры не передают того юношеского задора и первобытной радости, с которой Фирсов вместе с детьми исполнял атлетические упражнения (кувырки, кульбиты, сальто) и пробежки, скачки и прыжковые приседания на одной ноге, постоянно подбадривая и заражая азартом своих маленьких партнеров-учеников. Глядя на

эти кадры, я часто задумываюсь над тем, как мало мы знаем о тайнах истинного ремесла (какой бы сферы деятельности это ни касалось) и его беззаветно преданных подвижниках.

Когда писались эти строки, я случайно оказался свидетелем телевизионного репортажа о хоккейном матче ветеранов Чехии и СССР. Одним из комментаторов был заслуженный мастер спорта СССР Вячеслав Анисин, воспитанник армейской хоккейной школы, а ныне старший тренер команды «Крылья Советов». В своем реминисцентном комментарии Вячеслав сослался на мнение знаменитого американского хоккейного тренера Херба Брукса, победителя Олимпиады 1980 года, а затем тренера «Нью-Йорк Рейнджерс». Тот, как выяснилось, считал Анатолия Фирсова лучшим хоккейным нападающим всех времен и народов, подчеркивая как основное его несравненное достоинство рациональность и гармоничность двигательного навыка спортсмена. Каково совпадение мнений специалистов-тренеров двух разных эпох!

Создавая в 1971 году новую пятерку игроков для модификации построения игры, Тарасов, если оценивать точно, предпринимал эту попытку в третий раз. Первоначально, в 1965 году, он создавал так называемую «систему», пятерку хоккеистов, воплощавших нестандартную схему расположения и соответствующее распределение их функциональных обязанностей. Пятерка состояла из двух выдвинутых далеко вперед нападающих, двух полузащитников и одного центрального защитника, названного по-футбольному стоппером. Полузащитниками были игро-

ки с большим диапазоном действий, выполнявшие как атакующие, так и оборонительные функции. Хавбеки, как Тарасов предпочитал называть их на английский манер, были главным средним эшелонem и наступательной, и оборонительной фазы игры. Тренер видел, что при стремительном переходе от обороны к атаке и наоборот, столь характерном для хоккея, требуется высокая активность и численное превосходство игроков. Поэтому два полузащитника, то есть игрока средней линии, были идеальным схематическим вариантом для решения такой задачи. Мобильные и активные, они должны были из глубины поддерживать наступление (вторым эшелонem) и начинать (первым эшелонem) оборону уже вдали от своих ворот. Один из хавбеков тяготел к нападению (как бы третий нападающий в старом схематическом выражении), а второй — к оборонительным действиям, активно поддерживая своего стоппера, охраняющего, в основном, пространство перед собственными воротами. Большая активность и мобильность хавбеков призвана была обеспечить команде Тарасова численный перевес в начальной стадии атаки на чужие ворота (два форварда + два хавбека при входе в зону соперника). С другой стороны, при откате на рубеж обороны своей зоны, всегда гарантировалось по крайней мере численное равенство с соперником (два хавбека + один стоппер против трех нападающих соперника). «Система» в команде первого поколения была доверена надежным и добротным игрокам с хорошей хоккейной выучкой. Тогда Тарасов еще не отваживался проводить рискованные эксперименты на премьерах. В нападении играли очень

быстрые Ионов и Моисеев, хавбеками были Ромишевский и Мишаков, а стоппером — физически очень мощный Зайцев. Эксперимент проводился в рамках национального чемпионата. Он проходил сложно, с перебоями и даже провалами. Но со временем статистика упрямо подтверждала жизнеспособность выдвинутой идеи. «Система» упорно выигрывала большинство микроматчей и почти не знала поражений. Необходимо снова подчеркнуть, что все пятеро были большими и полностью сформировавшимися мастерами, некоторые из них в тот период уже стали чемпионами мира и Олимпийских игр. Однако по своим индивидуальным природным качествам, они были ограничены в возможности самовыражения, проявления нестандартного и гармоничного мастерства. Став добровольными и сознательными участниками смелого эксперимента, они доказали результативность воплощаемой идеи, достигнув в этом своего потолка.

В 1965 году в ЦСКА появилось новое звено нападающих, потенциал которого оценивался необычайно высоко. Время это подтвердило, а игроки оправдали возлагавшиеся на них надежды. Викулов, Полупанов и Фирсов за полтора сезона превратились в сильнейшую тройку нападающих мирового хоккея. Перед чемпионатом мира 1967 года Тарасов, уже имея положительные наработки с «системой» в исполнении Ю.Моисеева и партнеров, предложил лучшей тройке нападения постепенно осваивать элементы нового построения игры. Идеальной парой защитников для звена Фирсова был опытный и лучший наш оборонительный тандем Э.Иванов — А.Рагулин.

Александр Павлович Рагулин, или, как любовно-уважительно величали его Тарасов и вся команда, «Палыч», мог быть идеальным стоппером. С редким тактическим чувством пространства, дистанции и оптимальной игровой позиции, массивный и мощный, удивительно рациональный в энергетических затратах, внешне флегматичный, бесстрашный Палыч с таким набором качеств не имел себе равных в новом амплуа. Он мог даже обогатить эту тактическую роль, придавая ей индивидуальный рагулинский колорит. Эдуард Иванов, напротив, был более мобилен, тяготел к освоению больших пространств на хоккейном поле с постоянным желанием активно поддерживать нападающих в атаке. Он был лучшим (наряду с динамовцем Виталием Давыдовым) в подвижном силовом единоборстве вдали от бортов, что делало его идеальным разрушителем развивающихся атак противника. Поэтому и роль «оборонительного» хавбека ему очень подходила.

Молодой Виктор Полупанов просто излучал физическую мощь, имел прекрасную атлетическую подготовку и в традиционной схеме играл слегка оттянутого, но обрушивавшегося вторым эшелонном на ворота соперника, центрального нападающего. Он охотно и мгновенно затевал борьбу за потерянную шайбу в чужой зоне, покрывая ее огромными шагами. Там же отважно вступал в силовые единоборства с соперниками у бортов и почти никогда в них

Рассказывают, что когда Иванов, завершая карьеру игрока, доигрывал в команде СКА (Калинин), он при позиционном наступлении своей команды в одиночку «запирал» чужую зону защиты, контролируя всю протяженность синей линии.

не оказывался поверженным. При всем этом бесстрашие Полупанова казалось, да простит меня Виктор, безотчетно животным, просто «биологическим». Сам собой вырисовывался портрет образцового атакующего полузащитника.

Далеко впереди, постоянно держа тыл соперника в напряжении, красиво и лихо маневрировали два острых крайних нападающих — Викулов и Фирсов. О последнем многое было и еще будет сказано в этой книге, а вот характеристика Владимира Викулова просится сюда сама собой. Но сначала немного теории.

Тарасов видел и понимал, что при нарастающих с годами скоростях катания три нападающих, врываясь в чужую зону, создают порой помехи друг другу, особенно при перекрестном маневрировании. И это «удлиняет» атаку, делает ее долгой, притупляя остроту. На пространстве шириной 20 метров (поперечник хоккейной площадки) трем игрокам (добавьте сюда обороняющихся) тесно — скоростной маневр ограничен. Двое же быстрых, «крылатых» (любимое слово Тарасова применительно к быстрым нападающим), да еще «разноруких» форвардов, с такой шириной фронта атаки чувствуют себя свободнее. Если их движение стремительно и скоростная техника высока, такой простор им всегда на руку.

Владимир Викулов так же, как Фирсов, но по иному, был наделен своеобразной манерой движения рук и ног. Его катание казалось плавным, так как он почти не отрывал коньки ото льда. Стартовое ускорение его было необычайно мощным и быстрым, но незаметным, поскольку выполнялось без видимых усилий и напряжения. Корпус всегда держался по-

чти прямо, голова никогда не наклонялась при любом дополнительном усилии. Пластичность и скрытая мощь катания на коньках позволяли Викулову легко и внезапно менять направление движения в чужой зоне, «сваливать с себя», пусть даже на мгновение, прилипшего опекуна. Смена ритма и направления бега, этакое плавное зигзагообразное маневрирование помогли Викулову выработать самобытный стиль владения клюшкой и контроля над шайбой. А это, в свою очередь, определяло скрытность и полную внезапность большинства его кистевых бросков. Викулов был скоростным нападающим, любившим широкое, но рациональное маневрирование. Но каждый маневр его был полон смысловой направленности. «Умное и незаметное движение в зоне соперника — есть залог успеха в атаке». Так лаконично и исчерпывающе определил однажды свою тактику сам Владимир Викулов. Он был творческим хоккеистом, с большим и здоровым чувством собственного достоинства, знавшим свой потенциал и себе цену. И поэтому «после Тарасова» ни один тренер (кроме бывшего партнера по ЦСКА Константина Локтева) не мог «подобрать ключи» к этому самолюбивому спортсмену, с тем, чтобы использовать его огромный опыт и фантастические игровые навыки. Убежден, Викулову было достаточно не разделять концепции тренеров сборной (Боброва, Кулагина, Тихонова), чтобы отказываться играть в несвойственный, чуждый ему хоккей (т.е. выполнять не самые подходящие для него функции). Своим вкладом в историю отечественного хоккея Владимир Викулов заслужил право самостоятельно выбирать себе и партнера, и на-

ставника в соответствии с собственными представлениями о заслугах и чести. И самому определять, в какой хоккей и как он должен играть. Великая школа А.В.Тарасова всегда была тому порукой. Для иллюстрации степени недооценки значения Викулова для сборной достаточно подчеркнуть следующее. Ни Бобров, ни Кулагин, отлучившие Викулова от сборной 1974 — 1977 годов по субъективным соображениям, за свою тренерскую карьеру не воспитали ни одного игрока, способного хотя бы приблизиться к Викулову по масштабу и мастерству.

Уйдя из большого хоккея в возрасте 32 лет, Владимир Викулов громко захлопнул дверь в свою кладовую хоккейного мастерства, ключи от которой так никому и не отдал. Потому что по прихоти «тренеров-начальников» был лишен возможности живым примером игрока влиять на воспитание и рост мастерства своих молодых партнеров. Редкий талант и редкий мастер, верный соратник и последователь Анатолия Тарасова много лет работает в ДСШ ЦСКА, прививая «малолеткам» азы хоккейного мастерства.

Надеюсь, теперь понятно, почему Тарасов считал Викулова и Фирсова в 1967 году идеальной парой нападающих для своей новой системы игры 2+2+1. Международный дебют «системы» прошел блистательно. Каждая четвертая — пятая атака этой пятерки на ворота соперников в семи матчах мирового чемпионата завершалась голом. Квнтет Фирсова забил на том чемпионате более половины всех голов сборной. Такой высокий коэффициент полезного действия не демонстрировала еще ни одна команда мира.

История «системы» насчитывает, как мы уже упоминали, три периода. Прерывистость существования этого новшества, неоднократный возврат к необычной схеме игры происходили по ряду объективных причин. Главная их них — отсутствие надлежащих исполнителей, способных как сознательно, так и в силу своих индивидуальных спортивных качеств, играть в новый хоккей. Мы уже говорили, что «система» в бытность пятерки Ю.Моисеева очень быстро достигла своего объективного потолка, и стало понятно, что для ее развития необходимы новые, выдающиеся исполнители. Когда в 1971 году последовало окончательное расставание с В.Полупановым, снова встал вопрос о новых проводниках в жизнь тренерского замысла.

Важно понять, что для Тарасова «система» не была самоцелью, а ее исполнители не становились «заложниками» изыскательского нрава тренера. Просто для ударного, всепобеждающего воплощения такой схемы игры был необходим подбор особо выдающихся исполнителей.

Вернемся в 1971 год и оценим один из главных побудительных мотивов, по которому А.В.Тарасов снова обратился к проблеме «системы», о чем он откровенно рассказал в своей книге «Путь к себе». К тому периоду в команде ЦСКА (и сборной СССР) появился ряд выдающихся мастеров, заметно обновивших лицо команды и продолживших победные традиции клуба. Самым одаренным и ярким из этой плеяды был, безусловно, Валерий Харламов, ставший уже трехкратным чемпионом мира. Вместе с

Б.Михайловым и В.Петровым они составляли сильнейшее звено нападающих мирового любительского хоккея. И этим все сказано, так как о Харламове всем все известно. Тарасов задумал обогатить игровой принцип фирсовской «системы» несравненным исполнительским потенциалом В.Харламова. Но эти подробности важны для того, чтобы понять, как трудно было Тарасову убедить самого себя в том, что усиление звена Фирсова за счет ослабления тройки Петрова суммарно даст команде ее общее усиление. Иными словами, степень усиления звена Фирсова будет выше, чем степень ослабления тройки Петрова.

Но не менее важно в этой истории то, что, кроме желания усилить игру сборной в целом, Тарасов стремился «продлить спортивную жизнь великих ветеранов, А.Фирсова и А.Рагулина» в элите мирового хоккея. Это была поистине благородная, но очень рискованная цель. Фирсову к тому времени становилось все сложнее быть на острие и передовом рубеже атаки, требования к которой сам Тарасов постоянно повышал и ужесточал. Эффективно «вспарывать», как прежде, чужую оборону Фирсову удавалось все реже, его слишком хорошо знали во всем мире уже восемь лет. Несмотря на гигантский арсенал средств и колоссальный опыт, нашему лидеру уже не хватало запаса сил для безостановочной борьбы, ставшей откровенно безжалостной в глубине чужой зоны. Постоянный его партнер В.Викулов сохранял и даже немного наращивал мастерство игры, располагая огромным технико-тактическим опытом. А начавшееся невольное и почти незаметное отставание Фирсова снижало потенциал Викулова и зве-

на в целом. И если в ЦСКА это как-то компенсировал молодой труженик В. Трунов, то в сборной СССР «латать» изъяны Фирсова было непозволительной роскошью. Требовалось найти какой-то способ усиления (казалось, куда еще!?) игры Фирсова в условиях ужесточившегося хоккея. И Тарасов понял, что Фирсова следует отдалить от переднего фронта атаки, переведя в полузащиту, а точнее, в «полунападение». На большем оперативном просторе, как вширь, так и в глубину, Фирсов с его техникой и тактическим чутьем делается неуловимым для соперника, который не сможет оттеснять его к бортам.

Не менее был озабочен тренер спортивной судьбой Александра Рагулина, хоккеиста, бессменно игравшего в сборной уже 12-й сезон. История и характер отношений Тарасова и Рагулина совсем не похожи на дружбу с Фирсовым. И об этом хочется отдельно рассказать.

Александр Павлович Рагулин был приглашен в сборную СССР для участия в чемпионате мира 1961 года, когда ему было 19 лет. Никогда прежде в сборной СССР не было такого юного (!) защитника. Рядом с великими Сологубовым, Трегубовым, Сидоренковым дебютант Рагулин не только не ступовался, а выглядел равным и даже, с поправкой на отсутствие международного опыта, иногда более современным игроком обороны. Рагулин начинал спортивную карьеру в воскресенском «Химике» (хотя был коренным москвичом), стиль игры которого так резко критиковал Тарасов. Но Александр и по своей гренадерской фактуре, и по уравновешенности характера, и по возрасту был создан для другого хоккея —

хоккея будущего. Поэтому летом 1962 года он получил приглашение на переход из «Химика» в ЦСКА. Обстоятельства «вербовки» Рагулина по сегодняшним меркам выглядели просто комично. Сначала московскую квартиру Рагулиных неожиданно посетили командированные Тарасовым парламентарии — Б. Кулагин и В. Александров. Им отворила дверь мама братьев Рагулиных, весьма интеллигентный, я бы даже сказал, рафинированный педагог. И тут выяснилось, что визитеры явно навеселе. Они немедленно были выставлены из дома, так и не успев объяснить до конца цели своего прихода. Решающая встреча у Рагулина состоялась позднее уже с самим Тарасовым. Александр держался независимо, ибо никакие «коврижки» ему не были нужны — участие в сборной, квартира, машина и все остальные атрибуты «благополучия» уже имелись. Но изобретательный Тарасов привел неожиданный довод, который, по словам А. П. Рагулина, оказался убойным. «У тебя будет профессорская пенсия! — уверил его тренер. — Соглашайся, не пожалеешь». Согласие было достигнуто, тем более что в том же сезоне в ЦСКА вливался прекрасный защитник Э. Иванов, как бы самой природой созданный напарником для Рагулина.

Описывая хоккейную и армейскую судьбу Рагулина, следует сразу сказать, что идеального творческого союза, абсолютного единомыслия с Тарасовым у него никогда не было. Александр Павлович был как бы «над схваткой». Его не требовалось убеждать, а тем более вдохновлять, следить за его исполнительностью, дисциплиной. Палыч с юности был настолько цельной и независимой натурой, что, выполняя

дело своей жизни, даже в мыслях, внутренне, не мог опуститься до неисполнительности, разгильдяйства, безответственности. Рагулин принимал «истязательную» доктрину Тарасова формально, напоказ безоговорочно. И, хотя прекрасно понимал педагогическое значение живого примера, внутренне с этой доктриной не во всем соглашался. Но в силу природного такта и надлежащего воспитания, Палыч ничем и никогда не обнаруживал своего несогласия с тренером. Работало как бы неписаное (но никогда не оговоренное) джентльменское соглашение. И если в отношениях Тарасова с Фирсовым следует говорить о беззаветной преданности игрока тренеру, то в случае с Рагулиным, казалось, имел место «договор о взаимопонимании» и профессиональный паритет.

Долгое время А. Рагулин был самым рослым и тяжеловесным в команде (как ЦСКА, так и сборной СССР), но непринужденность маневра и катания имел завидную. Особенно беспощаден был у бортов и на «пятак», где соперника просто сминал. Выполнял он все это внешне нехотя, избавляясь от соперника как от назойливой мухи. Однажды, а было это в 1973 году, я оказался вместе с Вениамином Александровым в длительном «медицинском заключении». Лечили оба язвенную болезнь желудка в том же, что и Фирсов госпитале имени Бурденко. Времени для разговоров и воспоминаний уйма. Тогда-то Вениамин и рассказал мне о том, что произошло однажды в Колорадо-Спрингс на первом международном турнире «Мемориал Брауна» (1964). Организовал его весьма богатый человек (говорили, что он являлся «свинцовым королем» США), хозяин

крупнейшего в городе крытого стадиона «Бродмур Арена» Тайер Татт. Турнир был посвящен памяти почившего в том же 1964 году выдающегося спортивного деятеля Северной Америки Уолтера Брауна, одновременно совладельца и президента двух гигантов профессионального спорта — «Бостон Брюинз» и «Бостон Селтикс» (НХЛ, хоккей, и НБА, баскетбол, соответственно; для непосвященных). Тайер Татт уже более пяти лет всячески содействовал хоккейным контактам между СССР и США (подробнее об этом ниже).

«Мемориал Брауна» 1964 года представлял собой двухкруговой турнир сборных Канады, Чехословакии и СССР. И первую же встречу мы провели с нашими вечными «друзьями-соперниками» (как любил выражаться Н. Н. Озеров), хоккеистами ЧССР. Игра получилась не самой честной. «Партнеры по соцлагерю» постоянно учиняли мелкие провокации, действовали против наших, нанося удары исподтишка. Тренеры запрещали отвечать на эти выходки, так как счет в первом периоде рос в нашу пользу и достиг 3 : 0. В перерыве негодующие игроки потребовали от Тарасова и Чернышева прав на получение сатисфакции, и они были даны. Второй период превратился в тотальную «охоту» на игроков сборной ЧССР. В одной из пауз между локальными «сражениями» Александров попрекнул Палыча тем, что при его габаритах он мог бы не уклоняться и активнее участвовать в силовых боях. Рагулин пояснил, что не поспевает к стычкам, так как они происходят вдали от ворот, подступы к которым он охраняет. «Подвезите ко мне кого-нибудь, тогда и посмотрим, кто укло-

няется», — сказал Рагулин. Вскоре в одну из атак сборной Чехословакии подключился защитник Ф.Тикал. Он устремился с шайбой вдоль бокового борта в глубину зоны и, оттесненный Александровым в угол, повел шайбу уже вдоль лицевого борта за ворота. Здесь сопротивление нашего форварда на мгновение усилилось, и Тикал, резко замедлив ход, остановился у борта почти за воротами. Тут же Вениамин Александров вынужден был немедленно бросить своего подопечного, так как из глубины зоны, уже набрав немалую инерцию, с клюшкой наперевес размашистым шагом катил А.Рагулин. «Центнер живого веса» (как любил говорить о Рагулине А.В.Тарасов) «попал» в Тикала точно. Целый сектор лицевого борта и плексигласового щита (вместе с Тикалом и Рагулиным) с грохотом обрушился на пол. Тикала унесли с поля с переломанными ребрами. Выломанный сектор хоккейной коробки минут 20 пытались закрепить на месте, как положено, а затем подперли машиной для заливки льда. Рагулин продолжал играть, как ни в чем не бывало. Сборная СССР победила со счетом 8 : 2.

Оказавшись в ЦСКА, Рагулин быстро стал там одним из лучших специалистов по умению точным пасом «смертельно разрезать соперника вдоль». То есть, как требовал Тарасов, одним пасом из глубины своей зоны вывести нападающего один на один с вратарем. Рагулину это было по душе, потому что при всей его мощи ему больше нравилось переигрывать соперника за счет мысли и изящного исполнения, чем за счет силового превосходства. Как любой сильный от природы человек, Рагулин не принимал

всерьез (особенно когда ему перевалило за 25) монотонные занятия в тяжелоатлетическом зале. Он считал, что силу должны наращивать те, у кого ее нет. И прямо, но, естественно, наедине высказал это как-то Тарасову. Мудрый педагог отделался шуткой, не приняв, но и не отвергнув соображения уже зрелого и титулованного тогда мастера. Так Палыч сумел отвоевать себе режим «наибольшего благоприствования».

На базе сборной СССР в зале тяжелоатлетов существовал «блин» от штанги, принадлежавший лично Александру Павловичу. Тот якобы 20-килограммовый круг, искусно изготовленный из дерева, полностью имитировал металлический. Никто в команде не смел прикоснуться к этому снаряду. И однажды несведущий новобранец сборной Евгений Зимин получил от Палыча нагоняй за невольную попытку лишить его любимой игрушки. Говорят, Тарасов прекрасно знал сколь «тяжел» блин, который «с трудом ворочал» на тренировках по атлетизму Рагулин.

С годами «живой вес» Рагулина достиг 115 килограммов. А хоккей за эти годы стал более быстрым и энергозатратным. Срочно требовалось адаптировать возможности ветерана Рагулина к новым условиям и требованиям игры. Ибо опыт его был бесценен и необходим. Так как мобильность Палыча резко поубавилась, прежняя роль форпоста и оплота обороны в его исполнении требовала заметной корректировки. Тарасов решил эту проблему, прибегнув к компенсационному принципу. В задней линии для смены акцентов в игровых обязанностях Рагулина требовался мощный хоккеист с

большим объемом игровых возможностей и богатым резервом. Такими игроками в тот момент были 24-летний Геннадий Цыганков и 22-летний Владимир Лутченко — хоккеисты, физически сильные, стальные, неуступчивые и живучие в единоборствах. Цыганков (как и Лутченко) был прекрасно подготовлен к выполнению большого объема действий и нагрузок, обладал подходящим атакующим потенциалом и отменным разрушительным навыком. Он отвечал всем требованиям роли хавбека оборонительного плана. Итак, «в условии задачи» имелись стоппер Рагулин, хавбеки Цыганков и Фирсов, форвард Викулов. Спрашивалось «в задачнике», кто из форвардов мог идеально завершить формирование этой пятиконечной «звезды»? Тарасов знал, что это должен быть игрок уникальный, совсем непохожий по стилю игровой композиции и восприятию хоккея на Фирсова и Викулова. Дабы дополнить их разнородность новыми индивидуальными гранями и значительно обогатить атакующий потенциал пятерки и всей команды.

Только Валерий Харламов, этот удивительный хоккейный самородок, был тем несравненным «самоцветом», способным идеально завершить художественную композицию этого ансамбля. Михайлов и Петров были наотрез не согласны с концепцией тренера, но Харламов ощутил в этом замысле свежее дуновение качественно новой игровой волны, и его верные партнеры, «наступив на горло» собственным интересам, благословили товарища на свершения.

Пятерка получилась на диво. Реактивные форварды в одиночку и с изобретательной поддержкой

Фирсова кромсали оборону любого соперника. Хавбеки в зародыше душили большинство контрвыпадов оппонентов, а стоппер Рагулин, как монолитный утес, цементировал оборону. В победной олимпийской серии Саппоро-72 у нас получился только один досадный сбой, когда мы не сумели победить шведов — 3 : 3. Но победа на Олимпиаде, как это ни покажется странным сегодня, не была высшей целью того памятного 1972 года, хотя ей все очень радовались. «На кону» была неслыханная ставка, которая олицетворяла смысл профессиональной деятельности, да и всей жизни А.В.Тарасова. Уже было известно, что в этом году должны завершиться переговоры о скорейшем проведении долгожданных матчей с хоккеистами НХЛ. Поэтому новое звено, его качественно новый хоккей, предназначались, главным образом, для тех принципиальных сражений.

Как уже говорилось, в силу объективных (возраст Фирсова и Рагулина) и субъективных (отказ Боброва от Фирсова) причин, эта пятерка просуществовала недолго. Но запомнилась она и вошла в историю как плод тренерского новаторства и гуманизма, как пример удивительной гармонии и взаимопонимания игроков и тренера, как образец безотчетной преданности «религии победы». Состояло это звено из людей, которых принято называть «детьми войны», родившихся в 1941 году и позднее, в трудные послевоенные годы. Направлял их и вдохновлял своей энергией и верой человек из славного советского поколения победителей. Поколения, не знавшего и не желавшего знать горечи поражений.

«БЕЗ» ТАРАСОВА

Разработанная Тарасовым и его соратниками методология построения здания отечественного хоккея позволяла рассчитывать на долговременные позитивные результаты. Созданное по замыслу Анатолия Владимировича в 1964 году всесоюзное движение «Золотая шайба» должно было стать и уже стало мощной питательной средой советского хоккея (об этом в своей книге рассказывает один из соратников Анатолия Владимировича и конструкторов «Золотой шайбы» А.Н.Ефименко). Возникли условия для одновременного решения двух важнейших задач: преодоления отставания от канадского хоккея и его опережения; воспитания необходимого числа выдающихся мастеров игры, способных добиваться долговременных побед (в те времена это по-большевистски принято было называть «кузницей кадров»). Победы эти, по замыслу, а затем и убеждению Тарасова, должны были стать постоянными. Ему удалось делом продемонстрировать реальность таких результатов.

Программа победного развития отечественного хоккея была предначертана и запущена на многие годы вперед. Даже после ухода из большого хоккея Чернышева и Тарасова, заложенный ими фундамент продолжал определять состояние любимой игры, нашего национального хоккея. Однако пришедшие им на смену новые «конструкторы» и «ар-

хитекторы» хоккея сумели перенять у Тарасова лишь часть его победного арсенала. В условиях разорения европейского хоккея «кровососами» НХЛ и отсутствия сборной Канады на чемпионатах мира, команде СССР, казалось бы, не должно было составить труда постоянно побеждать на мировых форумах. Однако из шести турниров половина была проиграна сборной ЧССР, причем в 1976 и 1977 годах поражения были закономерными и несомненными. Пришел черед (вслед за В.Бобровым) и Бориса Кулагина сдавать свои полномочия старшего тренера сборной. У него было два достойных заместителя — Константин Локтев и Владимир Юрзинов. По неписаным законам преемственности, по тем соображениям, что оба возглавляли два из трех лучших клубов страны, учитывая блестящий опыт их славных предшественников и прямых учителей, следовало ожидать именно их назначения на руководство национальной сборной. Но конъюнктура и логика высшего чиновного мышления непостижимы для рационального сознания. Команду доверили тренеру рижского «Динамо» В.Тихонову, передав ему «заодно» (понятно, что это было главным его условием) в полном великолепии чемпиона СССР, флагмана отечественного хоккея команду ЦСКА (где сегодня ЦСКА, где сегодня Тихонов? — В.А.). Об этом с понятным и неподдельным негодованием подробно рассказал в своей книге коренной армеец Вячеслав Фетисов. Назначенному «руководителю» отечественного хоккея казалось, что для многократных побед, для «непобедимости» (выражаясь языком Тарасова) советского хоккея достаточно создать

одну — две (лучше одну!) клубные команды с неограниченными возможностями. Возобладал ведомственный подход к хоккею. Государственный подход был предан. Как показало время, на таком багаже можно было продержаться (да и то, периодически теряя устойчивость) всего 10 — 15 лет. Подтвердился еще один важный тезис А.В.Тарасова: будущее принадлежит тем хоккейным специалистам, которые будут любить не себя в хоккее, а хоккей в себе.

Все последующие 15 лет монопольный руководитель сборной СССР был одержим единственной целью — доказать свою состоятельность как старшего тренера сборной страны. Не просто национальной команды, а сильнейшей сборной мирового хоккея. Единственным способом достижения этой цели, сверхзадачей, в представлении В.В.Тихонова, были постоянные, систематические победы в крупнейших международных соревнованиях. Этому было подчинено все, неограниченные «людские ресурсы» были мобилизованы для того, чтобы при комплектовании лучшей команды страны тренер мог иметь неограниченный выбор самых сильных игроков. Только через команду ЦСКА за 10 лет прошло более 50 иногородних хоккеистов, большинство из которых, став игроками армейского клуба и сборной страны, завоевывали звания чемпионов мира и Олимпийских игр. Их привлекали в национальную команду для выполнения локальной и конкретной задачи — победы в очередном мировом первенстве.

Попытаемся подвести итоги выступлений тренеров нашей национальной хоккейной команды на чемпионатах мира и Олимпиадах с момента ее первого международного дебюта.

Результаты выступлений сборных СССР и России на чемпионатах мира в период с 1954 по 1999 гг.

12122233-11111111

211123

11-111-312-1135

1554455

12 — под руководством Чернышева и Тарасова
(порознь и вместе)

12 — под руководством Боброва и Кулагина
(порознь и вместе)

12 — под руководством Тихонова с помощниками

12 — под руководством Михайлова, Васильева, Дмитриева,
Юрзинова, Якушева

Цифрами указаны места, завоеванные сборными СССР и России на каждом из чемпионатов мира за последние 46 лет. Прочерк (—) обозначает олимпийский год, когда чемпионат мира не проводился (1980, 1984, 1988) или год, когда наша команда не участвовала в чемпионате (1962). Цифры и их оформление, представленные в виде примера в колонке, даны применительно к различным тренерам.

Взгляните, какая тренерская чехарда воцарилась в последнее время у руля сборной России. За последние семь лет в национальной команде страны сменилось пять старших тренеров. Столько же, сколько за все предыдущие 35 лет. О чем это говорит? Во-первых, о далеко не лучших стереотипах руководства отечественным спортом, когда тренерский состав определяется не столько профессиональными показателями работы, сколько другими, не вполне понятными и явно не спортивными характеристиками. Во-вторых, об отсутствии единой концепции развития (правильнее сказать, выхода из кризиса) хоккея с шайбой в нашей стране, что во многом определяется проблемами экономики в целом.

Если математически выразить результаты спортивных достижений разных тренеров сборных СССР и России по хоккею с шайбой за всю его отечественную историю, то получим следующие показатели по итогам выступлений во всех турнирах масштаба чемпионатов мира и Олимпийских игр (с 1980 года эти соревнования проводятся порознь).

Тренеры	Период времени	Число Турниров	Среднее место
Чернышев и Тарасов (порознь и вместе)	1954 – 1972 гг.	18	1.44
Бобров и Кулагин (вместе и порознь)	1972 – 1977 гг.	7	1.57
Тихонов с помощниками (Юрзинов, Дмитриев)	1978 – 1992 гг. (+ ОИ 1994 г.)	17	1.76
Михайлов, Васильев, Дмитриев, Юрзинов, Якушев	1993 – 1999 гг.	8	4

Приход новых тренеров в сборную страны повлек за собой постепенное изменение менталитета руководства команды и ряда ее игроков от победного до паритетно-оппортунистического. Сначала был проигран, а правильнее сказать сдан чемпионат мира в Праге в пользу команды Чехословакии. Так, по мнению приверженцев нерушимости социалистического лагеря из ЦК КПСС, удалось подсластить очень горькую пилюлю, которую А.Тарасов «прописал» сборной ЧССР в Саппоро. Затем наступила ранняя осень 1972 года, и долгожданный урок, который мы готовились дать канадским профессионалам почти 10 лет, обернулся поражением сборной СССР по сумме восьми встреч. Мы с гордостью охарактеризовали это как выполненную нами историческую миссию по развенчанию давнего «мифа о непобедимости канадских профессионалов». Следующий год был ознаменован «громкой» победой в московском чемпионате мира, который оказался просто чемпионатом Европы. Мы поразили весь мир небывалой результативностью, забив в одном матче десятикрутового турнира (со сборной Польши) 1/5 всех шайб. Очередной чемпионат Европы хоть и «покорился», но с большим для нас трудом и немалым стыдом от провала в игре с Чехословакией со счетом 2 : 7 (по ходу игры счет был даже 0 : 7). Была еще одна заметная победа в 1975 году, а затем последовали два обидных поражения в чемпионатах мира 1976 и 1977 годов. Справедливости ради надо напомнить, что в тот же период была одержана убедительная победа на Олимпиаде-76 в памятном для нашего хоккея Иннсбруке. И все же к тому моменту обстановка в советском хоккейном хозяйстве стала такова, что требовала каких-то,

тогда еще непонятных перемен. Но сегодня уже можно (задним умом, как всегда) квалифицировать ту тягу к переменам как объективную потребность перехода к качественно новым условиям. Дальше руководить нашим хоккеем на победном уровне люди поколения Чернышева — Тарасова (а к ним относятся и Бобров, и Пучков, и Кулагин), видимо, не могли, так как просто эксплуатировали наследие своих великих предшественников, никак его не развивая. Во-первых, по причине того, что они были всего лишь «копиями», которые всегда хуже оригинала. Во-вторых, потому что в текущей эпохе они уже познали попеременно и радость побед, и горечь поражений. Сверхзадач перед собой эти люди не ставили, безудержным честолюбием не отличались (все больше мелочной гордыней). Так что двигать дальше победный советский хоккей должен был человек (тренер) новой формации — прагматичный (лишенный романтики поколения «победителей»), требовательный не «по образцу», крайне честолюбивый и фанатично преданный профессии. Таких реально было всего двое — В.В.Юрзинов и В.В.Тихонов (К.Б.Локтев в расчет не шел, так как был романтиком «тарасовского» типа). Оба динамовцы, ученики Аркадия Ивановича Чернышева — один столичный, второй — провинциальный (по месту работы). На стороне москвича преимущество в возрасте (на 10! лет моложе) и масса личностных достоинств. Однако по неведомым никому причинам сборную СССР, а вместе с ней и победный суперклуб страны ЦСКА (Третьяк, Михайлов, Петров, Харламов, Лутченко, Цыганков, Викулов, Жлуктов, Анисин, Александров и др.) передали (доверили) перед сезоном 1977 — 1978

годов Виктору Тихонову. Забегая далеко вперед, скажу, что поначалу А.В.Тарасов очень высоко оценивал успехи и достижения своего полного (в клубе и сборной) преемника. В 1984 году перед Олимпиадой в Сараево он даже называл его «выдающимся тренером», подобного чему от Тарасова больше, пожалуй, никто не дождался. Анатолий Владимирович умел по достоинству оценить профессионализм, без какого-либо налета эмоциональных (личностных) впечатлений. Но и сам же Тарасов подчеркивал взаимозависимость и органическую неразрывность в образе большого тренера человеческих черт и качеств профессионала.

«Тренеры бывают разные: одни любят командовать, другими движет любовь к хоккею. Первые властвуют. Они подчеркнуто демонстрируют гордость своей профессией. Это, как правило, сильные администраторы, они в ладах с прессой. Но не всегда такой тренер авторитет для игроков. А если все-таки авторитет, то, право, ненадолго» (А.Тарасов. Родоначальники и новички. Неопубликованные материалы).

Как точно сказано. Блеск победного золота, в завоевании которого огромная заслуга принадлежала В.В.Тихонову, недолго слепил талантливых и действительно выдающихся советских хоккеистов новой формации (Фетисова, Макарова, Ларионова, Крутова, Быкова, Каменского, Хомутова, Могильного, Федорова и других). Довольно бездушное, по свидетельству В.Фетисова, отношение старшего тренера к своим подопечным, выражавшееся исключительно как формальное превосходство над подчиненными, обернулось непримиримым и неискоренимым противоречием. В результате славный полувековыми традици-

ями, самый титулованный, несравненный отечественный хоккейный клуб ЦСКА раскололся на два лагеря. Худшего «памятника» А.В.Тарасову уже не придумать при всех стараниях, но и более «справедливой расплаты» за пренебрежение бесценным наследием великого тренера вообразить нельзя. Именно в этой главе следует рассказать о драматической развязке расставания Тарасова со сборной СССР, а затем и с самим большим хоккеем.

Уже вскоре после победы в Саппоро (в считанные дни) по Москве пронесся слух, что руководство страны недовольно исходом хоккейного турнира, ибо наша победа над сборной ЧССР лишила ее призового места. Надо было, будто бы, играть с «чехами» вничью. А Тарасов (конечно же Тарасов, кто еще?!) яростно и чуть ли даже не публично воспротивился этому, учув лишь намек на подобное соображение (даже не предложение). Как бы то ни было, под нажимом или в гордом порыве независимости, А.И.Чернышев и наш герой подадут в отставку, которая охотно принимается. Новый тандем тренеров проигрывает через полтора месяца чемпионат мира в той же Чехословакии. И тут же становится известно, что ранней осенью состоятся первые в истории официальные матчи профессионалов с любителями, Канады и СССР. Событие в спорте историческое, но, вместе с тем, и сугубо политическое. Мотивация последовавших за этим событий здесь преподносится в виде версии автора, основанной на ряде реально существующих документов.

В связи с поражением в чемпионате мира, первом за последние 10 (!) лет, а также осознанием необходимости победы в первой серии встреч с североамериканскими профессионалами, партийное руководство

страны (неплохо разбиравшееся в хоккее) могло потребовать возвращения непобедимых тренеров. Победа Тарасова и Чернышева над профессионалами была очень вероятной. Это означало бы крутой и отрицательный поворот в карьере министра спорта тов. Павлова, который в последние годы всячески пытался принизить перед высшим руководством значение хоккейных побед. К тому же незадолго до этого (в конце 1971 г.) первый тревожный звонок уже прозвучал. Из членов ЦК КПСС тов. Павлов был переведен в члены ревизионной комиссии ЦК КПСС — явное понижение. Дабы предвосхитить возможный и неугодный ход дальнейших событий, Павловым предпринимается рискованный, но опережающий шаг. На стол к кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, министру обороны маршалу Советского Союза А.Гречко ложится письмо министра спорта. Письмо сообщает о крайне неблагоприятном поступке тренера А.Тарасова, суть которого в следующем.

Якобы Анатолий Тарасов без ведома и разрешения официальных инстанций и организаций издает за рубежом (в Швеции) свою новую книгу «Хоккей — моя жизнь», а всю валютную выручку, скрыв сам факт издания, присваивает себе (сегодня звучит комично, не правда ли?). Помимо этого в качестве обвинения выдвигается соображение, что в «материалах, опубликованных в шведских изданиях, содержатся сведения, которые в нашей стране предназначены только для служебного пользования, так как раскрывают важные вопросы технико-тактической, физической и психологической подготовки сборного коллектива и команды

ЦСКА». Походя в письме также говорится о стремлении Тарасова к саморекламе во время любых и очень многочисленных интервью и общения с западной прессой. Дело доходит до обсуждения «нетерпимых» черт характера Тарасова, таких как «несдержанность, попытка исказить объективность, неискренность». И, наконец, тренер Тарасов обвиняется в «тактической незрелости и местнических тенденциях».

Программа-минимум с помощью этого письма была выполнена. Начинается разбирательство (официальные лица должны отреагировать на сигнал, компетентные органы разобраться), по инстанциям идут вереницы бумаг, в полном ходу официальная переписка. Анатолию Владимировичу приходится давать письменные объяснения. Министр обороны испытывает неловкость — его прямой подчиненный, да еще и партнер по теннису, то есть приближенное лицо, «не вполне чист на руку», что бросает тень на самого министра. Ясно, что активно заступаться за Тарасова он уже не будет. И в самом деле, Гречко самоотстраняется, поручая разобраться с этим вопросом своему заместителю генералу армии И.Павловскому. Дело получает огласку в узком, но достаточном для достижения поставленной цели кругу. Именно из этого круга лиц уже не может и не будет исходить инициатива о возвращении Тарасова в сборную. Параллельно с этим в прессе, подчиненной Спорткомитету, начинается кампания о «непобедимости» канадских профессионалов. Общественное мнение готовят к возможной неудаче в этих встречах. Одновременно слухам о стяжательстве Тарасова позволяют просочиться в журналистскую среду. Отчетливо помню, как один из известных

спортивных журналистов, оказавшись по случаю в больнице, где я тогда работал, в самый канун первой встречи СССР — Канада, доверительно, шепотом, рассказывал мне о готовности Тарасова раскрыть перед канадцами все тайны отечественной школы хоккея, ибо «деньги не пахнут».

На самом же деле книга действительно была издана. Но автором ее был не Тарасов, а шведский тренер и журналист В.Перссон, использовавший имя Тарасова. Содержала она, главным образом, материалы многочисленных интервью Анатолия Владимировича и его выступления на тренерском семинаре в Швеции в 1970 году.

В порядке комментария скажу только, что книга была издана без ведома и согласия Тарасова, о чем он немедленно известил шведское издательство.

Описанный эпизод из жизни А.В.Тарасова можно было бы интерпретировать, давая разнообразные объяснения мотивации подобных поступков, квалифицировать которые средствами нормативной лексики невозможно. Слабым утешением и вполне научным объяснением подобных явлений оказывается их сугубо биологическая, животная природа.

«...Борьба с самим собой за творческое совершенство — самый трудный вид борьбы. Этой трудностью объясняется стремление огромной части людей <...> обойти эту борьбу за собственное совершенство и избежать необходимого труда. И тут мы делаемся свидетелями отвратительного зрелища. Всякого рода плагиаты, интриги, клевета и т.п. часто применяются здесь за невозможностью действовать иначе...» (В.Ильин. Аскеза и творчество. Вестник РСХД. 1938. № 5).

BRAIN & MUSCLE-DRAIN

В послевоенные десятилетия возникло, сначала в международных отношениях, а затем и в научном мире, понятие *brain-drain*, что в переводе с английского означает «утечка мозгов». Так на Западе характеризовали процесс безудержной миграции в Соединенные Штаты Америки научной и интеллектуальной элиты остального мира. Поначалу лучшие умы Европы, главным образом ученые, ринулись в «просторные» американские научные «прерии» (прежде всего, многочисленные американские университеты и их лаборатории) к идеальным условиям работы и несравненным заработкам. Позднее их примеру последовали специалисты из Азии (Китая, Японии, Индии) и даже из Советского Союза. Затем таким же путем проследовали деятели культуры и искусства. Американцы раньше других поняли, что щедрые инвестиции в науку (а затем и искусство) очень быстро оборачиваются баснословными прибылями. И процесс этот — перманентно прогрессирующий.

Когда зрелищный бизнес (show-business) постепенно превращался на Западе в большую индустрию, профессиональный спорт был в авангарде процесса. Он стал достойной частью этого весьма прибыльного бизнеса. Всем известно, что долгие годы НХЛ включала очень узкий элитный круг из шести команд — двух канады (Торонто и Монреаль) и четырех США (Нью-Йорк, Бостон, Детройт, Чика-

го). Но «превосходство» Штатов оказалось чисто географическим, не национальным. Подавляющее большинство (99%) игроков были чистокровными канадцами. «Большая шестерка» снимала сливки со всего канадского хоккея. Поистине великолепные игроки, избранные из избранных, «оседали» в клубах НХЛ, составляя гордость канадского хоккея.

Но любой преуспевающей финансовой системе свойственно стремление к расширенному воспроизводству. Известно, как разрослась НХЛ за последние 30 лет (начиная с 1967 года) — с упомянутых 6 до 28 клубов в сезоне 1999 — 2000. И если раньше география НХЛ ограничивалась северной частью атлантического побережья США и бассейном Великих озер, то сегодня ее экспансия распространилась на всю территорию Соединенных Штатов и всю южную половину Канады. Поскольку международный (формально еще любительский) хоккей заявил о себе уже в полный голос, продемонстрировав, прежде всего, высокое качество своего «товара», к нему в начале 60-х уже начали присматриваться в НХЛ. Первым в профессиональную хоккейную Мекку прибыл выдающийся шведский нападающий Свен Юханссон-Тумба. Так в современном хоккее возник феномен «утечки мышц и мозгов» из остального мира в Северную Америку (*brain & muscle-drain*).

Хоккей, если оценивать его как общественное явление, выступает в двух ипостасях — как современный спорт со всеми его характерными чертами, с одной стороны, и как мощно раскатанная зрелищная индустрия, с другой. Эта неизбежная двойственность ведет к тому, что спортивная составляющая в

самых высших ее проявлениях проигрывает. НХЛ в силу своей финансовой неизбежности и всеядности, как безостановочное производство, поглотила весь остальной мировой хоккей. Финансовые корпоративные притязания стали выше национальных спортивных интересов. Национальная гордость канадцев как родоначальников хоккея отступила перед неумолимым императивом современного предпринимательства. Обладатель Кубка Стенли для большинства канадцев и (в меньшей степени) американцев важнее и священнее, чем канадский олимпийский чемпион по хоккею. Мне кажется, что произошла подмена понятий и ценностей, в частности, размывание национальной идеи в таком важном для Канады общественном явлении, как хоккей. И мне понятен скорбный, настойчивый призыв лучшего хоккеиста XX столетия Уэйна Гретцки к руководству НХЛ обязательно вернуться к вопросу участия команды Канады (НХЛ) в Зимних Олимпийских играх 2002 года.

Почему я так долго и дотошно говорю об этом? Потому что НХЛ, поглотив все лучшее, что создал остальной хоккейный мир, чисто по-североамерикански полностью узурпировала право на лучшее хоккейное действо и зрелище. Все остальные могут претендовать на него ровно настолько, насколько соизволит допустить сама НХЛ.

Вся деятельность А.В.Тарасова в течение 25 лет была направлена на обратное — на расшатывание непоколебимых устоев когда-то недостижимой НХЛ. И к середине 80-х формальные преемники Тарасова, во многом по инерции, заданной его идеями и начи-

наниями, довели уровень советско-канадских хоккейных отношений до равенства и довольно устойчивого равновесия.

Но Тарасову даже в условно «пенсионном» статусе, очень не терпелось идти еще дальше. Его идея об участии советской хоккейной команды в первенстве НХЛ носила, безусловно, проблематический характер. Однако она со временем перестала быть предметом только размышлений и умозаключений автора. Анатолий Владимирович довольно быстро сделал ее всеобщим достоянием. В многочисленных личных беседах с хозяевами клубов, менеджерами и тренерами НХЛ он высказывал ее настойчиво и убежденно, доказывая реальную возможность такого развития событий. Авторитет Тарасова в Канаде и США, благодаря его тренерским заслугам, был настолько высок, а его одержимость и неукротимая способность достижения поставленной цели так хорошо известны, что реальность воплощения этого замысла становилась вполне осязаемой.

Здесь следует сделать одно небольшое пояснительное отступление. Хоккей НХЛ, несмотря на его разбросанные по всему миру сети рекрутирования лучших игроков, несмотря на глобальную зрелищную популярность, является финансово-предпринимательским образованием довольно закрытого типа. Империя НХЛ, свободно доступная для выдающихся индивидуумов-спортсменов как работников гигантского зрелищного бизнеса, крайне нетерпима к любым внешним организационным притязаниям, к любой конкуренции. Достаточно вспомнить плачевный непродолжительный период существования

Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА), пытавшей-ся бросить дерзкий вызов самому факту существования НХЛ. Просуществовав не более семи лет, сократившись за эти годы вдвое (с 14 до 7 клубов), получив несмысленный ярлык «разорительницы канадской хоккейной колыбели», ВХА в конце концов почила вечным сном. А НХЛ аппетитно поглотила лучшие клубы этой ассоциации, расширив свое влияние как географически, так и финансово. Любое посягательство на устои финансовой машины НХЛ встречало яростное сопротивление магнатов хоккейного бизнеса. Для сохранения интеграционной мощи своего предприятия владельцы лиги и клубов готовы были пойти на любой шаг, вплоть до закрытия игрового сезона, как это было в период забастовки профсоюз игроков НХЛ в 1996 году.

Поэтому притязания А.В.Тарасова на спортивное право советского хоккейного клуба померяться силами с командами НХЛ в североамериканском чемпионате представляли реальную угрозу для авторитета лиги и ее мировой славы. Тем более, что все были свидетелями равного противостояния многих советских команд (ЦСКА, «Динамо», «Крылья Советов», «Спартак», «Химик», «Динамо» Рига) клубам НХЛ в товарищеских матчах на стадионах наших соперников. Еще более удручающим для канадцев был тот факт, что и юношеские, и молодежные советские команды любого ранга (клубные, сборные) громили канадских сверстников в ходе своих ежегодных турне по Северной Америке. Обоснованность претензий Тарасова подкреплялась еще и тем, что двери НХЛ были неограниченно и широко открыты для любого

числа иностранных игроков. Ежегодно клубы лиги пополнялись не одной дюжиной европейцев. Тарасов также намеревался «пополнить» ряды НХЛ 25 европейцами — советскими игроками, но только собранными в одну команду.

В этих обстоятельствах НХЛ, как и любая самосохраняющаяся система западного бизнеса не могла не приложить усилий для защиты от внешних посягательств. И способ защиты был избран самый действенный — наступательный. Одним выстрелом планировалось навсегда (по крайней мере, очень надолго, как показало время) убить двух зайцев. В конце 70-х годов клубы НХЛ начали вводить в свои драфты (предсезонные заявки на непрофессиональных игроков) советских хоккеистов без ограничения возраста — от юниоров до зрелых мастеров, в том числе и чемпионов мира. По моим сведениям, первым масштабным советским хоккеистом на драфте НХЛ оказался Вячеслав Фетисов, заявленный в 1978 году легендарным клубом «Монреаль Канадиенс» под номером 14. К тому времени 19-летний Вячеслав уже был и чемпионом мира, и лучшим защитником чемпионата. Такая системная акция была рассчитана на долговременный и гарантированный эффект. Легко представить как потирали руки многочисленные скауты, когда в сезонах 1985 — 1986 и 1986 — 1987 годов, наблюдали за игрой 17 — 18-летнего А.Могильного, который в канадских турне тех лет голы забивал в каждом матче, а в иных даже по 3 — 4 шайбы. Сведения о драфтах делались немедленным достоянием самих игроков — объектов охоты. Особенно они оказывались соблазнительными для молодых хокке-

истов, мастерство которых росло как на дрожжах. Благодатной почвой для столь эффективного «растления» хрупкого сознания перспективных юношей являлись как демократические преобразования в нашем обществе, так и стремительно ухудшающееся экономическое положение СССР в конце 80-х годов.

Падение советского хоккея было предопределено уже в 80-х годах, когда наша сборная продолжала еще одерживать победы в чемпионатах мира, но в соперничестве с НХЛ начала медленно сдавать свои позиции (Кубки Канады 1984, 1987 гг.). Противопоставить системному, индустриально-экономическому наступлению НХЛ хоккей советский, а тем более российский, ничего не мог и по сей день не может.

Описанная версия истории и механизмов падения отечественного хоккея — лишь вершина айсберга, олицетворяющая состояние хоккея высшего уровня, на котором только и возможно истинное сравнение двух школ, различных спортивных систем. Потеря нашим хоккеем передовых позиций в мировом спорте — процесс многофакторный, полиморфный. В нем проявляли себя одновременно и в равной степени как объективные, так и субъективные разрушительные факторы. И все же основным деструктирующим механизмом ослабления национального хоккея, на мой взгляд, была порочная кадровая политика ведущих хоккейных клубов СССР и, в первую очередь, бессменного чемпиона страны команды ЦСКА. Даже московское «Динамо», по своей сути такой же военизированный клуб (ведомство КГБ и МВД), не позволяло себе столь беззастенчивого разграбления других клубов и всей хоккей-

ной провинции СССР. Тренер В.Тихонов беспрестанно снимал сливки хоккейных талантов отовсюду, из самых отдаленных уголков нашей необъятной Родины. «Рекрутами» становились даже 16 — 17-летние парни, не достигшие призывного возраста, но вербуемые в юношескую и молодежную команды ЦСКА, где они ожидали статуса и возраста военнообязанных и места в команде мастеров. Хоккейная школа ЦСКА превратилась в настоящий «отстойник», в лагерь для перемещенных «хоккейных лиц». Прекрасные тренеры спортивной школы ЦСКА, выдающиеся мастера прошлого А.Рагулин, Э.Иванов, В.Викулов и их менее титулованные, но не менее одаренные наставники В.Быстров и Н.Голомазов также теряли интерес и самый смысл воспитания больших мастеров хоккея. Школа, дававшая большинству хоккейных клубов («Крылья Советов», СКА, «Торпедо», в меньшей степени «Химик» и «Спартак») добротных мастеров, перестала поставлять кадры для собственной клубной команды. Фетисов, Крутов, Зубов, братья Буре — вот и весь за последние 20 лет перечень собственных армейских выпускников, достигших высот в мировом хоккее. Сетования тренера В.Тихонова на отъезд как ведущих, так и перспективных мастеров отечественного хоккея за рубеж малоубедительны. Вряд ли наш хоккейный мэтр задавался вопросами «Что следовало сделать, и чего я лично не сделал для того, чтобы продлить работу наших спортсменов в отечественном хоккее, отодвинуть их отъезд за рубеж, используя любые доступные и законные спортивные, материальные и моральные стимулы?»

Подробности и механика повального сплава лучших, а затем и всяких хоккейных мастеров России сначала в Северную Америку и, позднее, в другие страны мира подробно и давно описываются в периодической печати. Пожалуй, исчерпывающе рассказал об этом процессе (на собственном примере) великий советский хоккеист Вячеслав Фетисов в своей интересной книге «Овертайм». Но сам механизм и текущие обстоятельства оттока — это лишь надстройка в том глубинном и почти неотвратимом процессе перемен, который охватил весь наш спорт в начале 90-х годов. Важнее, мне кажется, понять и объяснить объективные и субъективные причины событий, а затем уже мотивы поступков отдельных личностей.

Мы уже высказывали версию планомерного воздействия финансовой и спортивно-административной машины канадо-американского хоккейного бизнеса, направленного на ослабление отечественного хоккея. А коренились эти намерения в далеких 70-х, когда у команд НХЛ уже не было сладу с командами из СССР. Главный конструктор советского хоккея А.В.Тарасов не скрывал в тот период своего намерения доказать всему миру не просто силу нашего хоккея, но, главным образом, ставшее исторически-эволюционным, его превосходство над канадским и безусловное первенство в мире. В тот период Национальную хоккейную лигу возглавлял Кларенс Кэмпбелл, фигура в Америке необычайно авторитетная. Уважаемый гражданин, офицер, участвовавший в преследованиях военных преступников второй мировой войны, юрист и доктор права,

он добился высокого положения в североамериканской юриспруденции и деловом мире. Заняв пост Президента НХЛ вскоре после войны, Кэмпбелл пользовался безусловным доверием всех хозяев клубов большой шестерки. Претензии и амбиции советского хоккея и его руководителей раздражали К.Кэмпбелла. Неоднократно в публичных выступлениях он нелицеприятно отзывался о нашем общественном строе, подчеркивал свое негативное отношение к контактам с СССР и к нашему хоккею в целом. Видимо, еще и потому, что понимал растущую мощь советского хоккея. Столь же открыто и еще более агрессивно поддерживал позицию К.Кэмпбелла хозяин и президент клуба «Торонто Мэйпл Лифс» Гарольд Баллард. Проявил сдержанность в этом вопросе почетный сенатор Канады, пивной король страны, очень влиятельный в хоккейных кругах сэр Питер Молсон, председатель совета директоров «Монреаль Канадиенс».

Анатолий Тарасов, со свойственной русскому характеру душевной щедростью, умел быстро располагать к себе разных людей. Но особенно податливыми на это оказывались люди из-за океана, не знавшие тайн и обаяния загадочной русской души. Со многими (но, как вы поняли, не со всеми) он легко устанавливал неформальные отношения во время поездок наших хоккейных команд за океан. Упомянутый в этой книге Тайер Татт подружился с Тарасовым еще в далеком 1959 году, когда сборная СССР гостила в январе в США. Наша команда на знаменитой в Колорадо «Бродмур Арене», принадлежавшей Татту, встречалась с командой Денвер-

кого университета. Проживали наши хоккеисты в «Бродмур Отеле», хозяином которого был тот же человек. Т.Татт возглавлял Американскую хоккейную лигу. Он очень много сделал для установления постоянных контактов хоккеистов СССР с их коллегами из США. Именно благодаря его усилиям (прежде всего, финансированию) американские команды начали постоянно посещать СССР. Позднее, как мы уже писали, Татт организовал международный турнир «Мемориал Брауна», и они с Тарасовым стали ежегодно встречаться в Колорадо-Спрингс. В день торжественного награждения первого победителя (сборная СССР) и приема по поводу окончания «Мемориала Брауна» между Т.Таттом и А.В.Тарасовым возникла откровенная и совсем неформальная дискуссия, перешедшая вскоре в простое застолье. Тарасов угощал американского миллионера русскими маринованными грибами и ледяной водкой. Тем царским сочетанием спиртного и закуски, от которого Татт пришел в неописуемый восторг (а кто бы не пришел?). Мы знаем, что американцы быстро и легко отвечают неподдельным радушием на искреннее и доброе отношение к себе. В тот вечер прирожденный и азартный бизнесмен Т.Татт немедленно и навсегда проникся расположением к Тарасову и сделался его убежденным единомышленником. Ему понравилась идея установить регулярные контакты советских хоккеистов с командами НХЛ. Татт дал Тарасову слово использовать все свое влияние, чтобы склонить руководство НХЛ к согласию осуществить этот проект. За кулисами хоккейного действия, бесконечных встреч и визитов

сборной СССР за океан, началась и происходила активная переговорная, в том числе и дипломатическая работа.

И все же самым сильным доводом в пользу необходимости таких встреч Тарасов считал постоянные и убедительные победы наших спортсменов над командами Канады всех уровней и рангов (сборной, клубами, юниорами) и непреклонно вел и вдохновлял на это своих учеников.

Здесь уже упоминалось о том, как не состоялся чемпионат мира 1970 года, как Канада бросила ультиматум Международной лиге хоккея на льду. Но перед этим состоялось новогоднее традиционное турне сборной СССР по Канаде. Было договорено, что игры будут проходить по профессиональным правилам. Сборная Канады включила в свой состав несколько бывших и даже действующих профессионалов. Ожидалось их участие в предстоящем чемпионате мира (Канада-70). Это был долгожданный для Тарасова случай. Он мог создать прецедент, благодаря которому участие профессиональных игроков в чемпионате мира могло превратиться в реальность. Поэтому декабрьское турне сборной СССР по Канаде становилось необычайно ответственным. Турне получилось трудным, не самым удачным — равным для обеих сторон по числу (три) побед, но, как никогда прежде, поучительным. Соперники во встречах со сборной СССР сражались за победу с утроенной злостью. Но бесценный опыт «канадской мясорубки», как называл эти турне Тарасов, был жизненно необходим новой плеяде наших мастеров и важнее любых локальных побед.

Не случайно в архивах Анатолия Владимировича Тарасова по сей день хранятся франкоязычные («Монреаль Матэн» и «Ла Пресс») канадские газеты от 30 декабря 1969 года. В них с воодушевлением и на все лады описывается поражение сборной СССР от юниоров «Монреаль Канадиенс» со счетом 3:9. То был последний матч нашего турне, преподнесенный хозяевами «на десерт». Результат его был как бы ответом и предостережением Тарасову в связи с его неумными притязаниями на соревнование с профессионалами. Сборную СССР победил фактически юниорский «дубль» трехцветных (так принято называть в Канаде «Монреаль Канадиенс»). Казалось, что русским как бы недвусмысленно намекали: «Управьтесь сначала с юным резервом профессионалов, а потом уж заикайтесь о встречах с лучшими из лучших». В том составе «Монреалья» играли 18 — 21-летние парни, позднее ставшие звездами первой величины Национальной хоккейной лиги — Р.Мартэн (в советской печати Мартин), Ж.Перро, Р.Уль, Г.Лапуант, А.Дюпон, Г.Шаррон, братья П. и Ж.-П.Бордело. Проходила игра на знаменитом монреальском «Форуме» с полным, редким даже для «взрослого» «Монреалья» аншлагом — 18507 зрителей.

Один из дебютантов сборной, 17-летний Владислав Третьяк в том турне увидел живую игру самого Жака Планта в составе «Сент-Луис Блюз», а потом и познакомился с ним.

Несмотря на негативный спортивно-соревновательный итог поездки, игроки сборной вернулись на Родину окрыленными, обогащенными навыком борьбы с самыми суровыми проявлениями канадского

хоккея. Они рвались в бой, чтобы на предстоящем мировом первенстве в самой колыбели хоккея одержать новую победу.

Судьба того чемпионата мира (1970 г.) хорошо известна. Мне о нем, несостоявшемся, напоминает значок-эмблема, привезенный из Канады, и подаренный мне А. В. Тарасовым в январе 1970 года — очень редкий сегодня значок.

Но параллельно с этими процессами, кропотливая работа по установлению официальных отношений с НХЛ продолжалась. В ней активно посредничали новая общественно-государственная организация «Хоккей-Канада» и богатая транснациональная авиакомпания «Air Canada». Бывший хоккеист НХЛ, официальный представитель канадской авиакомпании в СССР Агги Кукулович являлся одним из самых активных двигателей этого процесса. Подолгу живя в Москве, Кукулович любил посещать тренировки Тарасова. Он хорошо владел русским и подолгу беседовал с советским тренером о предмете их общей любви — хоккее. Длительное пребывание в СССР, постижение национальных и социальных особенностей нашей хоккейной кухни заметно изменили представления зрелого и много знающего о хоккее канадца. Он был одним из очень немногих, кто глубоко понимал достоинства и потенциальные преимущества тарасовской школы хоккея. Поэтому лично он придерживался не самых утешительных для НХЛ прогнозов на предстоящие встречи.

После памятной отставки тренеров сборной их любимые и благодарные ученики испытали понятное негодование. Однако работа, безотказно дававшая

хлеб насущный, требовала своего продолжения. Поэтому хоккеисты, засучив рукава, взялись за привычное дело. Единственным спортсменом, не смирившимся с таким поворотом событий и пытавшимся напомнить о справедливости, призвать к здравомыслию, был Анатолий Фирсов. Помните рассказ о его беззаветной преданности Тарасову? Фирсов отлично понимал, что такой демарш обернется для него же боком. Но без Тарасова великий хоккеист ни саму сборную, ни себя в ней не представлял. Рвалась живительная нить, еще способная удержать Фирсова в хоккее.

Поступок А.Фирсова не канул в Лету. Спустя 17 лет, когда в стране уже шел отсчет нового времени, в хоккейной сборной СССР, при сходных обстоятельствах, сразу несколько человек встали на защиту своего товарища. Тогда В.Фетисова, капитана и лучшего защитника команды, старший тренер, да и вообще всевозможное «начальство» пытались отлучить от сборной. Но это уже была история другого сорта. Создав прецедент коллективного протеста и сохранив Фетисова в своих рядах, спортсмены способствовали первой официальной спортивной эмиграции хоккеиста из СССР. Этим они открыли новый путь, позволивший им вскоре самим пройти по нему.

А.Фирсов остался с 1972 года лишь в своей клубной команде ЦСКА. Для игрока такого исторического масштаба чемпионат СССР давно перестал быть тем раздражителем, благодаря которому ветеран находит в себе достаточно огня для новых победных свершений. Тем не менее, преданность армейскому клубу заставила Фирсова работать, не ослабляя требований к себе еще два года. К осени 1974-го, в ка-

нун встреч сборной СССР (руководил командой уже Б.Кулагин) со сборной ВХА, Фирсов, по убеждению Тарасова, был лучшим в ЦСКА. Публично заявив об этом, Анатолий Владимирович как бы призывал своего еще недавнего верного соратника и помощника откликнуться: он хотел «подарить» великому спортсмену заслуженный шанс быть участником победы над профессионалами. Бывший тарасовский оруженосец «не внял мольбам». И без Фирсова сборная СССР победила звезд ВХА. Однако победа эта была бледной и малоубедительной.

Две истории, две судьбы лучших представителей главных хоккейных амплуа, тренера и игрока, повествуют о бездушности и некомпетентности системы и многих ее функционеров. Как же после десятилетий такого отношения бюрократической машины к людям, даже самым незаурядным, у кого-то может зародиться надежда на проявление молодыми спортсменами патриотических чувств? На добровольный отказ от предложения и возможности уехать на Запад? Тот, кто сегодня открыто и публично призывает молодых хоккеистов к такому патриотизму, да устыдится своей неискренности!

Порочность раннего, преждевременного оттока молодых способных игроков России в НХЛ (куда реально попадают лишь 35 — 50% претендентов) убедительно объяснил тренер армейцев В.В.Тихонов («Спорт экспресс», 23 декабря, 1994). Его коллега и соратник по сборной СССР В.В.Юрзинов позднее делом доказал правомерность этого утверждения. Многие наши легионеры (главным образом динамовцы, то есть ученики Юрзинова) сознательно искали

возможность летней предсезонной, обязательно коллективной подготовки. Они охотно вливались в летний тренировочный лагерь своего тренера в Финляндии, зная, что обретут прочный задел игровой дееспособности на весь длинный сезон НХЛ.

Молодой, даже самый талантливый спортсмен 19 — 20-летнего возраста имеет лишь зачатки профессионального навыка и основных компонентов отечественной хоккейной самобытности, которые и привлекают в нем заокеанских скаутов. Техничко-тактические знания и умения в нем еще не сформированы, его профессиональные хоккейные университеты еще не закончены. Они возможны лишь в котле своего, российского хоккея. Только при этих условиях наш хоккеист будет непохож на канадцев и сможет выгодно отличаться от них по индивидуальным качествам. У него будет все не таким, как у канадца — бег с шайбой и без нее, техника и стиль ведения шайбы, «культура» паса и скрытность его исполнения, иной навык выполнения силовых приемов. Такой хоккеист «труден» для канадской школы. Потенциал его ценности для канадского клуба очень велик. Но его реализация возможна только при одном обязательном условии — русский дебютант должен воплощать в своей игре русский стиль, ценности «тарасовского» хоккея. И что совершенно очевидно, хоккей этого типа русский хоккеист может воплотить только в компании партнеров-соотечественников. «Я много думал поначалу о том, как мы бы втроем, с Федькой и Пашкой (С.Федоров и П.Буре — В.А.), там, в НХЛ, защиту бы рвали. Да, если бы вот так, втроем, в одной команде оказаться, то сколь-

ко дел можно было бы натворить», — мечтательно размышлял А.Могильный на шестом году своей карьеры в НХЛ.

Мы, сначала в СССР, а затем и в современной России долго не понимали, что НХЛ представляет собой прежде всего гигантскую спортивно-зрелищную индустрию. Только в последние 5 — 6 лет, с появлением первых признаков, пусть не самых убедительных и успешных, рыночной экономики, а с ней и профессионального хоккея, мы (имеются в виду хоккейные болельщики) постепенно начали постигать премудрости спортивного бизнеса. Во многом этому способствовали подробные и интересные публикации в газете «Спорт экспресс».

А.В.Тарасов был убежден, что, играй лучшая хоккейная команда СССР (естественно, ЦСКА) 80-х в чемпионате НХЛ, первенство было бы за нею. Эту уверенность он пронес до последних дней жизни. В наших многочисленных беседах мы не раз касались этой темы и обсуждали ее довольно горячо. Наши мнения на этот счет заметно различались. Я по сей день не имею для себя окончательного ответа на этот вопрос. И поэтому попытаюсь изложить ход своих рассуждений по данной теме, которые мне кажутся более важными, чем сам ответ.

Одним из основных и убедительных доводов Тарасова в пользу успешных выступлений нашей команды в НХЛ был такой. Наши ведущие, лучшие игроки, то есть сборники, проводили ежегодно (за сезон) более 70 — 80 матчей. Это было почти столько же, сколько играли за сезон, например, финалисты Кубка Стенли «Филадельфия Флайерз» (1973 и 1974 гг.)

или «Бостон Брюинз» (1970 и 1971 гг.). Степень «выкладки» в этих матчах (особенно регулярного чемпионата) была для обеих сторон примерно одинаковой. Всем известно, что часть матчей чемпионата (как НХЛ, так и СССР) для ведущих клубов носила явно «проходной» характер. Но на этом сходство между укладами хоккейной жизни команд СССР и Канады (НХЛ) заканчивалось. Начинались различия, которые могли обернуться преимуществом как для одной, так и для другой стороны.

Нормой для хоккеистов ЦСКА был непрерывный тренировочный процесс, продолжавшийся почти весь сезон даже в периоды самого интенсивного внутреннего календаря. Ежедневные тренировки (в среднем по 1,5 часа в день) в ходе регулярного чемпионата проводились даже в день игр. Суммируя этот объем тренировочных нагрузок с игровым, получаем, что физических затрат за сезон у наших спортсменов гораздо больше, чем у хоккеистов Канады. Ведь в ходе чемпионата НХЛ тренировочные занятия практически сведены к индивидуальному тренингу и раскаткам в день игры. Хорошо это или плохо? Кто и что получает в плюс или в минус? Канадцы «сохранность» сил к концу сезона (на финал Кубка Стенли) или наши игроки большой запас игровой выносливости. Сформулировать однозначный ответ на этот вопрос невозможно. Думаю, что в ходе воображаемого однократного участия нашей команды в чемпионате НХЛ фактор более высокой тренированности и превосходства физических сил обернулся бы в нашу пользу. Но только в одном сезоне! Моментажно уловив наше превосходство над ними в этом компо-

ненте, канадцы, причем всем скопом, бастионом всех команд, ринулись бы его нивелировать любыми доступными и недоступными способами. То есть в стратегию сезонной борьбы каждого канадского клуба вносилась бы поправка, предусматривающая перераспределение и различие тактических акцентов в играх с русскими и земляками. Дело доходило бы до такого обязательного, подчеркнуто усиленного сопротивления русским всеми клубами, что ситуация напоминала бы «пятый угол». Следа бы не осталось от чистой, справедливой спортивной борьбы, искренним поборником которой всегда был А.В.Тарасов. Честь и слава национального хоккея Канады была бы спасена любыми, даже самыми негодными средствами. Думаю, русской команде никогда не дали бы одержать победу в розыгрыше Кубка Стенли.

Хоккей стал товаром (как и многое в современном мире), и самым состоятельным и массовым (по числу потребителей) производителем этого товара является Национальная хоккейная лига. Причем для успеха реализации товара не обязательно добиваться его самого высокого качества. Достаточно обеспечить очень большие (много большие, чем у конкурентов) инвестиции и мощный промоушн (рекламу, тиражирование, популяризацию). «Лучше быть первым, чем лучшим» — гласит первый из неписанных законов свободного рынка. Североамериканский хоккей по соблюдению основных условий крупного современного бизнеса далеко опережает остальной мир. В таких неравных условиях борьба с НХЛ за сохранение национальной независимости и возрождение российского хоккея будет долгой и очень нелегкой.

КОРНИ И КРОНА

Последняя наша встреча с А.В.Тарасовым состоялась ранней осенью 1994 года. Анатолий Владимирович внезапно пожаловался на острую зубную боль, и старшая дочь Галя немедленно сообщила мне об этом (сам Тарасов никогда не обратился бы с жалобами на недомогание). Я мгновенно договорился о консультации с моими хорошими знакомыми из ЦНИИ стоматологии, лучшими из известных мне хирургами-имплантологами, В.Вигдеровичем и Л.Сакварелидзе. Оба готовы были принять Тарасова в любое удобное для него время. Осмотрев пациента и оценив рентгенограмму, Владик Вигдерович категорически рекомендовал удалить два зубных корня, воспаление которых и вызвало боль. Тарасов неохотно согласился, долго «торговался», гарантирована ли безболезненность удаления, стонал при инъекции анестетиков, недовольно отпускал ворчливые реплики в мой адрес. Этот маленький спектакль, где он разыграл нестерпимую боль при экстракции зуба, закончился благополучно и под общий хохот. Операционная в полном составе (хирурги, медсестры, санитарки) сопровождала Анатолия Владимировича всяческими утешениями и самыми добрыми пожеланиями. Искусственно и демонстративно шепелявя, он искренне благодарил доктора Вигдеровича за помощь, не забывая попутно заигрывать со «строй-

ной и упругой» (по его собственному последующему определению) операционной медсестрой. Когда он успел оценить ее упругость, одному Богу известно, но в этом на мнение Тарасова всегда можно было положиться.

Мы прощались во дворе института, прощались, как стало ясно позднее, навсегда. Буквально через считанные дни мне предстоял отъезд за рубеж для работы по контракту, который был предложен международным госпиталем одной из богатых нефтедобывающих арабских стран. При этом минимальный срок контракта составлял один год, и я мог вернуться в Москву только осенью 1995-го. «Вовк, и ты уезжаешь!? Даже вы, профессора, убегаете на заработки! Кто ж нас лечить здесь будет!?», — негодование Тарасова было неподдельным.

Провидческий и роковой смысл этой фразы я осознал спустя пять лет, когда узнал от Нины Григорьевны печальные подробности (в том числе и прежде всего медицинские) ухода из жизни А.В.Тарасова. Опять-таки, по роковому стечению обстоятельств последние месяцы своей борьбы за жизнь он провел в клинике неврологии Московской медицинской академии, что в 50 метрах от института, который я был вынужден покинуть злополучной осенью 1994-го. Мне порой кажется, что, будь я летом 1995 года в Москве, все сложилось бы иначе, и смерть под нашим общим напором должна была отступить. Понятно, что подобные иллюзии — лишь один из способов самоутешения. В те дни родными и близкими были предприняты все возможные и невозможные усилия для возвращения Анатолия Владимировича

к жизни — Таня, Галя, Нина Григорьевна, внук Леша круглосуточно были рядом с любимым отцом, мужем, дедом.

Роль семьи в жизни такого публичного, столь масштабно-общественного человека как Тарасов всегда оставалась «за кадром». Да и в годы наивысших тарасовских достижений господствовавшая идеология не признавала «институт семьи» как социальный фундамент жизненных ценностей и стимул профессионального саморазвития и совершенствования. Ей отводилась лишь скромная роль безликой «ячейки общества». Для Тарасова же семья была тем священным оплотом земной стабильности, реальным, если не единственным, помимо его профессиональной страсти, жизнетворным источником. Ибо семья, в которой вырос сам Тарасов, претерпела суровые испытания на жизненном пути. Анатолий был третьим по счету ребенком в семье, а два первенца, к несчастью, умерли в младенчестве. За ним через пять лет появился младший брат Юрий.

Семейная история оставляет без ясного ответа вопрос о судьбе отца, Владимира Тарасова, который в конце 20-х годов «ушел по этапу» и уже никогда не возвращался. Остается лишь фактом, что на плечи матери легло воспитание двоих детей, особой мужского пола, отличавшихся, по любимому определению А. В. Тарасова, «хорошим аппетитом». «Харитоновна», как любовно всегда величал свою мать Тарасов, была, несмотря на свое происхождение, женщиной утонченной, наделенной вкусом и умением все «сделать красиво». Она прекрасно шила. Среди постоянных клиентов Екатерины Харитоновны до последних

дней своей короткой жизни была и звезда немого кино Вера Холодная.

Сыновья, Анатолий и Юрий, взрослея, быстро пристрастились к спорту и начали посещать школу «Юный динамовец», что на Ленинградском проспекте. Учились играть в футбол и хоккей с мячом. Изрядно преуспев в этом и облегчая жизнь матери самостоятельной добычей пропитания (Анатолий уже после 7 класса пошел работать на завод), братья к концу 30-х годов влились в шеренгу «профессионального» спорта, а Анатолий даже стал слушателем Высшей школы тренеров. Тренерскую профессию он начал активно постигать не только в теории, но, по совету М. Д. Товаровского, сразу же приступил к практической работе. Взял под свою опеку футбольную команду города Загорска. Три раза в неделю на поезде совершал вояж в этот подмосковный городок, где проводил тренировки с заводской командой, а потом за полночь возвращался в Москву.

Молодые спортсмены, особенно учащиеся спортшкол и института, активно участвовали и в физкультурных мероприятиях. Особенно это касалось всевозможных парадов и массовых спортивных представлений. Об одном из памятных физкультурных парадов 1938 года, проведенных на Красной площади под девизом «Если завтра война», А. В. Тарасов рассказывал нам в телесериале (уже упомянутом выше) «Хоккей Анатолия Тарасова». Не упомянул только о том, что именно в ходе подготовки к тому параду он был окончательно очарован студенткой инфизкульты, гимнасткой Ниной Забелиной. Свадьба состоялась спустя лишь год, 1 августа 1939 года. «Это сегодня брако-

сочетание представляет собой некий торжественный процесс, а в наше время все было по-простому, — рассказывал он нам историю рождения своей семьи. — Не было ни ресторанов, ни банкетов. Расписались в ЗАГСе, пришли с друзьями в общежитие, сели обедать — съели по целой тарелке вкусного борща. Вот тебе и вся свадьба. А вечером сел я один в плацкартный вагон скорого поезда и уехал в Одессу тренировать футбольную команду «Динамо». Вот таким получилось у нас с Ниной бракосочетание».

Если у Екатерины Харитоновны состоялись два сына, то у ее старшего Анатолия родились две дочери. В 1941 году, за несколько месяцев до начала войны, родилась старшая Галина. А спустя пять лет, когда военное лихолетье было позади, в феврале 1947-го, появилась на свет младшая Татьяна. Именно тогда, в первые послевоенные годы Анатолий Тарасов становится офицером Вооруженных Сил СССР. Все лето он работает под руководством легендарного футбольного тренера Бориса Андреевича Аркадьева, постигая таинства и дух избранной профессии в «святая святых» отечественного футбола — в команде «лейтенантов». Когда наступает зима, Тарасов, выступая за команду ВВС, участвует в первом чемпионате СССР по хоккею с шайбой. Он становится самым результативным нападающим этого короткого турнира, забив в семи играх 14 шайб. Однако разногласия с «самим» Василием Сталиным — меценатом спорта в ВВС страны, заставляют Анатолия перейти, то есть вернуться, в ЦДКА, но уже к хоккею и навсегда, на четверть века. Команда лихо становится трехкратным чемпионом страны, а игра-

ющий тренер с группой коллег получает почетное звание заслуженного мастера спорта СССР за успех в серии игр с чемпионами мира из Чехословакии, командой ЛТЦ. Это в 70 — 80-х годах заслуженных мастеров спорта развелось «как собак нерезаных». А в конце 40-х их были просто единицы! Поэтому семья Тарасовых (из пяти человек!) получает новую двухкомнатную квартиру в «генеральском» доме на «Соколе» (всем известный Ленинградский проспект, 75). И все последующие почти 50 лет великий гражданин нашей великой страны прожил в этом уютном пристанище. «Люди ютятся в подвалах, а тебе трехкомнатную подавай, — ворчал Тарасов на Нину Григорьевну, — ты ж в хоромах живешь и этого даже не понимаешь!»

Семья Тарасовых заслуживает самостоятельного жизнеописания. Хотя бы по той простой причине, что каждый ее член (помимо главы семейства) — фигура яркая, незаурядная, самобытная, по-своему легендарная. О, это могла бы быть целая сага! Возможно, когда-нибудь, она и увидит свет!

Если права теория наследования признаков, то все в человеке закладывается генетически, включая его характер, а значит, в какой-то степени и судьбу. Можно сказать, что цельность натуры, неспособность к «халтуре», убежденность, что нужно отдавать всего себя без остатка своему делу, своей профессии присутствовала в генах главы семейства и была передана его детям. И Галя, и Таня стали тем, что называется людьми «предназначения», вся жизнь которых направлена на выполнение этого предназначения, воплощение его в жизнь.

Призвание Галины Анатольевны — учить детей любить литературу и очаровываться поэзией. А еще ее призвание — быть замечательной дочерью. Последние годы, когда Анатолий Владимирович недомогал и был уже слаб, Галя всегда находилась рядом с ним. Она сопровождала его на крупнейших международных соревнованиях (чемпионаты мира, Олимпиады) по хоккею. Помогала отцу проводить турниры «Золотой шайбы», выезжая с ним в Ярославль, Кострому, Санкт-Петербург и другие города России. После смерти Анатолия Владимировича Тарасова его дочь Галина избрана членом правления клуба «Золотая шайба» и активно участвует в этом движении по сей день.

Татьяна Анатольевна (сегодня только так и не иначе!) Тарасова — выдающийся российский ТРЕНЕР, многократный Олимпийский чемпион, не говоря уже о чемпионстве в мире и Европе. На страницах этой книги ей предоставлена возможность рассказать не только об отце, но и о самой себе.

Нина Григорьевна Тарасова (в девичестве, как упоминалось выше, Забелина) — оплот домашнего очага, семейный громоотвод для всех и вся, третийский судья, как это ни покажется странным при всех претензиях Анатолия Владимировича на патриархат в доме, диктат и имитацию «деспотизма». «Мать-настоятельница» армейского хоккейного «монастыря», попечительница ЦСК-овского «женсовета».

Леха (да простит меня Алексей за подобную фривольность, но «Дед» называл его именно и только так!) — любимый и единственный внук и баловень всей семьи. Ныне это 30-летний современный биз-

несмен, глава собственной семьи, свято почитающий семейные традиции, заложенные дедом.

Анатолий Владимирович, часто вспоминая брата, всегда не уставал подчеркивать, что Юрий был как хоккеист намного даровитее, чем он сам. В возрасте 31 года он, игрок хоккейной команды ВВС, погиб вместе с товарищами в авиационной катастрофе 7 января 1954 года под Челябинском. Сама судьба в тот роковой день поставила крест на славной истории команды хоккеистов ВВС, а вслед за ней и на остальных спортивных коллективах военных авиаторов в вотчине командующего ВВС Московского военного округа В.И.Сталина, после его увольнения и разжалования расформированных к лету того же года.

В том же 1954 году Таня Тарасова пошла в первый класс средней школы. Прочувшись в ней 8 лет, она перешла в вечернюю школу (их еще называли тогда ШРМ — школа рабочей молодежи, а учащихся «шаромыжниками»), поскольку совмещать учебу с работой можно было только так. А работала Татьяна Тарасова спортсменкой, фигуристкой, и создала вместе со своим партнером одну из лучших в стране пар фигурного катания. Продолжая активно «кататься» и выступать в крупнейших соревнованиях как в СССР, так и за рубежом, Татьяна очень рано, как и ее отец, с 19 лет, начала работать тренером. Достижения ее тренерской карьеры хорошо известны всему миру. Но при любом воспоминании о Татьяне Тарасовой у меня перед глазами мгновенно всплывает один и тот же кадр, одна и та же фраза памя-

ного телевизионного интервью, данного тренером Олимпийских чемпионов по фигурному катанию. Если мне не изменяет память, это было в 1988 году (Анатолий Владимирович был тогда жив-здоров), после очередной олимпийской победы Татьяны на этот раз в канадском городке Калгари. Один из последних вопросов журналиста по смыслу звучал примерно так: «Ваш отец, великий хоккейный тренер, оказал ли на Вас какое-то профессиональное влияние?» В Танином ответе сквозило неподдельное смущение: «Отец — это такая глыба, что я даже не представляю себя в одном измерении с ним — сказала она очень задумчиво. — Недаром он мне лишь после второй золотой Олимпийской медали сказал: «Поздравляю, коллега!», признав мое право называть себя тренером».

Сегодня, по прошествии с того памятного интервью почти 12 лет, мне удалось «уговорить» Татьяну Анатольевну на новую, я надеялся, откровенную беседу и об отце, и о себе. О тренерском ремесле. Судите сами, но я уверен, что не обманулся в своих ожиданиях.

В.: Татьяна Анатольевна, могу ли я вести разговор с Вами не только и не столько как с выдающимся тренером, а как с человеком одной социальной среды, воспитанным в послевоенные годы в семье военного, как с ровесником, наконец? («Хорошо, что не с ровесником века ты беседуешь», — быстро парирует Татьяна, и я тут же признаю, что реакцией и чувством юмора она наделена ничуть не меньше своего отца). Жизнь удалась? Получилось и получается ли то, что было задумано?

О.: Думаю, получается. Папа учил работать не покладая рук: «Если, дочка, тебе тяжело работать по 12 часов в день на льду — холодно, — иди, постой у мартена. Там теплее!»

У меня получилось счастливое сочетание — хобби совпадает с профессией. И я благодарна за это своему воспитанию. Мы с сестрой воспитывались в определенной строгости и в то же время в атмосфере, где основными жизненными понятиями были честь, совесть, долг, чистые устремления, труд, профессия. Значимость и ценность всего этого мы видели на примере отца с матерью. За этим самым воспитанием нам никуда не надо было ходить. Не знаю, насколько я была тогда наблюдательна, но я видела как работал отец, видела отцовскую жизнь, посвященную хоккею. Он знал в нем все! И жизни без него он себе не представлял. А сегодня, глядя вокруг, я понимаю, что многие, конечно, мыслящие люди хоккей без Тарасова себе не представляли, и по сей день представить не могут. И это понятно. Потому что так сработать одному человеку, как и 1000 не могла бы сработать, не часто удается. И в жизни такое бывает очень редко. Сегодня, куда бы я не приехала, — Европа, Америка, я испытываю человеческую гордость! Отца знают всюду, его помнят, восторженно отзываются.

О несбывшемся? Что об этом говорить? Никогда все не сбывается, тем более в нашей стране. Но я здесь родилась и не жалею, что прожила здесь всю жизнь. Мне, конечно, жаль, что отец не уехал! Да, я жалею, что папа не поехал тренировать в Нью-Йорк. И не потому, что мы бы там все жили! А по-

тому, что он там был бы жив и здоров! Согласись он, то продлил бы свою жизнь. И жил бы еще какое-то время, и умер бы не так мучительно и нелепо! Все было бы по-другому!

Но он просто не мог уехать, потому что он был человек абсолютно честный и чистый, с высочайшим понятием долга и чувством Родины. Наивный даже был человек. Нередко рисуют его образ как жесткого, деспотичного руководителя. Но это всецело удел профессии, профессия наша сама по себе жесткая. Мы должны видеть на 10 — 20 шагов вперед. И поэтому должны *их* заставлять! Это очень тяжело их заставлять. И им, и нам тяжело! Ведь заставляешь ты во благо! Их благо! Для того, чтобы из человека вынуть то, что у него скрыто глубоко внутри, всегда требуются определенные силы. И часто тому или иному спортсмену не хватает своих сил из себя это вытаскивать. Поэтому нужна дисциплина. Здесь правда всегда на тренерской стороне.

В той, прошлой нашей жизни, отцу, несмотря на славу, титулы, звания и награды, было тяжело. В той стране он не мог быть понят, востребован и по достоинству оценен. Потому что лозунг «незаменимых нет» тогда торжествовал. Да и по сей день он процветает. И сейчас отцу было бы невыносимо жить!

Так что...как мне ответить на твой вопрос «Удалась ли жизнь»?

В.: Анатолий Владимирович часто иронизировал по поводу ежегодных смен тренеров во многих клубах нашей футбольной лиги. «Наивные люди, — говорил он, — как они не понимают, что несколько

«...а теперь, прожив жизнь, думаю — какое счастье, что у меня девки!»

Крым.
Излюбленное место
для летнего отдыха
с семьей.

Галина.
С раннего детства и до последних минут жизни отца
всегда была рядом.

«Поздравляю, colega!»

Семья в сборе, под хоккейным иконостасом

Золотой тренер

Золотая свадьба

Татьяна Анатольевна Тарасова — тренер.
Многократный олимпийский чемпион.

Первая Олимпиада Татьяны — тренера
(Саппоро, 1972 г.)
Шестое место.

Отец — дочери:
«Чем больше трудится,
тем больше празднуется.»

Семейство на «легендарной» Тарасовской Даче

Даже «тихой охоте» Тарасов предавался со свойственной ему неудержимостью.

В 70-летнем возрасте Тарасов был готов отстаивать честь сборной СССР по хоккею.

Оглянись, уходя.

команд одновременно не могут быть чемпионами СССР!». В вашем тренерском цеху есть тренеры-победители, как Вы, например. А есть и тренеры — постоянные аутсайдеры. Вот они, те, которые никогда побед не знали, должны ли считать свою профессиональную судьбу несостоявшейся, а себя — невостребованными.

О.: У каждого человека есть свой потолок. Его можно немножко приподнять. Как ни печально нашему обществу сознать, у всех людей разные способности. Моя сестра обожает свою работу. Она 35 лет проработала в обычной общеобразовательной школе, преподавая русский язык и литературу. Она абсолютно востребованный человек! Оттого, что проработала и прошла свою жизнь с такой отдачей, все ее ученики больше читали книги, чем смотрели видео. И поступали в университеты и вузы. А теперь многие ее выпускники собираются у нее дома (для некоторых выпусков есть даже фиксированные в году дни), чтобы сказать спасибо. Приходят взрослые дяди и тети, с детьми, чтобы рассказать о своей жизни. Потому что она отдавалась этому делу сполна.

И потом, у каждого человека есть шанс. И его никак нельзя пропустить. Когда-то отец мне задал вопрос:

— Сколько ты работаешь?

— Работаю по 6-7 часов в день, — ответила я.

То было начало моей трудовой деятельности, мне было тогда 19 лет. На открытом воздухе это было немалое время, мы же околевали от холода.

— А сколько работает Жук? — говорит он тогда. У Станислава к тому времени уже было имя в спорте.

— Часов 8 в день, — говорю, — и Елена Чайковская столько же.

— А сколько лет она уже тренирует?

— Думаю, лет 6-7 до меня, — недоумевала я.

— А как же ты хочешь с ними соревноваться? — спокойно так и размеренно задает он мне вопрос. — Это ведь очень простая арифметика. Если даже допустить, что у тебя есть какие-то способности и ты так горишь! Ну, как же ты их догонишь? Как я могу догнать любого чемпиона мира, если катаюсь меньше него, а наши способности одинаковые. Ну, никак!

И я стала работать по 12-14 часов. И довольно быстро догнала. И стала вровень с выдающимися тренерами. То выиграю, поднимусь повыше, то чуть ниже опускаюсь. Но это был уже уровень очень хороших тренеров. Настоящих! Я понимала, что нужно себя заставлять. Что нужно вставать в 6 утра. Для меня была абсолютно исключена жизнь, которую вели мои подруги, та «светская» жизнь.

Подвожу под этой темой черту. Отец говорил: «Степень таланта определяет, куда может пойти человек. Но как далеко он пойдет, определяет только его труд!»

В.: Анатолий Владимирович, создавая победный советский, а с ним меняя и мировой хоккей, находясь в круговороте спортивной и всякой другой борьбы, сознавал, что решает историческую задачу?

О.: Да, папа это осознавал. Каждый человек, находящийся на такой вершине профессиональных знаний и умения, в любой сфере деятельности, в любой области, в любой (!!!), осознает, что он творит историю! Внутри себя сознает! Внутри!

Это я сейчас так пылко говорю! Папа бы так не говорил. Он был скромнее. Это я сегодня, когда папы уже нет, говорю за него, чтобы было понятно. А он сам никогда бы в этом не признался. Просто бы промолчал. Иногда он умел очень красноречиво промолчать.

В.: Уход Тарасова из большого хоккея, на Ваш взгляд, сказался на развитии отечественного хоккея?

О.: Конечно, потому что он был лишен возможности передать наследство! Они его убили! Их с Аркадием Ивановичем уход, этот поступок двух гордых людей, не мог не повлиять на ход развития всего хоккея. Отца никто даже не попытался вернуть! Никто даже не сказал: «Анатолий Владимирович, отдохните. Вы истерзаны. Паузу сделайте, отдохните, а потом вернитесь». Они с Чернышевым ни о чем никого не просили. Эти люди никогда не могут, не умеют просить. Потому что они гордые, потому что они знают все! Таким людям всегда надо предлагать. Но у нас не в чести профессия и не в чести профессионализм. У нас в чести начальник, чинуша. Тот, у кого нет профессии в руках. И он из зависти готов унижать, топтать, ранить профессионала, потому что тот фактом своего существования для него смертельно опасен.

Отец в 54 года был готов к воспитанию плеяды наследников своего дела. Кафедра хоккея, где он преподавал последние 10 — 12 лет, не в счет. Чтобы передать тренерскую искру (кроме знаний), нужна живая работа с командой. Ее-то у него и не было. Ты хоккей смотришь? Я нет! После того, как в Нагано проиграли, я просто не включаю ТВ. Мне было больно смотреть на Юрзинова на Олимпиаде! У него не

было времени для работы с командой. Хотя он сделал больше, чем мог. Уже после финала, такой откровенный, подошел и сказал: «Знаешь, чем дольше его с нами нет, тем больше мне его нехватает». Когда-то отец очень серьезно говорил: «У нас в стране за серебряные медали в хоккее не награждают». А сегодня я с гордостью так говорю про фигурное катание. А про хоккей так сказать уже не могу. Ведь за серебро в Нагано люди правительственные награды получали.

Все, что в спорте было, растащили по углам. От того, прежнего величия армейского спорта что осталось? Мой товарищ, я счастлива, что такой у меня есть, Юрий Рост написал, прощаясь с папой: «Из ЦСКА вынесли Тарасова, и больше там никого не осталось!»

Татьяна Анатольевна Тарасова работает как ее отец — дерзко, одержимо, ярко. Очень результативно. По золотому блеску наград олимпийских не хуже папы. И продолжает открывать в себе папину породу: «Недавно я в Штатах научилась «на старости лет» водить машину, получила водительские права и села за руль. Вот сижу я за рулем, держу его в руках, смотрю на себя со стороны и вижу отца! И рука моя, которая лежит на руле, как он всегда ее клал, такая же тяжелая, как и у него. Я просто ощущаю эту тяжесть! И вперед на дорогу я смотрю, как и он, набычившись, исподлобья. Такая вот дочь своего отца».

А я в связи с этим рассказом вспомнил 75-летие А.В.Тарасова, которое отмечали у него дома, в его «двухкомнатных хоробах». Там было много близких

людей, атмосфера сердечная, радостная, праздничная. Произносили разные тосты в честь юбиляра. А вот он, взяв в эндшпиле застолья слово, сказал по-тарасовски емко и метко очень нежные слова благодарности своим женщинам: «Я мечтал иметь сына, просто бредил, во сне видел его. А второй у нас Танька родилась. Я тогда ужасно переживал. Даже к Нине в роддом идти не хотел. А теперь, прожив жизнь, думаю — какое счастье, что у меня девки!»

День рождения Анатолия Владимировича — 10 декабря — семья ежегодно начинает отмечать с возложения цветов к его памятнику на Ваганьковском кладбище. С 1995 года — года его кончины — это уже стало традицией. А дата всегда совпадает со знаменитым московским хоккейным международным турниром (раньше он назывался Приз «Известий», теперь Кубок «Балтики». «Поменяли газету на пиво», — сказал бы Тарасов), который проводится в Лужниках. Поэтому у памятника Тарасова в этот день вот уже четыре года много хоккейного люда. 80-летняя дата со дня рождения А.В.Тарасова собрала на Ваганьково небывалое число ветеранов хоккея. Кроме армейцев и других игроков сборной, родственников и друзей, почтить память великого тренера пришли люди, не имевшие непосредственного отношения к Тарасову — хоккеисты «Химика», «Крыльев», ленинградцы, спортивные журналисты, даже спортивные медики, не говоря уже о болельщиках. Состоялся импровизированный митинг, на котором выступили многие известные спортсмены и тренеры. Самым проникновенным

было выступление Бориса Александровича Майорова, первого и многолетнего капитана победной сборной СССР 60-х годов. И выглядело это для меня очень неожиданно.

Отношения тренера сборной СССР А.Тарасова с капитаном команды Борисом Майоровым были, мягко выражаясь, непростыми. Тренер высоко ценил в хоккеисте Майорове природные спортивные качества, его элегантный двигательный навык, высокую технику владения шайбой. Очень импонировало Тарасову творческое начало в игре Майорова, его высокая склонность к импровизации. Наконец, как капитан Борис Майоров был просто неповторим. Его азартное самолюбие, здравомыслие и страсть очень подходили для вожака команды. Но вот индивидуализм (здоровый, на мой взгляд), смелая независимость и самостоятельность капитана «Спартака» и сборной Тарасова шестидесятых раздражали. Поэтому тренер не прощал капитану даже малейших оплошностей, второстепенных ляпсусов, даже обоснованной индифферентности. Он постоянно требовал от Майорова «поступков». Капитан отвечал тренеру полной «взаимностью». Анатолий Владимирович часто вспоминал, как во время занятий сборной в бассейне, он решительно потребовал от всех игроков взбежать на трехметровую вышку и прыгнуть в воду с трамплина. Команда было направилась выполнять тренировочное задание, как вдруг воцарившуюся тишину нарушил голос Бориса Майорова: «Для безошибочного выполнения упражнения хотелось бы посмотреть детали техники прыжка в воду в исполнении самого тре-

нера». Тарасов понял, по его собственным словам, что тут уже ему «не отвертеться». «Я никогда не прыгал в воду с такой высоты, — рассказывал Анатолий Владимирович, — а вся команда остановилась у кромки бассейна и наблюдала за мной! Ни жив, ни мертв я поднимался на вышку, а потом, разогнавшись и закрыв глаза, спрыгнул вниз «солдатиком». Моя немалая масса подняла огромный столб воды, но выныривал я на поверхность уже под бурю аплодисментов. Уверен, это была моя маленькая победа!» И уж совсем отношения тренера и капитана стали «официальными», когда в 1965 году Тарасов (а это была только его инициатива) отлучил от сборной не прогрессирувавшего Евгения Майорова. Тогда Борис тяжело переживал «разлуку» с братом. Уже позднее, когда они оба избрали тренерское поприще, Анатолий Владимирович публично и колко давал молодому тренеру Майорову «советы постороннего» — взять поначалу руководство над молодежью, а не начинать тренерство с титулованной команды высшей лиги. И все же, несмотря на былые шероховатости отношений, Тарасов всегда считал Бориса Майорова идеалом капитана сборной команды Советского Союза по хоккею. И открыто рассказал всем об этом в своей книге «Настоящие мужчины хоккея». Никогда прежде не доводилось мне слышать от Б.Майорова мнения об одном из своих тренеров — Анатолии Тарасове. Только однажды в интересной, нетривиальной (для хоккеиста) книге Майорова о его спортивном пути я смог найти положительный отзыв о Тарасове. Прошло почти 30 лет, и вот...

«Этот день золотыми буквами должен быть вписан в историю мирового хоккея! И, наверное, в историю нашей страны! Потому что 10 декабря родился человек, посвятивший всю свою жизнь созданию непобедимого хоккея, которым любовался весь мир», — сказал, выступив одним из первых на митинге в морозный полдень 10 декабря 1998 года, заслуженный мастер спорта СССР Борис Александрович Майоров.

Этот очень талантливый спортсмен закончил свою игровую карьеру в 1969 году (когда «Спартак» выиграл чемпионат СССР), уйдя из спорта непобежденным. Вся его последующая спортивная деятельность (тренерская, административная, международная, просветительская) лишняя раз подтвердила тезис, что, если человек талантлив, то он талантлив во всем. Сегодня Борис Александрович Майоров нередко ведет репортажи о хоккейных матчах. Видимо, у него есть какое-то чувство долга перед памятью безвременно ушедшего из жизни брата. И мы снова слышим в эфире знакомый тембр голоса, неторопливые и, что есть самое главное, профессиональные суждения о спорте, о хоккее, о великой игре, беззаветным служителем которой был сам Борис Майоров. Я не смотрю хоккей, я закрываю глаза, и мне часто, особенно после коротких его пауз, кажется, что я вот-вот услышу: «...хотелось бы посмотреть детали техники прыжка... в исполнении самого тренера».

Тот день памяти Анатолия Тарасова, отмечавшийся 10 — 11 декабря 1998 года и посвященный 80-летию этого великого человека, на мой взгляд, удался. Дома, в торжественной обстановке за столом Татья-

на взяла первое слово, сказав просто: «Папка любил, когда в доме за столом собирается много людей. Он сегодня был бы очень рад. Спасибо вам всем за радость, которую вы подарили отцу!» А на следующий день в Лужниках играли ветераны, посвящая эту игру памяти Тарасова. Зрителей на трибунах было немного, потому что мало кто знал об этой игре. Зато мальчишек, из которых почти каждый не имел понятия, кто такой был этот Тарасов, впускали на стадион бесплатно. Потом на втором этаже подтрибунного пространства был непримечательный банкет-фуршет. Стояла толчея, было тесновато и шумно, народ выпивал, закусывал. Все выглядело простенько, но по-русски искренно, неподдельно, без вычурности и фальшивой «богатости» новых русских. То есть именно так, как это представлял себе и даже сам иногда делал в последние годы Анатолий Владимирович. И я думал, стоя на том фуршете с рюмкой в руках, что сказанное Таней вчера столь же справедливо и для этого застолья. Однако до начала банкета, покуда длилась вся «официальная», спеническая и публичная часть этого скромного вечера, я находился в ожидании некоего, только одному мне ведомого, маленького чуда. Вопреки моим надеждам чудо не свершилось. И поэтому сегодня, спустя год с лишним, я вправе, нет, я просто обязан рассказать об этом. О том, как и почему не сбываются чудеса.

Читателю уже кое-что известно о характере моей профессии. Само это обстоятельство ровным счетом не имеет отношения к теме и герою нашей книги. Но к конкретной истории несбывшихся надежд и несо-

стоявшегося чуда — самое прямое. Так уж случилось, что из 30 лет так называемого непрерывного лечебного стажа, помимо основной службы, 25 полных лет я отдал еще и так называемой кремлевской медицине. И, как вы сами понимаете, пациентов за эти годы повидал разных. Имен называть не позволяют ни врачебные тайна и этика, ни собственные нравственные установки. Летом и осенью 1998 года я очень интенсивно и часто «работал» с одним весьма уважаемым деятелем современного политического небосклона. Его влияние на различные социальные, экономические и политические процессы любого масштаба было (и остается) огромным. Его не политическое, а научное прошлое делало его как доступным, так и понимающим «партнером», если подобный термин допустим в отношениях врача и пациента. Как бы то ни было, у нас установилась видимость взаимопонимания. Тем более, что медицинская сторона наших отношений развивалась как нельзя лучше. Пациент выздоравливал и я рассчитывал на его содействие. При этом никаких корыстных личных намерений я не имел и планов не строил. Первоначально я заручился его поддержкой в осуществлении очень важного проекта в области медицины. Мне были даны заверения в безусловном содействии. Причем, немаловажно отметить, что все предложения я направлял моему «покровителю» в письменном виде через его особо доверенного человека (прямого подчиненного). Сомнений в том, что документы попадают на стол, быть не могло. Просто потому, что я получал впоследствии в ответ на них устные комментарии. И тогда, оценив расположение этого

всесильного человека, я решился на дерзкий и отчаянный шаг. Напрочь забыв о профессиональных интересах и притязаниях, я решил воспользоваться влиянием этого политика для возрождения славного имени Анатолия Владимировича Тарасова. Я написал и отправил привычным маршрутом (через того же подчиненного) письмо, выдержки из которого приводятся ниже.

...Одним из таких «мечтателей» прошлого в отечественном спорте был великий хоккейный тренер Анатолий Владимирович Тарасов.

Излишне говорить о фантастически большом и неправдоподобно многообразном вкладе этого человека в славную историю спорта в России, в развитие самой ураганной игры XX столетия — хоккея <...> Россия, благодаря ему <...> давно является одним из крупнейших центров мирового хоккея. Одним из его символов вот уже 30 лет остается московский международный турнир по хоккею с шайбой, среди основателей которого был и А.В.Тарасов.

<...> До недавнего времени турнир носил название Приз «Известий», но, к сожалению, сегодня, в силу финансовых трудностей, он утратил свое прежнее название и теперь противостоит естественно именуется Кубок «Балтики», хотя по-прежнему проводится в столице.

Нынешний год является наиболее подходящим для возрождения этого турнира. Дело в том, что 10 декабря 1998 года А.В.Тарасову исполнилось бы 80 лет. Этот день совпадает с традиционным сроком проведения упомянутых соревнований. В год юбилея

величайшего тренера мирового хоккея <...> имеет-ся историческая возможность обоснованно предложить переименование этого турнира в Кубок Тарасова (по аналогии с известными кубками, носящими имена людей, сделавших гораздо меньше для развития мирового хоккея — Стенли, Аллан, Спенглер, Браун и др.). Уже сам факт присвоения турниру всемирно известного легендарного спортивного имени может привлечь немалое число заинтересованных спонсоров.

Убежден, что у многих поколений россиян (а турнир обычно транслируется по TV на большую часть территории России), все еще любящих хоккей, эта акция получит самый положительный **общественно-политический отклик**.

С искренним уважением, надеждой на понимание и благодарностью.

Ответом на мое письмо (а оно было датировано сентябрем 1998 г.) было гробовое молчание. Я не осмеливался в разговоре с пациентом вновь поднимать этот вопрос, внутренне опасаясь недоуменной реакции, равнозначной отказу. Боялся испортить, разрушить задуманное. Конечно, я был наивен в своей уверенности, что Тарасова должны любить все и вся. Но в том, что должно свято почитать величайшие национальные достижения прошлого, пусть даже самого недавнего, я убежден и переубедить меня никто и ничто не сможет. Даже самый влиятельный политик, для которого, кстати, если он истинный патриот, это есть священный долг и первейшая обязанность.

Время шло, 80-летие Анатолия Владимировича приближалось, наши встречи с моим «подопечным» прекратились за ненадобностью — избавление от недуга было успешным и окончательным, — а я, чудак, все надеялся на чудо. Чудес не бывает. Как говорит мой близкий друг Леонид Петрович Наумиди, профессор физики одного из европейских университетов (бывший гражданин независимой России): «Величие страны не дотягивает до величия Тарасова».

От великого до смешного один шаг. Жизнь всегда через край наполнена комизмом ситуаций, получающих отражение и отклик в нашем сознании. Но лишь немногие люди наделены способностью улавливать и подмечать смешные моменты повседневности. И поэтому повествование о Тарасове нельзя себе представить без упоминания об этом его ценном качестве, о замечательном чувстве юмора. Уверен, что можно было бы с успехом издать отдельную книгу «смешных историй от Тарасова». Ими он щедро делился со своими друзьями и близкими, не скрывая, что зачастую сам становился их активным участником и даже «жертвой». Вот лишь наиболее яркие и любимые мной истории, приоткрытые мне Тарасовым.

В 1949 году в Китае была провозглашена Народная Республика. Произошла очередная для земного шара социалистическая революция. В самой населенной стране мира победу одержал народ. Началось строительство еще одного социализма. И, естественно, первым руку помощи Китайской Народной Республике протянул опытный Советский

Союз, кто же еще? Начал выстраиваться весь комплекс многосторонних братских отношений — политических, экономических, военно-стратегических, научных, культурных. Естественно, в налаживании этих отношений большая роль принадлежала молодым коммунистам («...и его возводить молодым!»). ЦК ВЛКСМ охотно делился опытом того, как надо быть резервом партии. И посылал в Китай для живой передачи этого опыта лучших представителей молодежи — военных, ученых, производственников, деятелей искусств, передовых колхозников, спортсменов. В состав подобной делегации во главе с первым секретарем ЦК ВЛКСМ тов. Н.А. Михайловым для встреч с общественностью Китая в 1950 году включили заслуженного мастера спорта Анатолия Тарасова. Делегация состояла из дюжины человек. Среди них был даже легендарный герой Великой Отечественной войны, награжденный не одной Золотой Звездой.

Как вспоминал спустя почти 40 лет Тарасов, график визита был очень напряженным. В день происходило по 2 — 3 выступления в разных местах. Всем хотелось встретиться с представителями страны, победившей в Великой войне. Свободного времени практически не оставалось, и поэтому на общем собрании каждому делегату было поручено на выделенные командировочные деньги приобретение одного вида экзотических восточных товаров на всех. Тарасову выпало обеспечить своих товарищей уникальными китайскими шелковыми тканями для последующего пошива в Москве дамских платьев, кто-то должен был снабдить делегацию китайским

фарфором и т.д. В последний день поездки, улучив момент, Тарасов, не мудрствуя лукаво, в ближайшем универмаге купил на каждого по рулону красочных тканей, обильно изукрашенных традиционными китайскими драконами. Выполнили свои задания по снабжению товарищей и другие попутчики. Все были довольны и возвращались на родину с чувством исполненного перед родственниками долга — все типы диковинных китайских товаров были у каждого в наличии.

Нина Тарасова, любуясь подарками, долго не могла взять в толк, что можно сшить из кишасщего драконами шелка. В конце концов, она предпочла пустить весь материал, благо недостатка в нем не было, на гардины. Хватило на все окна в квартире.

Прошли годы, ровно 15 лет. Тарасов был уже всемирно известным, титулованным тренером. Его знала вся страна. Очередной матч текущего чемпионата СССР 1965 года по хоккею проходил на открытом стадионе «Динамо». Была зима, и стояли довольно сильные морозы. За полчаса до начала игры на улице перед служебным входом спортсмены щедро снабжали друзей и знакомых входными (бесплатными) билетами. Тем же входом пользовалось и начальство, чтобы, войдя на стадион, занять место в ложе почетных гостей.

Внезапно рядом с Тарасовым остановилась черная «Волга» с явными признаками начальственной принадлежности (спецномера, телефонная антенна, центральная фара). Дверь распахнулась, и с переднего сидения навстречу Тарасову шагнул улыбающийся мужчина в форме генерала-полковника.

— Толя, сколько лет прошло! — пророкотал, кидаясь в объятия, герой войны, попутчик Тарасова по давней, почти забытой командировке в Китай. — Рад за тебя, горжусь тобой и всеми успехами нашего хоккея. Вот, как видишь, бываю на матчах, болею за ЦСКА.

— Иван! — Тарасов от неожиданности растрогался. — И я рад несказанно! Спасибо за верность армейскому спорту. Мы можем только гордиться такими болельщиками.

— Толя, позволь познакомить тебя с моей женой, — генерал открыл заднюю дверь черного лимузина, и из салона автомобиля вперед подалась дама во всем норковом: шуба, шапка, муфта. — Аня, это тот самый Толя Тарасов, о котором я тебе много рассказывал...

Порыв дамы выйти из машины мгновенно оборвался. Она замерла на полпути. А Тарасов, подойдя к двери, склонился, чтобы пожать нехотя протянутую ему руку.

— Рад познакомиться, меня зовут Анатолий, — представился он.

— Так это вы тот самый Тарасов?! — протяжно-вопросительно процедила сквозь зубы «норковая» дама.

— Да, — только и успел ответить ошарашенный агрессивной интонацией Тарасов. — А что?

— Какая безвкусица!

Следующую историю Тарасов любил вспоминать, когда какой-либо разговор переходил в плоскость обсуждения семейных отношений спортсменов, воп-

росов супружеской привязанности, взаимного уважения и взаимотерпимого отношения к специфике спортивной жизни. Случилось это в середине 60-х годов в спецвагоне поезда «Стрела» на маршруте Ленинград — Москва. В двухместном купе совершенно случайно оказались попутчиками Анатолий Тарасов и легендарный футбольный тренер Андрей Петрович Старостин. Давно и хорошо знавшие друг друга, оба были рады такому случаю и охотно погрузились в ночной разговор, который не прерывался до самого утра. В ходе беседы чинно и с удовольствием была распита бутылка армянского коньяка. Беседа лилась живо и интересно. Конечно, много и подробно говорили о большом спорте. Благо каждый внес свою весомую, фамильную лепту в это масштабное общественно-политическое дело. Вспоминали молодые годы, трудный, но радостный период становления советского спорта. Невольно перешли к особенностям семейной жизни спортсменов. Говорили о длительной разобщенности супругов, когда спортсмены вынуждены в силу специфики профессии подолгу быть в отрыве от дома, от семьи. Коснулись трудной доли жен спортсменов, пребывающих в долгом и томительном ожидании своих супругов. Тем более, что происходит это в самые молодые и яркие годы жизни. И здесь Старостина словно прорвало. Он начал с упоением и восторгом рассказывать о любимой супруге, о своих возвышенных чувствах к ней, о непреходящем преклонении перед ее многочисленными достоинствами. О том, сколь удивительна эта женщина, сотканная из одних добродетелей. О ее необыкновенном отношении к самому Андрею Пет-

ровичу, который, в чем она глубоко убеждена и охотно признается, наполняет смыслом ее жизнь.

Беседа быстро трансформировалась в монолог Старостина. Остановить его было невозможно, да, наверное, и не требовалось. Уж очень искренним, нежным и увлеченным был его рассказ о верной спутнице жизни. Повествование украшали многочисленные эпизоды из их прошлого и будней настоящего. Рассказывалось и о том, каким невиданным успехом у мужчин пользовалась в молодости и продолжает пользоваться сегодня эта удивительная женщина. Тарасов охотно внимал всем этим восторгам, хорошо зная истинную красоту и другие достоинства жены Андрея Петровича. Так продолжалось до самого приезда в Москву.

К своему удивлению, Тарасов отметил, что его несколько не утомил рассказ Старостина. Напротив, он был живым, интересным и помог скоротать время в пути. Анатолий Владимирович в душе даже благодарил попутчика за такое неожиданное и трогательное откровение. Одновременно Тарасов испытывал мимолетное чувство белой зависти к своему товарищу по большому спорту. Ведь он явно «недоотягивал» в способности проявлять к собственной жене столько внимания — все свое время Анатолий Владимирович посвящал хоккею. На мгновение Тарасову сделалось совестно. Он вспомнил и о том, что Старостин всегда, помимо большого спорта, отдавался увлечению искусством. Был вхож и почитаем в театральной среде, многие годы водил дружбу с великими Яншиным, Прудкиным, Названовым и другими. Всегда посещал театральные премьеры. Даже на вы-

ездах с футбольным «Спартак» умудрялся посещать лучшие драматические театры Ленинграда, Киева, Тбилиси.

Выходя на перрон Ленинградского вокзала в Москве, друзья тепло благодарили друг друга за подаренную радость общения. Утро столицы (а поезд прибывал в Москву в начале восьмого) было ярким и солнечным. Свежий летний воздух бодрил. Тянуло к свершениям. Бессонной ночи как не было. Тарасов приготовился распрощаться. Андрей Петрович в момент расставания, вдруг жарко выпалил: «Толь, а поехали сейчас в Яр к цыганкам?! На весь день!» Тарасов оцепенел. Вперив изумленный взор в лицо Старостина, он только и смог выдавить: «А как же жена!?»

Ни один мускул не дрогнул на лице выдавшего виды А.П.Старостина. Ответный холодный взгляд лишь дополнил ледяную непреклонность и искреннюю безапелляционность мгновенного ответа: «А причем тут жена?»

Любимый и высокочтимый учитель Анатолия Владимировича профессор М.Д.Товаровский был человеком ироничным, хладнокровно остроумным и склонным к сарказму. В галерее юмористических реприз Тарасова ему принадлежит достойное место.

А.В.Тарасов щедро приглашал на свой хоккей дорогих ему людей, испытывал необходимость их присутствия на своих «постановках». Одним из самых желанных гостей всегда был мэтр Товаровский. Михаил Давыдович, тем не менее, не часто посещал хоккей, но приходил, только уступая настойчивому прессу своего «студента» (так до конца своих дней

Товаровский звал Тарасова). И вот однажды Учитель сам изъявил желание посетить какой-то весьма принципиальный для ЦСКА матч и, предупредив ученика заранее, сообщил, что будет вместе с супругой. Для Анатолия Владимировича это действительно была немалая честь, и он настроился в связи с этим весьма ответственно. В тот вечер даже облачился в очень для него несвойственные белую рубашку и галстук. И назначил встречу уважаемому гостю у служебного входа за полчаса до начала игры.

Предматчевая атмосфера «задворок» хоккейного стадиона необычайно колоритна и насыщена нарастающей энергией ожидаемой спортивной развязки. У служебного входа всегда многолюдно и тесно — настоящее «броуновское движение». Шныряют околохоккейные люди — администраторы, журналисты, работники стадиона, телевизионщики всех мастей. Приглашенные стоят в ожидании выноса пропусков. Привратники стадиона бдительны и непримиримы к самым изощренным попыткам проникнуть на стадион обманным путем — им знакомы любые ухищрения болельщиков. Здесь можно видеть постоянных завсегдатаев, знатоков хоккея, матерых болельщиков со стажем и просто смешную детвору. Главной фигурой этой, казалось, нескончаемой «тусовки» всегда была легендарная болельщица Маша (в одном из перестроечных номеров то ли «Советского спорта», то ли «Спорт Экспресса» была опубликована про Машу подробная и интересная заметка).

Эту женщину неопределенного возраста с признаками слабо выраженного врожденного (или наследственного) умственного недоразвития знала вся (не

побоюсь такого утверждения) армия болельщиков Москвы, а возможно, и других городов Советского Союза. Маша болела за ЦСКА (футбол и хоккей), но пыталась критицизмом скрыть от непосвященного глаза свою привязанность. Она блестяще разбиралась в хоккее, знала многие закулисные подробности хоккейного театра. Была ярким, хотя и весьма пугливым трибуном, однако делала сенсационные заявления или смелые разоблачения, звонким и тонким голосом произнося монолог на всю хоккейную округу. Болельщики признавали ее несомненную компетентность. Сам Тарасов утверждал, что Маша «прилично» разбирается в хоккее. Любимой ее присказкой, или словом-связкой, был сокращенный вариант народного выражения «елки-палки». Но при машинной неидеальной дикции на слух оно воспринималось как некое вульгарное и даже нецензурное выражение. Любимой же забавой Маши было своими репликами задевать самых видных спортивных деятелей, на что те, казалось, просто не обращали внимания.

Не успел Тарасов вырваться в условленное время из тесного проема служебного входа, как тут же увидел прогуливающуюся в терпеливом ожидании чету Товаровских. Жена Михаила Давыдовича была еще более утонченной «аристократкой» (в самом лучшем смысле этого слова), чем супруг. На хоккей она пришла в своей жизни первый раз. Поэтому предматчевая атмосфера ее необычайно занимала. Подчеркнуто вежливо раскланявшись, Тарасов поцеловал ей руку и увлек трогательную пару пожилых людей за собой, назад к служебному входу. В этот миг наперез Тарасову как из-под земли возникла Маша,

громко голоса: «Тарасов, ёл-па! Что ж ты Деконского с Сенюшкиным отцепил, пустить в расход их хочешь, ёл-па?» «Маша, отстань», — походя привычно бросил Тарасов, приближаясь к уже отворяющимся дверям служебной проходной.

Жена Михаила Давыдовича от неожиданности просто оцепенела, увидев и, что самое страшное, услышав Машу. С неподдельным ужасом она спросила: «Миша, кто это!?». Ни на мгновение не останавливаясь, грациозно поддерживая супругу под руку и наклонившись к ее уху, Михаил Давыдович вкрадчиво шепотом ответил: «Это любовница Анатолия Владимировича!»

Анатолий Владимирович был большим ценителем вкусной еды. Во второй половине жизни сама его комплекция говорила об этом. Поначалу мне казалось, что тяга к кулинарным изыскам у Тарасова носит фундаментальный характер, ибо он очень высоко ценил и хорошо улавливал различные вкусовые оттенки самых разнообразных блюд. Однако постепенно я заметил одну удивившую меня особенность тарасовского кулинарного пристрастия — Анатолий Владимирович не выносил длительного приготовления пищи. И легко это объяснял своим профессиональным кредо, ставшим его второй натурой: любой процесс должен быть предельно быстрым, рациональным, идти по кратчайшему пути. Было не важно, что такая установка вступала в непримиримое противоречие с самим смыслом кулинарного искусства. Поэтому что для Тарасова наиболее дорогим было время — он терпеть не мог «длиннот». Поэтому в ра-

ционе его чаще встречались пикантные раритеты кулинарии, предельно простые по исполнению.

Однажды мой кулинарный «гуру» и самый близкий друг доктор Владимир Анатолиевич Кириллов посоветовал изготовить (предварительно научив меня этому) для Тарасова классический узбекский плов. Захватив на дачу к Анатолию Владимировичу все необходимые ингредиенты и нужную посуду, я вызвался удивить всех пловом. Поначалу хозяин обрадовался возможности отведать редкое для Москвы национальное блюдо. Но когда через 30 минут, стора от обуявшего нетерпения, он понял, что до завершения процесса оставался целый час, его настроение резко испортилось. Застолье было скомкано и «ош» (так узбеки называют главную фазу застолья — вынос и поедание плова) получился смазанным.

Надо было знать Тарасова, чтобы понять, что ответный шаг будет неизбежным. И вот однажды морозным декабрьским утром мы с моим коллегой Сергеем Эдуардовичем Аветисовым были приглашены Анатолием Владимировичем «на сауну» в его дачную резиденцию. Парная с вениками, как всегда, была беспощадной, но исключительно приятной. За ней последовало традиционное застолье. Надо сказать, что застолья в доме Тарасовых отличались исключительным хлебосольством, и в этот раз стол ломился от разнообразных холодных закусок, в особенности домашних солений и маринадов, собственноручно извлекаемых хозяином из нескольких дубовых бочек, стоявших в погребе.

Однако гвоздем программы был на этот раз «бифштекс по-татарски», водруженный в центре стола. Сервированное с тарасовской щедростью, это блюдо

являло собой объемистую миску свежайшего говяжьего фарша, обильно сдобренного солью и перцем и увенчанного сырым яичным желтком. Тут-то мы поняли, что пробил час взять реванш за предыдущее поражение. В ответ на упорные рекомендации Тарасова съесть бифштекс по-татарски и опасливо покосившись в сторону экзотического блюда, Сергей сказал: «Анатолий Владимирович! Пусть это едят Альметов, Шалимов и Билялетдинов».

«Дураки!» — сердито засопев, сказал Тарасов, смачно зачерпывая столовой ложкой желток вместе с сырым фаршем. Но ответ запомнил и позднее многим об этом со смехом рассказывал.

Непревзойденным хранителем и носителем тарасовских «историй» и баек по сей день является заслуженный мастер спорта Валентин Дмитриевич Бубукин, соратник Анатолия Владимировича по футбольной команде ЦСКА 1975 года. Поэтому я не буду (не в праве) пересказывать уникальные зарисовки Тарасова о Борисе Андреевиче Аркадьеве, Григории Федотове, Петре Демине, известных военачальниках, всегда питавших любовь к спорту и спортсменам, их других коллегах по большому спорту.

Анатолий Владимирович Тарасов, как он любил выражаться сам, «прожил нелегкую, но интересную жизнь тренера». В связи с этим он был убежден, и с этим нельзя не согласиться, что каждый шагающий с ним в ногу человек или просто его попутчик проживает столь же нелегкую, но и столь же интересную жизнь. А сам факт причастности любого человека к хоккею автоматически гарантирует ему состояние полного счастья.

ХОККЕЙ СЕГОДНЯ

Анатолий Владимирович с гордостью называл себя тренером-практиком. Умышленно делая на этом акцент, он, безусловно, лукавил. В его богатом творческом воображении постоянно роились новаторские замыслы и идеи. Просто он стремился немедленно воплотить их на практике, дабы быстро проверить жизнеспособность задуманного. Так что правильнее было бы характеризовать Тарасова одновременно как ученого-исследователя и практика, человека, находящегося в постоянном поиске, непрерывно экспериментирующего и тут же внедряющего свои удачные разработки. Хорошо известны его аналитические выкладки, объективно характеризующие действия отдельных хоккеистов (и их амплуа) и команды в целом. Такие, например, как километраж, покрываемый за игру канадскими и нашими игроками (защитниками и нападающими отдельно). Или число завершенных прицельным броском атак на ворота соперника (и иных технико-тактических элементов) в течение матча (периода, смены). Подобные и многие другие критерии и показатели позволили Тарасову выработать среднестатистические требования, необходимые для достижения стабильного превосходства над соперником в определенных фазах и компонентах игры. Иными словами, Тарасов был не чужд внимания к статистике доказательной как науке точной и достоверной. Мы нередко вмес-

те изучали многообразные показатели, которыми всегда изобилуют годовые отчеты прошедших сезонов в НХЛ. В последние годы Анатолий Владимирович особенно интересовался показателями наших лучших легионеров в сравнении с таковыми у именитых звезд НХЛ. «Обрати внимание, — страстно говорил мне Тарасов, — на один малозаметный показатель игры хоккеистов НХЛ: среднее число очков за игру по итогам сезона (сезонное среднеигровое число очков). Проанализируй его динамику на протяжении карьеры хоккеиста, и ты поймешь, сколь важен и информативен этот коэффициент. Чтобы все стало сразу понятно, возьми «великих» из НХЛ за последние 25 лет (разговор шел в феврале 1994 года. — В.А.). Проследи за динамикой этого показателя за всю карьеру. А потом посмотри, каков тот же признак у *наших* новоиспеченных НХЛ-овцев. Раз уж они играют в «тот» хоккей, то и оценивать их мы должны по канадским меркам!»

Заинтересовавшись, я вооружился справочниками НХЛ (при работе с данной книгой я использовал статистический ежегодник НХЛ 1999 — 2000). Кто из великих канадских хоккеистов (в нашем традиционном понимании) мог бы войти в этот список? Прежде всего, были интересны те, кто встречался с нашими хоккеистами, кого мы сами пробовали «на зуб». Список получился весьма внушительный. Привожу таблицу, исчерпывающе характеризующую наиболее выдающихся хоккеистов (прошлого и настоящего) НХЛ именно по этому показателю. Среди «карьерных» данных учтены: продолжительность выступлений в НХЛ к момен-

ту оценки показателя (у большинства к окончанию карьеры), среднеигровое число очков за карьеру и лучшее среднеигровое число очков за сезон. В таблицу включены только те хоккеисты, продолжительность карьеры которых составляет не менее 10 лет (исключение — игроки из бывшего СССР).

ЗАЩИТНИКИ	ВОЗРАСТ	ГОДЫ	КАРЬЕРА	лучший сезон
Б.ОРР	29	11	1.4	1.78
П.КОФФИ	38	19	1.12	1.75
Д.ПОТВЭН	32	13	1.02	1.38
Р.БУРК	39	20	1.01	1.26
Б.ЛИТЧ	31	12	0.94	1.28
Э.МАКИННИС	36	18	0.93	1.32
Ф.ХАУСЛИ	35	17	0.89	1.21
Б.ПАРК	34	14	0.85	1.05
Г.САТЕР	35	14	0.81	1.21
Л.МЕРФИ	38	19	0.78	1.02
Г.ЛАПУАНТ	33	12	0.77	1.0
Л.РОБИНСОН	35	14	0.76	1.1
К.ЧЕЛИОС	37	16	0.74	0.91
С.ЗУБОВ	29	7	0.81	1.14
С.ОЗОЛИНЬШ	27	7	0.75	0.85
НАПАДАЮЩИЕ	ВОЗРАСТ	ГОДЫ	КАРЬЕРА	лучший сезон
У.ГРЕТЦКИ	38	20	1.92	2.77
М.ЛЕМЬЕ	32	13	2.00	2.67
М.БОССИ	32	13	1.50	1.84
Г.ЛАФЛЕР	32	12	1.38	1.7
М.ДИОНН	35	15	1.37	1.71
Б.ТРОТЬЕ	31	12	1.37	1.76

НАПАДАЮЩИЕ	ВОЗРАСТ	ГОДЫ	КАРЬЕРА	лучший сезон
Ф.ЭСПОЗИТО	38	17	1.26	1.95
С.АЙЗЕРМАН	34	16	1.26	1.94
Д.САКИК	30	11	1.24	1.46
Ж.ПЕРРО	35	16	1.12	1.41
БРЕТ ХАЛЛ	35	13	1.21	1.68
М.МЕССЬЕ	38	20	1.17	1.63
А.ОУТС	37	14	1.16	1.89
П.ТАРДЖОН	30	12	1.14	1.59
Р.ФРЭНСИС	36	18	1.12	1.55
БОББИ ХАЛЛ	33	15	1.11	1.44
(только НХЛ)				
Л.РОБИТАЙЛ	33	15	1.11	1.49
А.МОГИЛЬНЫЙ	30	10	1.11	1.65
С.ФЕДОРОВ	29	9	1.11	1.46
П.БУРЕ	28	8	1.13	1.41

Из таблицы видно, что самые выдающиеся нападающие НХЛ набирают в среднем за игру более 1.0 (одного) очка в течение карьеры, а самые лучшие защитники — более 0.7 очка. Причем, в первые 5 — 8 лет карьеры этот показатель стабильно выше.

Снова оцените, но теперь уже качественно, этот список. В нем лучшие игроки планеты заключительного 25-летия XX века, то есть практически лучшие хоккеисты в истории игры. Всех их объединяет один и тот же критерий — не менее 1.0 очка за игру для нападающих и не менее 0.7 очков за игру для защитников. И это на протяжении всей многолетней карьеры. Правда, значение этого коэффициента для многогранной оценки роли защитника не может быть исчерпывающим, так как он не отражает оборонитель-

ных достижений игрока. Например, такие знаменитые защитники, как С.Савар, Ж.-К.Трамбле, наш Вячеслав Фетисов, С.Стивенс, К.Хартсбург, имели низкий (в НХЛ!) показатель, но были образцовыми разрушителями.

Тот же показатель у большинства наших игроков в НХЛ не столь убедителен. Только единицы, такие как Зубов, Озолиньш, Могильный, Федоров, П.Буре, в меньшей степени Жамнов и Яшин, скромно приближаются к лучшим канадцам, но уже никогда с ними не сравняются. Вторая половина карьеры, а в нее вступили все наши «звезды», всегда характеризуется только медленным падением этого коэффициента.

Вывод, который делал из этого анализа (еще в 1994 году) Анатолий Владимирович Тарасов, а спустя пять лет делаем мы вместе с читателем, напрашивается один. Постоянно играя в чуждый им хоккей (чуждый концептуально, образовательно, психологически и даже нравственно), воспитанные на традициях собственной русской школы хоккеисты не могут полностью реализовывать свои задатки и навыки. Они не в состоянии проявить себя в полную силу, так как в НХЛ существуют своя категория ценностей, свои стандарты, до высот которых наши лучшие хоккеисты не дотягивают.

Развивая интересную идею А.В.Тарасова, я попытался извлечь из этого внешне простого показателя прогностические ориентиры. Возможно ли предсказать с помощью этого коэффициента появление суперзвезд? С этой целью было проведено чисто статистическое сравнительное исследование (ретроспек-

тивное). Сравнивались четыре численно почти одинаковые (по 10 — 11 человек в каждой) группы хоккеистов НХЛ (форварды). Первые три группы составили *звезды* последнего 20-летия:

- А) североамериканские хоккеисты,
- Б) российские легионеры,
- В) европейские легионеры.

Четвертую группу (Г) образовали также североамериканцы, ничем не выделяющиеся по своим «карьерным» показателям, но занимавшие в свое время самые высокие места в любительских драфтах НХЛ. Было проведено сравнение среднеигрового очкового показателя за *первые пять лет* карьеры этих хоккеистов. Вот каковы результаты.

Группа А (11 игроков)	Группа Б (10 игроков)	Группа В (10 игроков)	Группа Г (11 игроков)
1.37	0.93	0.99	0.60
Гретцки (2.33)	Федоров (1.19)	Селянне (1.29)	Рише (0.88)
Лемье	Могильный	Форсберг	Уитни
Айзерман	П.Буре	Ягр	Примо
Робитайл	Жамнов	Сундин	Саваж
Реник	Каменский	Палфи	Дайгл
Фрэнсис	Яшин	Тикканен	Пулен
Сакик	Христич	Бондра	Джелинас
Брет Халл	В.Козлов	Ренберг	Пеллерин
Босси	Ларионов	Клима	Лаперьер
Сиссарелли	Коваленко (0.69)	Койву (0.76)	Лафайет
Дженни (1.1)			Мюррей (0.15)

Сравнительный анализ подтверждает, что исследуемый показатель у элиты североамериканцев заметно (на 47%) выше, чем у россиян, и также превосхо-

дит (на 38%) его у европейских легионеров. Из этого анализа также следует, что среднеигровой очковый коэффициент, превышающий в первые пять лет карьеры НХЛ рубеж 1.0, является точным признаком как игрока высочайшего класса, так и успешной карьеры в лиге.

Когда сегодня предпринимаются многочисленные попытки оценить статус российского хоккея, то делается самый поверхностный и весьма простой вывод: Россия превратилась в донора НХЛ и, «разграбленная», утратила свои лидирующие позиции в мировом хоккее. Это в корне порочное, лишь отчасти верное и чрезвычайно опасное суждение. Главным сторонником такой точки зрения был и остается Виктор Васильевич Тихонов. Этот выдающийся тренер, много лет проработавший с лучшими хоккеистами ЦСКА и достигший больших высот в мировом хоккее, смотрит на проблему неконструктивно. Его взгляд лишен системного подхода. Как тренер и специалист хоккея Тихонов был полным аналогом Тарасова по форме и столь же полным его антиподом по содержанию.

Хорошо известно, что Швеция, Финляндия и Чехословакия (позднее Чехия и Словакия порознь) давно, гораздо раньше СССР, стали поставщиками своих хоккейных талантов «двору ее императорского величества» НХЛ и остаются ими по сей день. Однако последние 10 лет, исключая Олимпиаду-1992 и чемпионат мира-1993, эти страны, также выступая на мировых первенствах без или с не большим числом легионеров НХЛ, всегда опережали нашу сборную.

В поисках ответов на волнующий нас вопрос о негативных изменениях в российском хоккее мы снова возвращаемся к проблеме личного и общественного, противоречию между национальными и наднациональными проблемами в профессиональном спорте. Если задаться вопросом, что важнее для защитника Б.Миронова (первый наглядный пример, попавшийся на глаза): рост его личного контракта в НХЛ до \$ 2.1 млн. в год или национальный престиж отечественного хоккея, ради которого следует непрерывно тренироваться (по традиционным меркам отечественного хоккея), то ответ очевиден. Конечно первое! Игрок не будет работать над собой и помогать команде (командам), за которую он играет или будет играть, пока не будут удовлетворены его личные финансовые интересы.

Начиная с 1989 года в нашем хоккее все пошло вспять. То, что десятилетиями формировалось в нелегком, но радостном труде, достигалось в тяжелых сражениях на международной арене и принесло славу отечественному спорту, пущено с молотка. Это не пафос, проблема столь драматично формулируется не ради красного словца. Пущен на самотек не только созидательный, несравненный учебный потенциал нашего хоккея. Практически разбазаривается генетический фонд отечественного хоккея. Уникальные самородки земли русской утекают за океан (уверен, навсегда!) в 18 — 19-летнем возрасте. Они формируются как профессиональные хоккеисты в НХЛ, становясь в спортивной зрелости похожими на всех канадо-американских мастеров, и получают местное гражданство или вид на жительство. Эволюция отечественного хоккея сменилась инволюцией.

Сам по себе этот факт не означает гибели хоккея и всего хоккейного хозяйства в нашей стране. Напротив, в условиях смены экономической формации, становления так называемого свободного предпринимательства хоккейная провинция России расцвела. География национального хоккея расширилась, клубная хоккейная периферия подняла голову и заговорила в полный голос. Сами по себе, по сути своей, это признаки положительные. Но проявляют они себя в хоккее среднего международного масштаба. Да, как это ни прискорбно, наш хоккей из лидирующего превратился в хоккей, еле поспевающий за лидерами. «Средненький», как любил выражаться Анатолий Владимирович. «Скучно, девушки», — почти слышал я из уст хмурого Тарасова саркастическую реплику Остапа Ибрагимовича Бендера, когда наблюдал молчаливого Великого Мастера на каком-либо очередном хоккейном матче чемпионата России в начале 90-х. «Глаз остановить не на ком!», — вот главная причина беспробудной тоски, посещавшей его перед уходом из жизни.

«Глаз — антенна мозга, вынесенная на периферию», — написано в учебнике по физиологии. Антенна Тарасова перестала получать сигнал, стимулирующий мозг на активную творческую, созидательную деятельность. Несмотря на преклонный возраст, Тарасов оставался по-юношески чуток к любому проявлению спортивной даровитости, к малейшему намеку на талант, свежесть, неожиданную новизну индивидуальности.

Вспоминаю нередко появлявшиеся в спортивной печати середины 60-х обывательские по своей сути

рассуждения о том, смог бы Тарасов поднять заурядную провинциальную команду до высот чемпионства. В этом вопросе чувствовался дремуче-невежественный и завистливый упрек — с ЦСКА, мол, любой смог бы побеждать! Об одном только забывали в этих своих дилетантских попреках ретивые шелкоперы. Эту непобедимую команду ЦСКА сам Тарасов создавал и пестовал долгие 20 лет. Такое злобное и завистливое раздражение, свойственное многим созерцателям чужих достижений и успехов, вполне понятно и объяснимо по отношению к Тарасову шестидесятих годов. Действительно, в тот ответственный период роста отечественного хоккея старший тренер ЦСКА, как упоминалось выше, рекрутировал в свой клуб группу способных хоккеистов из разных команд класса «А». Именно с тех пор вошел в спортивный лексикон термин «конюшня», означавший «содержание в стойле» хороших игроков, «призванных» в ЦСКА под видом службы в армии. Последний и самый плодотворный «впрыск» в состав ЦСКА «инородцев», которыми оказались Б.Михайлов и В.Петров, состоялся в 1967 году. Известно, что Тарасов с интересом всматривался в 19-летнего Е.Зиминого, который пришел в том году в «Спартак» из команды «Локомотив». Перед сезоном 1967 — 68 годов заместитель Тарасова Б.Кулагин посылал на переговоры с Зиминим армейца В.Полупанова, учитывая, что «антиармейская» монолитность «Спартака» была ослаблена уходом В.Боброва. Однако сведения о предстоящих переговорах просочились в прессу, начали циркулировать в околохоккейной среде, и Тарасов навсегда отказался от метода заимствования

чужих достижений. Армейская хоккейная школа уже давала богатый полуфабрикатный «материал».

В хоккейной школе ЦСКА производство добротного хоккейного «материала» было столь объемным, что ее выпускники играли, помимо ЦСКА, и в командах «Крылья Советов», «Спартак», СКА (Ленинград), «Химик», «Торпедо» (Горький) и др. Чего, например, стоит переход в «Крылья» целого звена Лебедев — Анисин — Бодунов. Иными словами, проблема подготовки хоккейных резервов к тому времени была успешно решена. Именно благодаря этому проблема спортивного долголетия в отечественном хоккее приобрела совершенно иное звучание.

Самым солидным «долгожителем» в этом виде спорта был Николай Михайлович Сологубов, он играл до 39 лет. То было просто исключительное явление. В СССР ветераном называли 30-летнего хоккеиста. Так было на этапе ускоренного развития хоккея в нашей стране. Идеологом такого подхода был Тарасов. Цель оправдывала средства — победы пришли быстро, хоккеисты штурмовали высоты мастерства авральными темпами, не щадя живота своего. Тарасов был самым беспощадным проповедником такого подхода и гордо называл себя «мясником». «Я привык отрубать!», — говорил он, спустя много лет, но уже с нескрываемой горечью, с откровенным сожалением. Расставание с большими мастерами происходило стремительно, как только появлялись устойчивые симптомы физического и психологического увядания спортсмена. Когда обнаруживались нежелание или неспособность работать «через не могу». Так протекали 60-е. Памятны досадные и, воз-

можно, не всегда справедливые расставания со сборной Е.Майорова (начало 1965), А.Альметова и Э.Иванова (1967), Б.Майорова, В.Александрова и В.Якушева (конец 1968). А ведь каждому из них было не более 30 лет. Тарасов не снижал самых высоких требований к выдающимся игрокам, считая, что они должны действовать только на уровне своих лучших возможностей. В тот период не могло даже возникнуть мысли о том, чтобы эти требования как-то изменить, определить для них качественно новый диапазон задач.

Плеяда молодых и более даровитых, рано сформировавшихся мастеров, способных решать качественно более высокие задачи, наступала ветеранам на пятки. Новые игроки, имена которых уже не раз упоминались, ломались в двери сборной. Только когда лавина игроков новой формации стала превышать число вакансий в сборной, и у Тарасова появилась возможность выбора, он по-новому взглянул на роль ветеранов в команде. Возникли условия для качественного изменения игровых функций и задач особо выдающихся мастеров-ветеранов.

Вячеславу Старшинову в 1970 году было доверено попечительство Александра Мальцева. Новичок сразу же установил рекорд результативности на чемпионатах мира. История Фирсова и Рагулина уже подробно описана выше. Опять-таки Тарасов первым из всех, в начале 70-х, попытался найти способы и средства для «продления века» ветеранов в большом хоккее.

К сожалению, это начинание не было подхвачено ни одним из советских тренеров в последующие 20 лет. Но, к счастью, щедро разбросанные Тарасо-

вым семена, побуждающие спортсмена к самоконтролю, дают всходы. Великие хоккеисты Макаров, Ларионов, Фетисов, Немчинов, Каменский, Быков, Хомутов, избавившись от «тренерской опеки», сумели продлить свое спортивное долголетие в НХЛ и странах Европы.

Главной целью Тарасова-педагога было установление полного единодушия и взаимопонимания со спортсменом. Желание сделать игрока своим единомышленником, последователем, а значит, самому себе тренером. Совсем недавно мне довелось стать случайным свидетелем события, отражающего возможность живого воплощения этой тренерской мечты. Как это ни покажется странным, событие это имело место не в хоккее, а в другом игровом виде спорта — в футболе. В одном из телевизионных спортивных сюжетов было показано короткое интервью совсем еще молодого (21 год) российского футболиста, очень перспективного игрока дортмундской «Боруссии» Владимира Бута: «Я люблю трудности. Мне доставляет удовольствие тренироваться больше других. Думаю, я добьюсь чего-то в сборной». Если признаться, то моему изумлению не было предела. За многие-многие годы знакомства с большим спортом я ни разу не слышал подобного глубоко осознанного заявления от столь молодого игрока. Было приятно сознавать, каким мощным внутренним импульсом к самосовершенствованию наделен этот молодой человек. Могут ли быть сомнения в том, сколь многого сможет добиться этот спортсмен в своей карьере!? Такое высокосознательное отношение игрока к спортивной профессии, к труду было пределом мечтаний тренера Тарасова.

В том же футболе мы все оказались свидетелями диаметрально противоположного примера. Выдающийся бразильский талант Рональдо был в течение 1,5 — 2 лет действительно лучшим игроком мирового футбола. Его природный дар столь уникален, что этот юноша стремительно прибавлял мастерства в игре, добиваясь очень впечатляющих успехов. Но, пожалуй, в самый ответственный период карьеры, в сезоне чемпионата мира 1998 года Рональдо не только приостановился в росте, но и продемонстрировал явный регресс. Эту метаморфозу за год до мирового первенства уверенно предсказывал выдающийся футбольный тренер Йохан Кройфф, у которого Рональдо играл в «Барселоне» три года. Оказывается, по словам Кройффа, бразилец неохотно и не творчески тренировался. Строил игру на эксплуатации своих необыкновенных природных данных. А любой Божий дар имеет лимит. До бесконечности на одном таланте выезжать невозможно. Даже уникальные физические качества спортсмена требуют постоянного усиления и закрепления в тренировочной муштре.

— Я не верю в талант спортсмена, — утомленно звучал голос Тарасова за кадром документальной кинохроники, демонстрирующей истязающие тренировки команды ЦСКА на черноморском побережье Кавказа, — я верю в его трудолюбие!

В своих неустанных попытках популяризации хоккея, которая являлась просветительством в высшем и лучшем смысле этого понятия, Тарасов подчеркивал необходимость прививать игрокам умение самостоятельно контролировать свое физическое состояние. Способность и умение игрока корректиро-

вать и поддерживать спортивную форму Тарасов считал главной целью и смыслом всей тренерской работы, с одной стороны, и высшим проявлением профессионализма игрока, с другой. Когда каждый игрок научится индивидуально достигать оптимума спортивной кондиции, чувствовать уровень своего спортивного потенциала, тогда, считал тренер, отпадает необходимость в постоянных и длительных командных сборах. Жизнь и работа спортсмена перестанет быть для него казарменной обузой, а трансформируется в процесс творческого, во многом индивидуального освоения нелегкой профессии, своего рода «самообразования».

Очевидным достоинством нашего хоккея перед любым его зарубежным оппонентом, особенно канадским, был «сборный» принцип существования клубов высшей лиги и, естественно, сборной страны. Практически весь класс «А» находился на постоянных сборах. Игроки команд (да и не только они) каждый год пребывали в своеобразной 10 — 11-месячной командировке. Не только военные (ЦСКА, «Динамо», СКА), но и гражданские (профсоюзные) клубы оставались все это время на казарменном положении. Спортсмены не принадлежали себе, всецело были подчинены коллективной дисциплине команды. Не только молодые спортсмены, всегда составляющие большинство коллектива, но и зрелые семейные люди (тренеры, врачи, массажисты, администраторы, спортсмены-ветераны) были надолго выключены из полноценной человеческой жизни. Они, как и члены их семей, годами беззаветно служили только хоккею, стойко снося многочисленные

житейские неудобства. В этом командном и авторитарном принципе руководства и существования команд заключалось априорное преимущество нашего хоккея перед зарубежным. Именно такой образ жизни хоккеистов в условиях непрекращающихся или чередующихся сборов и поездок определял характер сезонного календаря и огромный удельный вес тренировочных занятий в общей занятости спортсменов хоккеем. Только благодаря этому преобладанию тренировок советский хоккей сумел за короткий срок преодолеть историческое отставание от мирового, прежде всего, канадского. Много и качественно тренируясь, наши хоккеисты позднее создали задел для постоянных и более частых побед над канадскими профессионалами всех рангов (клубы, сборные). Но именно в силу такого уклада работы и жизни нашего хоккея спортивный век даже самых талантливых и одержимых в труде советских хоккеистов был, как упоминалось выше, на удивление коротким — до 31 — 32 лет. Львиную долю своего труда и сил они отдавали в ходе карьеры тренировочным занятиям. Примаат тренировочного процесса, сослуживший нашему хоккею неоценимую службу, вступил в конце 80-х годов в противоречие с новыми условиями жизни общества вообще и спорта в частности, с изменившимися условиями финансирования и переоценкой государственного отношения к спортивному движению в целом. Чем все это закончилось, хорошо известно. Наши ведущие хоккеисты, уже вступившие в «преклонный» возраст, ощутили свою приближающуюся ненужность. Кстати, тому уже было немало исторических примеров — А. Фирсов, В. Викулов,

В. Харламов, А. Якушев, Н. Дроздецкий и др. Поэтому премьеры советского хоккея отчаянно ринулись за рубеж в НХЛ, чтобы подтвердить там свою профессиональную исключительность и получить за нее достойную компенсацию. Чтобы избежать грозившей безжалостной невостребованности, которая поджидала спортсменов сразу по окончании активной карьеры. Снова можно сослаться на «Овертайм» Вячеслава Фетисова, где он красочно и убедительно рисует беспощадную атмосферу сборов и бессмысленно-го тренерского диктата.

«Может, действительно необходимо держать команду в тюремном режиме? Неважно, есть там жены, дети, семьи... Может, если бы не было такой тирании, мы бы мало что выиграли? Руководство команды так журналистам все и объясняло — если, допустим, нас отпускать по домам, то хоккеисты начнут пить. А если начнут пить, значит не будет побед <...> Конечно, для спорта это идеальная ситуация: запретить людей и их тренировать. Держать все время руку на пульсе команды. Может, оно и правильно, но цена-то какая огромная. И дети без отца, и жены без мужей, и оторванность от мира. А постоянное общение в одном кругу приводило к определенной деградации. Спортсмен мог быть классный, но как человек — нередко с недостаточным развитием. А потом тебя отправляют в обычную жизнь, которую ты не знаешь, к которой не приспособлен <...> Большинство спортсменов, отыгравших много лет в советском хоккее <...> ничего не знает. Отсюда житейские трагедии, люди начинают спиваться».

Наше хоккейное руководство сполна пожинало плоды своего же эгоистичного и беззащитного монополизма. В руководстве команды ЦСКА, которую один за другим покидали лучшие мастера, царила настоящая паника (недаром, только этот клуб раскололся в итоге внутренней междоусобицы надвое!). К тому моменту бесспорным лидером отечественного хоккея по праву стал коллектив московского «Динамо». В руководимой В.Юрзиновым команде, несмотря на такой же массовый отток премьеров, существовала очень «длинная скамейка» классных и хороших мастеров (фактически, равноценный дубль!). Старший тренер динамовцев имел несомненный авторитет среди игроков и сумел очень тонко и безболезненно управлять процессом «утечки талантов» из команды, сделав его постепенным. А вот главный тренер ЦСКА В.Тихонов не сумел в новых условиях найти компромисс с лидерами нашего хоккея. В том числе и поэтому, позднее, для закрепившихся в НХЛ Фетисова, Макарова, Ларионова, Каменского, не говоря уж о Могильном и Федорове, успехи в составе сборной СССР перестали быть вершиной профессионально-спортивных достижений. Чемпионат мира уже не являлся сколько-нибудь сильным раздражителем, каким стали для этих хоккеистов матчи за Кубок Стенли.

«Да, требователен к себе и другим должен быть тренер. Но никогда не следует полагать, что тренер — начальник. Использовать свою власть? Это возможно, пожалуй, лишь в острых конфликтах, сложных, исключительных ситуациях. Не власть, а знание жизни, хоккея, чутье педагога — вот стезя на-

стоящего тренера <...> У нас появился тип тренера, опирающегося на власть, а не на свои тренерские, педагогические знания и убеждения. Такие тренеры не утруждают себя аргументами. Могут, будучи в раздражении или повинаясь капризу, обидеть любого, в том числе именитого игрока, не включить его в состав, перевести в другую пятерку, всячески ущемлять морально, не содействовать росту его мастерства. Искренность, теплота взаимоотношений подменяются казенщиной, формализмом. Тренерский диктат становится основным инструментом руководства командой. Мое убеждение таково: тренеры-диктаторы успеха в нашем хоккее не добьются, тем более сейчас, когда в жизни страны твердо наметился курс на демократизацию. Конечно, тренеры, привыкшие командовать игроками, еще будут цепляться за свои «методы» <...> Но все равно их век не может быть длинным. А спортивная судьба удачной <...> Конфликты тренеров с хоккеистами бывают и необратимы. Причины могут быть *разными*, но независимо от них *вина тренера очевидна*. (Tarasov A. Hockey's rise to international prominence. Glendale, CA., Griffin Publishing, 1997)

Убежден в том, что скоростной отказ от «сборного» принципа содержания хоккейных команд в России ослабил отечественный хоккей. В силу этого молодое поколение хоккеистов утратило возможность форсированного повышения мастерства, не стало непрерывного режима коллективной мобилизованности. Все же следует признать, что перемены эти возникли по объективным причинам. Но самым деструктивным обстоятельством оказался почти то-

тальный исход наших звезд (как состоявшихся, так и будущих) в НХЛ и другие хоккейные лиги западного мира (в том числе Швеции, Финляндии, Германии, Италии, Швейцарии, Австрии, Норвегии, Чехии и др.). У хлынувших на вакантные места неопытных новобранцев не стало примеров для подражания. Из нашего хоккея в одночасье ушли эталонные «учителя», лучшими из которых всегда являлись выдающиеся хоккеисты. Ведь самой плодотворной у нас традиционно была учеба на тренировках. Умение большого мастера самозабвенно тренироваться было безупречным и самым наглядным пособием для молодежи. Среди тренерских средств воспитания, этот, как никакой другой, Тарасов ценил превыше всего и особо им дорожил. Такой образцовый подход ветеранов к учебно-тренировочным занятиям быстро прививал молодежи вкус к работе над своим мастерством. Важным воспитательным фактором такой одержимости тренировками была неудовлетворенность собой, которую мастера не стеснялись показать во время занятий.

В результате происходивших в нашей стране общественных и организационных, а затем и психологических трансформаций, резко снизились объем и качество тренировочных занятий, особенно в сильнейших хоккейных командах. Поэтому не случайно на передовые позиции в отечественном хоккее выдвинулись команды хоккейной провинции — «Лада», «Торпедо» (Ярославль), «Барс» (Казань), «Металлург» (Магнитогорск), становившиеся чемпионами России. Несмотря на отсутствие многолетних традиций, но благодаря адекватному финансированию и

высокому уровню управления, эти команды опередили представителей столичного хоккея. Кризис достиг неслыханных масштабов. Дошло до того, что прежние гранды нашего хоккея ЦСКА, «Спартак», «Химик» и другие покинули в 1999 году высшую лигу. Лучшие когда-то школы хоккея перестали обеспечивать свои клубы достаточным и достойным молодым пополнением. К этому присоединилась слепо и механически скопированная (с западных мерок) система «купли — продажи» и «перепродажи» игроков без малейшей твердой юридической и правовой базы. Так в отечественном хоккейном хозяйстве воцарился очевидный, но, хотелось бы надеяться, временный хаос. С точки зрения обывателя и даже болельщика, наш хоккей находится в откровенном упадке. Дело даже не в 5 — 8-х местах на чемпионатах мира последних лет. Дело в пустых трибунах на матчах чемпионата страны в столице. А это говорит о резком снижении качества хоккейной игры, к которому очень чутка избалованная московская публика. Можно много говорить о трудностях жизни, можно пенять на неотвратимость и объективность происходящих социальных перемен, замедляющих развитие социальной сферы. Но у читателя обязательно возникнет вопрос: кому нужны эти сладкие ностальгические воспоминания о былых победах, о нашем безраздельном господстве в мировом хоккее прошлого? Нет сомнений, люди калибра Тарасова рождаются один раз в 100 лет (кстати, осталось уже меньше двадцати). Но при скрупулезном, всестороннем анализе собственного исторического (победного!) опыта отечественного хоккея, думаю, можно найти род-

никовый ключ новых побед и будущих успехов. Анатолий Тарасов оставил после себя множество нераскрытых, нереализованных замыслов. Обратиться к этому бесценному наследию жизненно необходимо для возрождения победной традиции российского хоккея.

Более чем сорокалетняя история контактов хоккеистов Канады и СССР (а попутно и Европы) помнит различные, не всегда благодушные периоды отношений. Наступали даже моменты полного официального разрыва — Канада игнорировала мировые чемпионаты, проводимые под эгидой Международной лиги хоккея на льду. В другие годы родина хоккея делегировала на эти соревнования далеко не самые сильные спортивные коллективы. В этой связи Тарасова постоянно мучил вопрос: «Неужели гордые, надменные канадцы, родоначальники великой игры не стремятся быть сильнейшими в мире? И постоянно доказывать это всему миру в открытых соревнованиях?!» Ведь сама структура североамериканского хоккея идеально располагает к постоянству таких достижений.

Похоже, что сегодня хоккей национальный (Россия, Чехии, Словакии, Швеции, Финляндии, Германии, Швейцарии, Норвегии и др.) находится в конфликте с хоккеем интернациональным (НХЛ), то есть хоккеем корпоративным. Хоккей, который представляет собой сегодня Национальная хоккейная лига, является хоккеем интеграционным. И произошло это, видимо, потому, что национальные ресурсы канадского хоккея (при непрерывном росте числа клубов в НХЛ) оказались исчерпаны. Па-

раллельно с этим прослеживалась четкая тенденция отказа от создания полноценной национальной сборной Канады, которая могла бы достойно бороться за звание чемпиона мира (победа в чемпионате 1997 года — артефакт). Всегда, начиная с 1977 года, сборная страны создавалась только по остаточному принципу. Поражения Канады в крупнейших турнирах последних лет (Кубок мира-96, Олимпиада-98, чемпионат мира-98), отказ от участия Dream Team в Олимпиаде-2002 являются прямым доказательством ослабления национального хоккея Канады (одной ли Канады?).

Думаю, что ответ на мучивший А.В.Тарасова вопрос лежит в сфере проблемы свободы личности современной цивилизации, свободы, которая достигла своего пика к концу XX века. «Освобожденный» человек (в данном случае профессиональный хоккеист) цивилизованного мира прежде всего действует в своих интересах, а уже затем, если и поскольку решено «свое», обращается к проблемам общественным. «Нисходит» до интересов государства. Поэтому для североамериканского хоккеиста сначала и прежде всего — собственный и как можно более высокий контракт. А затем уже, с его незыблемых высот, — общественные интересы и успех команды, сила и победы канадского хоккея в целом. Здесь материальный аспект всегда опережает моральный. «Освобожденный» человек не освободился (и не хочет!) только от одного — от своекорыстия. А победа национального спорта на мировом чемпионате — задача, прежде всего, чисто государственная, проблема общества, а не личности.

В советском обществе, государстве вообще и спорте в частности, всегда и все было наоборот. Сначала («сперва», как любил выражаться Тарасов) решалась государственная задача. Этому было подчинено личное. «Свое» находилось в зависимости от общественного. Поэтому победы сборной СССР над национальными командами Канады были для всех нас, особенно спортсменов и тренеров, самыми важными, желанными и почетными. А для владельцев, тренеров и игроков «Монреаль Канадиенс», «Бостон Брюинз», «Эдмонтон Ойлерс» первостепенным было решение «своих» задач. Аншлаг на трибунах родного стадиона, победа в Кубке Стенли намного превосходили по значимости победы сборной Канады на чемпионате мира или Олимпийских играх.

Олимпиада-98 в Нагано с чисто спортивной точки зрения, без сомнения, была крупнейшим событием в истории мирового хоккея. Хотя многие, особенно оступившиеся там североамериканцы, с этим никогда не согласятся. Все лучшие хоккеисты планеты впервые собрались на одном турнире, чтобы определить сильнейшую национальную команду в этом виде спорта. И нам понятна горечь великого У.Гретцки, упустившего единственный (последний!) шанс завоевать звание Олимпийского чемпиона и тем увенчать свою блистательную спортивную карьеру и подтвердить звание лучшего хоккеиста XX века. Не случайно Гретцки публично заявил о своем несогласии с решением руководства НХЛ отказаться от дальнейших выступлений на зимних Олимпиадах. Вместе с тем, для менеджера сборной Канады Бобби Кларка, а уж тем более для руковод-

ства Национального олимпийского комитета страны поражение хоккеистов — не более чем досадная неудача.

Существуют ли пути и способы разрешения этого противоречия между интересами НХЛ и мирового (правильнее, остального) хоккея? Возможно ли решение этой проблемы, если происходит откровенная конвергенция североамериканского и европейского хоккея? Национальная хоккейная лига явно нашла свой способ решения этой проблемы. Способ сколь прагматичный, столь же и эгоистичный. Сильнейшие хоккеисты Европы переходят в НХЛ, становясь членами ее различных клубов, целиком посвящая себя хорошо оплачиваемой работе в хоккее Северной Америки. Таким образом, лучшие в мире хоккеисты на весь сезон (!) перемещаются в Канаду и США. Эти страны становятся ареной, на которой целый год (почти 10 месяцев подряд) выступают выдающиеся хоккейные дарования мира. Коммерческий успех гарантирован. Фактор долговременной зрелищной притягательности берет верх над кратковременными (чемпионат мира длится две недели!) чисто спортивными ценностями.

Полная независимость от НХЛ, самобытность и дерзость отечественного хоккея долгие годы были гарантией не только победного превосходства над канадцами. Это, прежде всего, было залогом прогресса мирового хоккея в целом. А.В.Тарасов еще 40 лет назад подчеркивал, а время подтвердило, что хоккей прогрессивно развивается только на пути столкновения и соперничества двух школ — канадской и советской. Сближение (но отнюдь не слияние) и

противостояние двух разных полюсов мирового хоккея обогащало саму игру, было стимулом для ее творческого совершенствования. Пока структура, алгоритм отечественного хоккея были не похожи на все инородное, особенно североамериканское, мы были равными и достойными соперниками. Как вернуть русскому хоккею его утраченную самобытность? Где искать резервы, способные возратить его на «победный путь развития»? Только спортивными и организационными усилиями эту проблему уже не одолеть.

Наверное, решение этого вопроса лежит в сфере гигантской социальной проблемы всей страны — в проблеме существования национальной идеи. Для этого необходимы личности, способные вдохнуть во все слои общества твердую веру в возможность национального возрождения. И в спорте, в хоккее, в частности, также обязательно нужен такой человек. Нужен новый Тарасов.

История национального спорта России учит нас, что началом всех начал, главным источником жизнетворных импульсов, генератором вдохновения и страстного стремления к непобедимости может и должен быть только тренер. Аркадьев, Качалин, Якушин, Лобановский и Бышовец в футболе; Спандарян, Кондрашин, Гомельский и Алексеева в баскетболе; Ахвеледиани и Карполь в волейболе; Турчин в гандболе; Трофимов и Меньшиков, Чернышев и Тарасов в русском и канадском хоккее. Всех не перечешишь! И пусть сегодня в российском хоккее нет тренера подобного масштаба, зато есть целая плеяда учеников и последователей А.И.Чернышева и

А.В.Тарасова. Многие из них — Юрзинов, Моисеев, Давыдов, Воробьев, Михайлов — став тренерами, уже сказали свое веское слово, добились значительных побед на разных уровнях международного хоккея. А на подходе новое, вполне зрелое тренерское поколение в лице Третьяка, Билялетдинова, Фетисова. Жаль только, что у большинства из «новой волны» тренеров, как и у молодых игроков, приоритетна устремленность на Запад.

Отечественный хоккей сегодня, с точки зрения международного статуса, как бы вернулся к состоянию, в котором он находился в конце 40 — начале 50-х годов. Правда, в несколько ином качестве. Существующая, хотя и ослабленная инфраструктура подготовки кадров, позволяет, в отличие от прошлых лет, получить новое пополнение игроков. И довольно неплохое пополнение, как показал юниорский чемпионат мира-99. Проблема в том, что молодая смена, особенно ее лучшие представители, слишком рано «распыляются» по всему белу свету.

Отъезд наших лучших и просто одаренных хоккеистов за океан, ассимиляция в североамериканском спорте и самой жизни повлекли за собой их полное отчуждение от прежней среды обитания, от национальных спортивных корней. Российские поклонники хоккея не имеют возможности наблюдать своих бывших кумиров в деле. Не могут годами (!) любоваться их мастерством. Происходит наше медленное отвыкание от привычных и желанных сюжетов. Прежние герои где-то далеко, в чуждой и не совсем понятной нам жизни. У них быстро сфор-

мировались иные жизненные ценности. Многочисленные газетные репортажи об игре наших легионеров с нескончаемым потоком разнообразной статистики не могут заменить эстетического, зрительного восприятия их завораживающей игры. Случайные и короткие «набеги» в Москву для участия в Кубке «Спартак» дают нам возможность видеть лишь подобие той игры, которую они способны (и обязаны) демонстрировать только за океаном.

Зададимся вопросом, является ли турнир уровня чемпионата мира по хоккею достаточной мотивацией игры в полную мощь, а тем более сверх своих сил, для игроков, выбывших из розыгрыша Кубка Стенли? Ответ, скорее всего, будет отрицательным. Потому что для игрока, завершившего столь тяжелый сезон (а это, как правило, 80 — 90 матчей), а еще и потерпевшего неудачу в турнире, хоккей в его запредельном проявлении заканчивается в одночасье. Лежащее в подсознании чувство исполненного профессионального долга срывает безотказно. Никакие осознанные побуждения участвовать в качественно ином, уже мало привычном соревновании, на которое не распространяются условия главного для него профессионального контракта, не в состоянии мобилизовать игрока к полной самоотдаче. Сколько подобных и довольно ярких примеров мы могли видеть в последние годы.

Все изложенное позволяет сделать единственный кардинальный вывод, если исходить из интересов возрождения былой международной репутации отечественного хоккея.

Состав сборной России на чемпионаты мира должен формироваться только из игроков команд, участвующих в национальном чемпионате.

Привлечение легионеров, любых, независимо от страны и лиги, на чемпионат мира должно быть исключено. Это главное, единственное и достаточное условие для постепенного (иное невозможно!) завоевания утраченных российским хоккеем позиций. Надо, наконец, признаться самим себе, что после столь затянувшегося движения вспять, нашему хоккею предстоит пройти значительную часть прежнего пути заново. Только тогда можно надеяться на возврат к победам.

Международная лига хоккея на льду тщетно пытается что-либо противопоставить всеильной и всеядной НХЛ. На мой взгляд, в этой неравной борьбе Международной лиге необходимо одно немаловажное изменение в уставе или своде правил проведения чемпионатов мира. Следовало бы договориться, что на чемпионатах мира в составах национальных команд могут выступать только хоккеисты, принимающие участие в национальном чемпионате своей страны. Федерация хоккея России в качестве жеста доброй воли могла бы первой подать такой пример. Должно получиться так, что если в стране проводится национальный чемпионат, то именно его участники имеют право представлять свою страну на мировом первенстве. Если в стране, помимо национального, проводится чемпионат еще какой-то лиги, ассоциации и т.д., его участники лишаются возможности выступить в соревнованиях на первенство мира. Для игроков клубных команд России такое огражде-

ние турниров Международной лиги хоккея на льду от вторжения НХЛ будет огромным подспорьем и стимулом. Каждый игрок, работающий в России и отдающий всего себя клубной команде, будет уверен, что его потенциальное место в сборной может занять только такой же как он соотечественник, находящийся с ним в равных условиях. Тот, кто все время на виду, с кем в очной борьбе можно доказать свое право называться игроком сборной России. А не некий далекий, фактически бывший соотечественник, порой исполняющий вторые — третьи роли в далеко не лучшем клубе НХЛ. И подчас «сквозь губу» (неохотно и снисходительно) дающий согласие выступить за бывшую свою страну в чемпионате мира. Почетное место в составе национальной сборной и участие в мировом чемпионате — всегда хороший шанс попасть на международные смотрины зарубежных скаутов. Поэтому уровень готовности и самоотдачи игроков будет совершенно иным, чем прежде.

Такое новое положение правил (или Устава МЛХЛ) необходимо немедленно начать лоббировать через наших представителей в лиге. Можно надеяться, что все страны, особо «потерпевшие» и продолжающие страдать от НХЛ, поддержат эту инициативу и поправку в регламент чемпионатов мира. Но под лежащий камень вода не течет. Для «протаскивания» такого тезиса необходима политическая и даже дипломатическая работа. Если НХЛ делает национальные хоккейные федерации бесправными, необходима их легитимная борьба за свои права на международной арене. Такова международная политика в хоккее. Как любая, в том числе и большая поли-

тика, она имеет экономическую основу. Эта сторона требует также очень тщательного изучения специалистов — экономистов, финансистов, юристов. Но начать действовать политически необходимо уже сегодня.

Наряду с этим, необходимо в первую очередь закрепить этот подход к участию российских спортсменов в международных соревнованиях изменениями в нашем законодательстве. То есть и в Государственной Думе нужно упорно и настойчиво отстаивать национальные интересы России в международном спорте вообще и хоккее в частности.

Для наглядного доказательства эффективности политических шагов в спорте вспомним живой и довольно свежий (всего-то 30 лет!) пример из недавней хоккейной истории.

После затянувшейся серии неудач на чемпионатах мира (последняя победа в 1961 году) Канада в конце 1969 года выдвинула Международной лиге жесткий ультиматум. Ей разрешают включить в состав сборной на чемпионат мира минимум шесть профессиональных хоккеистов (каких, не уточнялось), или она отказывается сразу от двух своих обязательств: во-первых, от участия в чемпионате мира; во-вторых, от проведения первенства мира на своей территории, как ранее было запланировано. Поставленное Канадой условие принято не было. Демарш состоялся — Канада осуществила угрозу, она отказалась от проведения чемпионата мира и участия в нем. И не возвращалась на эти турниры вплоть до 1977 года, с которого участие профессионалов в мировых первенствах стало нормой жизни. Что выиграла Канада от

такого демарша? Во-первых, оперируя восточными понятиями, она «сохранила лицо»! Не провалившись в первом для своей родины чемпионате мира, канадцы в глазах своих поклонников остались отверженными, но непобежденными еще восемь лет. А тем временем подвернулись еще и первые серии встреч профессионалов (НХЛ и ВХА) с русскими командами — и сборной, и клубами. Суммарный итог всех этих соревнований оказался почти равным. В результате столь затяжной паузы положение канадского хоккея утратило непонятную двойственность. Открытые встречи с профессионалами НХЛ проходили почти на равных — советские команды чуть чаще побеждали. Зато канадцы выиграли новый турнир, учрежденный ими же самими и получивший название Кубок Канады. В целом создавалось впечатление равенства сил без унижительных ежегодных провалов сборной Канады на чемпионатах мира. Даже когда в 1977 году они возобновились, уже никто не воспринимал серьезно сборную этой страны на чемпионатах мира. Акцент в борьбе двух школ был политически умело перенесен с чемпионатов мира на серии неофициальных матчей с профессионалами НХЛ. За 20 лет (с 1972 по 1991 год, то есть до распада СССР) вне мировых первенств в таких сериях был сыгран 141 матч при 71 победе советских команд, 16 ничьих и 54 поражениях, то есть в нашу пользу примерно в соотношении 4 : 3.

Начиная с 1992 года, прямые соревновательные контакты (серии встреч любого уровня) российско-го хоккея с канадским профессиональным потеряли всякий смысл и были прекращены, так как все луч-

шие хоккеисты нашей страны без исключения переместились в НХЛ и клубы европейских стран. Ежегодно, начиная с 1993 года, численность наших легионеров превышала 100 человек за сезон, и это были сильнейшие отечественные хоккеисты. Четыре полных состава сборной страны!

Сегодняшний кризис отечественного хоккея отчасти напоминает тупиковое положение канадского любительского хоккея конца 60 — начала 70-х годов. Но только с обратным знаком. Тогда за спиной «погибающих» канадских любителей стоял мощный бастион НХЛ. У нас сегодня едва родившийся профессиональный хоккей не только не имеет сколько-нибудь надежных тылов, а просто разорен все той же НХЛ.

Чрезмерным оптимистам, воспринявшим с возмущением приведенные здесь соображения, хотелось бы напомнить, что Канада шла к возврату своего чемпионского звания целых 36 лет. А ведь эта страна и ее спорт не переживали потрясений, подобных тем, что имели место в России в 90-е годы.

Отечественный хоккей вернулся как бы к своим истокам. Круг неотложных задач, стоящих сегодня перед ним, практически тот же, что и 50 лет назад: сохранение национальной самобытности игры, восстановление и охрана независимости национального хоккея, возрождение славных традиций и использование накопленного опыта для обязательного возвращения на победный путь развития.

Остается только напомнить, что очередной чемпионат мира 2000 года Международная лига хоккея на льду проводит в России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Исчерпывающий ответ на вопрос: что это за явление в спорте XX века — Анатолий Тарасов, мне помог найти в своей книге «Гений места» блистательный литератор и редкий интеллигент Петр Вайль. По Вайлю, как это не покажется ему странным, главное желание Тарасова — не подладиться к основам могущественного канадского хоккея, перехитрить, победить его. Главный жизненный принципиальный выбор Тарасова содержался в отказе от пути ассимиляции, на котором, по его убеждению, нельзя было преуспеть.

В истории хоккея Тарасов предстает не как человек ряда, а из ряда вон выходящая индивидуальность, наделенная не столько горделивым сознанием причастности, а гордостью частного самосознания.

С появлением в хоккее Тарасова, в большом спорте возникло беспрецедентное противостояние общности профессионалов, вооруженных сводом «законов», и личности, сводящей на нет законы, существовавшие около 100 лет. Во всей истории современного спорта Тарасов предстает как ориентир нового времени, выходящий из границ коллективистского сознания на безграничные просторы личной свободы.

Уйдя из хоккея высших достижений, но оставшись в хоккее как среде обитания Тарасов не утратил главного условия жизнеспособности индивидуума — свободы личности.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СПОРТ XX ВЕКА	5
ХОККЕЙ — МОЯ ЛЮБОВЬ	11
ЛУЧШИЙ ТРЕНЕР СТОЛЕТИЯ	61
22.XII.1946	84
ВЫБОР ПУТИ	117
КОМАНДА-МЕЧТА	137
ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ	151
«БЕЗ» ТАРАСОВА	182
BRAIN & MUSCLE-DRAIN	194
КОРНИ И КРОНА	214
ХОККЕЙ СЕГОДНЯ	249
ПОСЛЕСЛОВИЕ	282

В Издательстве «РУТЕНА» выходит также книга:

серии «Кино и Театр. Личности»:

В.Н. Шиловский «Две жизни»

С.Л. Фарада «Уно Моменто!»

М.И. Пуговкин «Всё это было бы смешно»

Лауреата премии «ТЭФИ» Г.А. СКОРОХОДОВА

«В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО»,

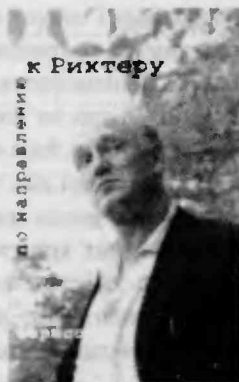
созданная на материалах одноименной передачи.

Книга рассказывает о людях искусства 30-50 годов, чьи имена стали символом времени, а их судьбы - отражением действительности. В первую книгу цикла вошли главы, посвященные

Л. Орловой, Т. Макаровой, В. Марецкой, Я. Жеймо, Н. Крючковой, В. Володину, Б. Бабочкину, З. Федоровой, Р. Зеленой, Л. Утесову, Б. Кадочникову, М. Бернесу, С. Мартинсону, Т. Пельтицер и другим талантливым людям.

В книге, в которую вошли материалы, в том числе и не использованные в одноименном телевизионном цикле, показано, как события и факты, которые до сравнительно недавних пор объявлялись невыходящими за рамки сугубо личной жизни, влияли на творчество этих замечательных людей.

О. Борисов «ПО НАПРАВЛЕНИЮ К РИХТЕРУ»

В серии «Кино и Театр. Личности»

готовится к выпуску книга

СЕРГЕЯ МАКОВЕЦКОГО

В Издательстве «РУТЕНА» выходит также книга:

Известного парижского ресторатора и кулинара

Клода ТЕРРАЙЛЯ «МОЯ СЕРЕБРЯНАЯ БАШНЯ»

Книга воспоминаний самого знаменитого владельца старейшего в Европе ресторана - парижской «Серебряной Башни»,

основанного 400 лет назад. Самые знаменитые люди XX века, от Ч. Чаплина до Маршала Советского Союза Г. Жукова, были друзьями ресторатора, посетителями «Серебряной Башни» или ценителями кулинарного волшебства

К. Террайля. Обо всех этих встречах автор рассказывает очень подробно и с прекрасным чувством юмора.

В книге Вы найдете много удивительных рецептов высокой французской кухни от самого К. Террайля.

По вопросам приобретения книг обращаться:

ООО «Издательство «Хронос-Пресс» 121099 Москва, а/я 880.

Телефоны: 978-49-16, 112-10-89.

Филиал ООО «Хронос СПб».

Телефон в С.-Петербурге: (812) 394-66-23.

Издательство «Хронос-Пресс»
продолжает издание полного собрания сочинений

КИРА БУЛЫЧЕВА

Вниманию читателей предлагаются очередные тома серии
«Взрослая фантастика»:

• Товарищ «Д» •

• Фотография пришельца •

Вы всегда можете заказать
и получить со склада Издательства
отдельные тома всех трех серий
полного собрания сочинений

КИРА БУЛЫЧЕВА

В 2000 году Издательство
«Хронос-Пресс»

готовит к выпуску книги:

Т. Куприянов

«Первая династия

российских издателей»

Н. Розалиев

**«Преферанс и другие
карточные игры»**

Эта книга открывает большую серию
«Карточные игры» из 18 томов.

Издательства «Хронос-Пресс»
и «Аргументы и Факты»
продолжают реализацию проекта
«Криминальный роман»

В этой серии уже вышли в свет книги:

В. Берштейн «КЛОУНЫ»

Н. Филатов, А. Серов «ЧЁРНЫЙ СПИСОК»

Е. Красавина «СМЕРТЬ ПОД ЗАНАВЕС»

Завершается подготовка к выходу
сериала **А. Ларина «СЫСКАРИ»**, в который войдут книги:
«Двойной крест», «Назад в Россию», «Русский поинт»,
«Карлик Икс», «Китайский блюз»

По вопросам приобретения книг обращаться:
ООО «Издательство «Хронос-Пресс» 121099 Москва, а/я 880.

Телефоны: 978-49-16, 112-10-89.

Филиал ООО «Хронос СПб».

Телефон в С.-Петербурге: (812) 394-66-23.

В.С. АКОПЯН

А 40 «ТРЕНЕР Анатолий Владимирович Тарасов.» — М.:

ООО «Рутена», 2001. — 288 с.

Серия «Спорт. Личности.»

ISBN 5-8261-0009-5

Книга рассказывает о величайшем человеке, основателе
научного подхода к тренерской работе в хоккее, о его
труде и успехах, друзьях и помощниках. В книгу вошли
ранее нигде не издававшиеся материалы о А. Тарасове
как человеке и наставнике лучших команд СССР и
России.

УДК 796.966.071.4(47+57)(092)+929 Тарасов
ББК 75.579

**В.С. АКОПЯН
ТРЕНЕР**
Анатолий Владимирович Тарасов

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издательская лицензия ЛР № 066079 от 21 августа 1998 г.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.03.2000 г.
Формат 84х108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Peterburg.
Печать офсетная. Тираж 10.000 экз. Заказ 5399.
ООО «РУТЕНА»

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

ISBN 5-8261-0009-5

9 785826 100097

По вопросам приобретения книг обращаться:
ООО «Издательство «Хронос-Пресс» 121099 Москва, а/я 880.
Телефоны: 978-89-39, 978-49-16, 112-10-89.
Филiaal ООО «Хронос СПб».
Телефон в С.-Петербурге: (812) 183-50-04.

Библио Глобус

Москва, Мясницкая, 6
<http://www.biblio-globus.ru>

Тел: 928-35-67
924-46-80

АНОПЯН ТИЧЕР • Р. И. М. О. В.
Цена: 85 00 2500003642491